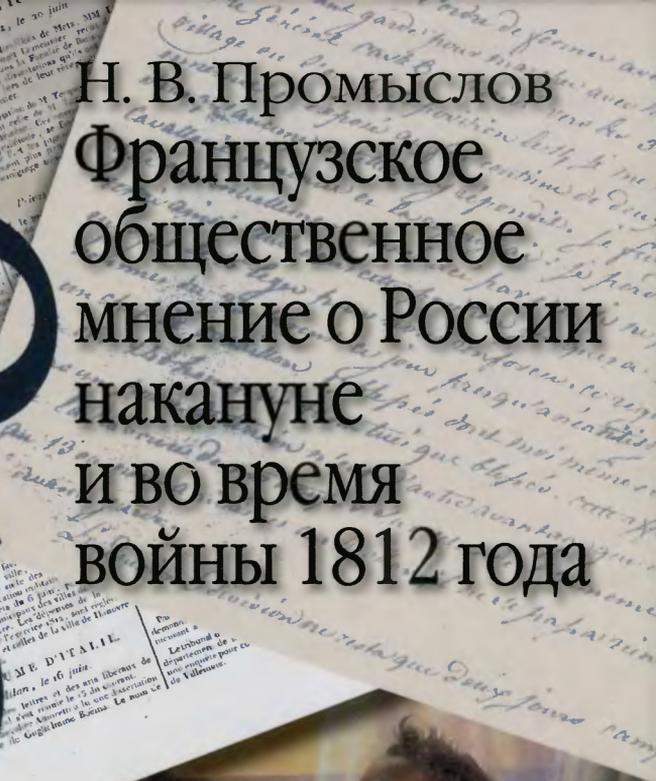

Н. В. Промыслов Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года

Н. В. Промыслов

Французское
общественное
мнение о России
накануне
и во время
войны
1812 года

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ),
проект № 14-18-01116 «Социальные механизмы массовых
протестных движений в эпоху Французской революции
и Наполеоновской империи»*

Рецензенты:

доктор исторических наук А. В. Гладышев;
кандидат исторических наук Л. Л. Ивченко

Промыслов Н. В.

П81 Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года / Н. В. Промыслов. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – 254 с. – (Эпоха 1812 года).

ISBN 978-5-8243-2088-6

В процессе формирования устойчивых представлений о России во Франции кампания 1812 г. стала ключевой и зафиксировала определенный набор преимущественно негативных стереотипов о стране во французском, и шире — европейском, общественном мнении. В книге анализируется роль, которую в формировании исторической памяти о войне сыграла наполеоновская пропаганда 1811–1812 гг., а также преломление непосредственных впечатлений от увиденного в России под воздействием заранее сформированных представлений.

Значение поражения Великой армии в России в 1812 г. было очень велико для всей Европы, поскольку стало началом крушения победоносной империи Наполеона. Многие участники похода в мемуарах пытались оправдать свое поражение в России и сформировали таким образом негативный образ России, который был многократно повторен в произведениях, выходявших во Франции на протяжении всего XIX в.

Для историков и широкого круга читателей, интересующихся подобными проблемами.

УДК 94(44)"654"
ББК 63.3(4Фра)5

ВВЕДЕНИЕ

Основы современного западного общества во многом были заложены в ходе модернизации, развернувшейся в Европе с конца XVIII – начала XIX в. Именно в этот период, с одной стороны, наметился рост влияния широких слоев общества на внешнюю и внутреннюю политику государств, а с другой стороны, отчетливо проявилось стремление правительств управлять общественным мнением, чтобы обеспечить широкую поддержку своим действиям. В частности, для идеологического обоснования тех или иных внешнеполитических акций государственная пропаганда старалась целенаправленно формировать в общественном мнении образы тех народов и стран, в отношении которых подобные акции предпринимались.

Во второй половине XX в. сложилось новое направление исследований в гуманитарных науках – «имагология» (от латинского слова *imago* – изображение, образ), которое занимается изучением механизмов складывания образов «других» у различных социальных, культурных и этнических общностей. Роль образа «другого» в формировании собственной идентичности на разных исторических этапах исключительно важна. Ведь познание чужой культуры и самопознание – явления одного порядка. Только в контактах с чужой культурой происходит осознание специфики собственной культуры¹. Граница между «своими» и «чужими» не является постоянной, но меняется в процессе исторического развития. Контакты с другими культурами приводят к изменению этой границы и всякий раз к новому определению собственной культуры². И в этом отношении бурные события Французской революции 1789 года и последовавшей за

Луцицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 5.

² В плане изучения вопросов строительства наций автор опирался в первую очередь на следующие исследования: *Gellner E. Nations and Nationalism*. N. Y., 1983; *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., 1991; *Neumann I. B. Uses of Other: "The East" in European identity formation*. University of Minnesota Press, 1998; *Каснэ С. И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай*. М., 2012.

ней Наполеоновской эпохи внесли немалый вклад в процесс формирования национальных идентичностей в государствах Европы.

Революционные события оказали огромное влияние на общественную жизнь всех европейских государств. Потоки французской эмиграции и длительные войны были прямыми следствиями Революции, которая потрясла старые границы – не только политические, но и культурные. Для самого французского общества рубеж XVIII–XIX вв. также стал очень важным периодом «открывания» себя и самопознания, формирования новой постреволюционной идентичности, а также знакомства с «другими», которое выразилось в качественно новом познании не только соседствующих и давно знакомых наций, но и более удаленных с географической точки зрения народов и стран, среди которых Россия занимала особое положение.

К концу XVIII в. Россия была довольно хорошо знакома французским просвещенным читателям по сочинениям философов, путешественников и литераторов¹. Однако эти сочинения получили распространение только в среде интеллектуальной и политической элиты Франции, тогда как широкие слои населения имели подчас очень скудные представления о Российской империи. В эпоху Революции и Наполеоновских войн растиражированные пропагандой и последующими мемуарными сочинениями представления о России распространились в обществе очень широко. Большое число участников похода, которые на правах очевидцев могли считаться окружающими квалифицированными экспертами по России, способствовало распространению этих представлений в Европе. Только в ходе войны 1812 года в составе Великой армии в Россию пришло не менее 300 тыс. французов, из которых многие затем пробыли в стране несколько лет в качестве пленных, что делало кампанию одним из важнейших событий для межкультурных контактов двух стран. Важными этапами в познании России и русских стал также поход Суворова в 1798–1799 гг. и столкновения 1805–1807 гг., неизгладимый отпечаток оставила в исторической памяти французов оккупация русскими войсками ряда территорий Франции в 1814–1818 гг.²

См. об этом книгу: *Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М., 2003 (оригинальное издание: *Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford University Press, 1994).

² О походе А. В. Суворова см.: *Митрофанов А. А. Образ России в общественном мнении революционной Франции конца XVIII в. (по материалам публицистики и печати)*. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 44. О событиях,

Побывавшие на рубеже XVIII–XIX вв. в России французские эмигранты, многие из которых какое-то время состояли на службе Александра I, также внесли свою лепту в формирование и закрепление образа России во французском общественном мнении.

Закреплению в общественном сознании представлений о России, сформировавшихся в период Наполеоновских войн, способствовало несколько факторов. Во-первых, большое распространение получили пропагандистские материалы, представленные для этого времени в первую очередь материалами прессы, бюллетенями Великой армии, которые также публиковались в газетах, и памфлетами, хотя последние были представлены не в очень большом количестве. Во всех этих материалах Российская империя регулярно становилась объектом описания. Во-вторых, частная корреспонденция в период войны 1812 г. также являлась важным каналом распространения представлений о России. И в-третьих, важнейшим фактором, обеспечившим долговечность этих представлений, стали многочисленные публикации воспоминаний участников похода, являвшиеся крайне популярным чтением на протяжении всего XIX в. В результате многие из сложившихся и получивших в ту эпоху широкое распространение представлений до сих пор живы не только во Франции, но и в других странах¹.

Изучение общественного мнения связано с изучением человеческого сознания. В данном исследовании нас будет интересовать как более или менее целостный образ России, так и те структурные элементы сознания, которые помогают человеку в изучении/понимании «другого». Важнейшим из этих структурных элементов выступают стереотипные представления о другой стране (в данном случае России) или об отдельных группах ее жителей.

Образ той или иной страны формируется на основе всей совокупности знаний, полученных о ней из личного опыта, устных рассказов третьих лиц или прочитанных текстов. То есть образ страны – это от-refлексированное представление о стране и людях, ее населяющих. В условиях недостатка проверенной и точной информации важную роль в формировании образа страны начинают играть стереотипные,

связанных с присутствием русского экспедиционного корпуса во Франции см.: *Губина М. В.* Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* М., 2002. Вып. 2. С. 153–162.

¹ См., например, статьи, перепечатанные из американской прессы: *Пропитывая себе жизнь среди степей // Власть.* Аналитический еженедельник. 2005. № 38 (641). С. 36; *Шейх в Кремле // Там же.*

клишированные представления, основанные на архитипических образах варвара, врага, чужого.

Стереотип восприятия – это прежде всего элемент человеческого мышления, поэтому, изучая стереотипы, мы изучаем человеческое мышление, индивидуальное или коллективное. Это познавательная схема, облегчающая работу с информацией. Такая схема хоть и упрощает реальные объекты или явления, тем не менее помогает человеку быстрее ориентироваться в окружающем мире¹. Стереотип носит знаковый характер, что может выражаться, например, в виде трафаретной оценки страны-противника. Особенно часто знаковая форма используется пропагандой для закрепления в широких слоях общества соответствующего моменту восприятия другой страны². Межэтнические стереотипы отличаются не критичностью, ограниченностью, а нередко и искаженностью когнитивного содержания. Но поскольку они являются естественными и закономерными элементами самосознания, то в них важна не истинность или ложность их когнитивного содержания, а убежденность в соответствующем знании и его эмоциональное наполнение³.

Важнейшей характеристикой стереотипа является его устойчивость, определяемая его собственными механизмами, которые обеспечивают его сохранение и ограждают его от противоречивой информации⁴. Но это не означает, что стереотип никак не меняется на протяжении времени. Некоторые изменения вполне возможны, и они лишь придают ему видимость объективности, в то время как основные установки стереотипа продолжают существовать долгое время. В силу особенности человеческого восприятия негативные представления о человеке или группе намного труднее разрушить, чем позитивные⁵.

Набор стереотипов, рождающих образы, часто обуславливает модель поведения, которая имеет вполне конкретную цель. Этот тандем (цель плюс модель поведения) становится в свою очередь объектом оценки со стороны окружающих. Определенная цель всегда ассоции-

Медведева С. М. Проблема политического стереотипа в зарубежной политической психологии. М., 2005. С. 10–11.

² *Чугров С. В.* Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. М., 1993. С. 7–8.

³ *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 66.

⁴ Там же. С. 71.

Джамалян Д. В. Особенности формирования этнических стереотипов в ситуации конфликта // Межкультурный диалог: исследования и практика. М., 2004. С. 286.

руется с наиболее вероятными типами действий по ее достижению при формировании впечатления не только о людях, но также об обособленных группах. Таким образом, стереотипы и образы не только составляют психологическое пространство, в котором действуют отдельные люди и группы, но и направляют эти действия¹.

Через осмысление стереотипных установок происходит подготовка и оправдание агрессивных действий по отношению к другому государству. При этом агрессия не всегда может быть связана с военными действиями, но может носить и интеллектуальный характер, как, например, обращение к государю этой страны с призывом к цивилизаторской деятельности по отношению к собственной стране.

Еще одним важным понятием для настоящей работы является термин «общественное мнение». Содержание этого понятия для той или иной исторической эпохи остается по-прежнему дискуссионным². Для Франции первой половины XVIII в. общественное мнение (*opinion publique*) – это, скорее, мнение интеллектуальной и экономической элиты общества, противопоставляемое мнению «политических группировок», которые в представлении «просвещенной» элиты находились тогда у власти. Постепенно с развитием книгопечатания и увеличением числа и тиражей периодических изданий понятие «общественное мнение» распространяется на все более широкие слои населения. Однако в период Революции во Франции очень заметно различалось мнение парижского общества и провинций³. Во время правления Наполеона за счет проведения единой цензурной политики по отношению к печатным изданиям (подробнее об этом см. далее) императору французов во многом удалось преодолеть этот барьер между столицей и провинцией. Свою роль в расширении границ общественного мнения сыграли и массовые призывы в армию в эпоху Революционных и Наполеоновских войн. С 1791 по 1814 г. в ряды французских вооруженных сил было призвано в общей слож-

Чугров С. В. Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. С. 13.

² *Farge A.* Dire et mal dire: L'Opinion publique au XVIIIe siècle. P., 1992; *Gunn J. A.V.* Queen of the World: Opinion in the Public life of France from the Renaissance to the Revolution. Oxford, 1995; *Habermas J.* L'Espace public. Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise. P., 1996; *Baker K. M.* Politique et opinion publique sous l'Ancien Regime // *Annales ESC.* 1987. P. 41–71; *Baker K. M.* Au tribunal de l'opinion. Essai sur l'imagerie politique au XVIII siècle. P., 1993; *Ozouf M.* Le concept de l'opinion publique au XVIII siècle // *Ozouf. M.* L'homme régénéré: Essais sur la Revolution Française. P., 1989.

³ *Генифе П.* Политика революционного террора: 1789–1794. М., 2003. С. 159.

ности от двух до трех миллионов человек¹. Письма и устные рассказы солдат этих армий стали важными источниками информации о других странах, в частности о России, для очень широких слоев населения Франции.

Осложнения отношений между двумя союзниками по Тильзиту начались уже во время Эрфуртского свидания двух императоров, а после заключения брака между Наполеоном и Марией Луизой взаимное охлаждение и переориентация Франции на союз с Австрийской империей становится все более и более очевидным. Уже 16 марта 1810 г. министр иностранных дел Франции Шампаньи подал императору доклад об отношениях с Россией, в котором предложил начать подготовку к войне². Важным этапом на пути к военному конфликту между бывшими союзниками стал таможенный тариф, введенный в России в самом конце 1810 г. Видимо, именно с этого момента война между Россией и Францией стала практически неизбежна, поэтому именно это событие стало точкой отсчета для данного исследования. Другой хронологической границей является окончание русской кампании Наполеона или, как её традиционно называют в российской историографии, Отечественной войны 1812 г.

В последние годы вышло немало работ, посвященных образу России во Франции в ту или иную эпоху³, однако такой важный период, как кампания 1812 г., незаслуженно выпал из зоны внимания

Forrest A. Conscripts and Deserters: The Army and French Society During the Revolution and Empire. New York, 1989. P. VII.

² Текст доклада см.: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Т. 3. СПб., 1897. С. 471–483.

³ *Артемова Е. Ю.* Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII в.) М., 2000; *Гладышев А. В. Тотфалушин В. П.* Страдания француза в России. По страницам воспоминаний Р. Вьейо о пребывании в русском плену 1812–1814 гг. // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 7. М., 2006; *Летчфорд С. Е.* Французская революция конца XVIII в. и формирование образа России в общественном мнении Франции // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004; *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003; *Митрофанов А. А.* Образ России в общественном мнении революционной Франции конца XVIII в. (по материалам публицистики и печати). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Строев А.* Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // Логос. 1999. № 8; *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes: L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P., 1967; *Liechtenhan F.-D.* Les trois

исследователей, занимающихся изучением взаимных представлений различных народов. Большинство работ, связанных с историей русской кампании Наполеона, посвящены военным, дипломатическим и в меньшей степени социально-экономическим вопросам. При этом львиная доля публикаций принадлежит военной истории, в то же время такой важный вопрос, как представляли себе своего врага французские солдаты, изучен явно недостаточно. Представляется необходимым комплексно проанализировать образ России, сформировавшийся во французском общественном мнении, накануне и во время войны 1812 г., выявить механизмы формирования этого образа в 1811–1812 гг. и его закрепления в исторической памяти широких слоев французского общества.

Тема данной работы находится на стыке двух больших областей исторического знания: истории Отечественной войны 1812 г., которая является составной частью историографии Наполеоновских войн, и истории взаимных представлений народов друг о друге и, в частности, представлений французов о России и русских.

История Отечественной войны 1812 г. или, как ее называют в европейской традиции, Русской кампании Наполеона, на протяжении многих лет вызывает очень большой интерес у историков разных стран. Популярности этого сюжета способствует повышенное внимание, которое уделяется в разных странах фигуре императора Наполеона, в чьей судьбе русская кампания сыграла роль поворотного момента. И до сего дня историки задаются вопросами о том, была ли эта война неизбежна, мог ли император французов выйти из нее победителем.

Самым популярным направлением при изучении истории кампании 1812 г., как и всей вообще наполеоновской историографии, была и до сих пор остается военная история. Признанным корифеем и лидером этого направления на протяжении многих лет оставался британский историк Д. Чандлер¹, чьи работы оказали большое влияние и на российских историков². В рамках этого направления писали

christianismes et la Russie: Les voyageurs occidentaux face à l'Église orthodoxe russe (XV-e – XVIII-e siècle). P., 2002.

¹ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедии завоевателя. М., 2000; и др.

² Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. Материалы круглого стола // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные губернаторы в Европе XVII–XIX вв. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 361, 366.

свои книги Ч. Дж. Исдейл¹, А. Палмер², К. Даффи³, А. Замойски⁴, П. Бриттен Остин⁵, Ф. Д. Уртуль⁶, А. Микаберидзе⁷ и многие другие. В жанре исторических биографий писали Р. Паркинсон⁸, М. и Д. Джосселсон⁹, уже упомянутый А. Микаберидзе¹⁰, М. П. Рей¹¹, Ж. Тюлар¹². О популярности направления свидетельствует, например, тот факт, что в рамках ежегодной конференции Consortium on the Revolutionary Era 1750–1850, в которой принимают участие многие специалисты по наполеоновской эпохе из США и Европы, именно военные сюжеты находятся в явном большинстве¹³.

В России военно-историческое направление¹⁴ представлено работами В. М. Безотосного, А. А. Васильева, В. Н. Земцова, Л. Л. Ивченко, А. И. Попова и многих других авторов. Немало статей было посвящено судьбе военнопленных Великой армии в России¹⁵. Интересными,

Исдейл Ч. Дж. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997.

² *Palmer A.* Napoleon in Russia. N. Y. 1967.

³ *Duffy Chr.* Borodino and the war of 1812. L., 1972.

⁴ *Zamoyski A.* 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. L., 2004.

Austin P. B. The March on Moscow. London, 1993; *Idem.* 1812. Napoleon in Moscow. L., 1995; *Idem.* 1812. The Great Retreat. L., 1998.

⁶ *Hourtoulle F. G.* La Moscowa – Borodino. La Bataille des Redoutes. P., 2000.

⁷ *Mikaberidze A.* The Battle of Borodino: Napoleon against Kutuzov. L., 2007

⁸ *Parkinson R.* The fox of the North. N. Y. 1979.

⁹ *Josselson M., Josselson D.* The Commander: a life of Barclay de Tolly. Oxford, 1980.

¹⁰ *Mikaberidze A.* Peter Bagration: The Best Georgian General of the Napoleonic Wars. URL: http://www.napoleon-series.org/research/biographies/bagration/c_bagration1.html (дата обращения: 21.03.2012).

¹¹ *Rey M.-P.* Alexandre Ier. P.: Flammarion, 2009.

¹² *Tulard J.* Murat. P., 1983; русское издание: *Тюлар Ж.* Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993; *Tulard J.* Napoleon II. P., 1992.

¹³ См. программы конференции на сайте и в трудах конференции: <http://www.revolutionaryera.org/index.cfm>.

¹⁴ Термин введен В. М. Безотосным, см.: *Безотосный В. М.* О путях развития современной историографии Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. IV М., 2005. С. 300.

¹⁵ См., например: *Бессонов В. А.* Содержание военнопленных Великой армии в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2000; *Гладышев А. В. Тотфалушин В. П.* Страдания француза в России. По страницам воспоминаний Р. Вьейо о пребывании в русском плену 1812–1814 гг. // Россия и Франция. XVIII – XX века. Вып. 7. М., 2006; *Он же.* Французы в Саратове. К истории войны 1812 года // Годы и люди. Вып. 6. Саратов, 1992; *Хомченко С. Н.* Военнопленные армии Наполео-

хотя и не бесспорными в своих выводах, являются книги О. В. Соколова¹, которые вышли одновременно и за рубежом, чем выгодно отличаются от работ большинства российских историков войны 1812 г., чьи работы практически не известны за пределами России. В последние десятилетия в России также вышло немало биографических трудов, посвященных отдельным личностям эпохи². Большим событием в российской историографии темы стал выход в свет книги «Энциклопедия Отечественной войны 1812 г.» и ее продолжения, посвященного кампаниям 1813–1814 гг.³. Сообщество историков войны 1812 г. занимается преимущественно сюжетами, связанными с военной историей, и представляет собой довольно замкнутую и узкоспециализированную профессиональную корпорацию. Многие исследователи, посвятившие себя изучению противоборства двух императоров в 1812 г., практически не занимаются смежными темами⁴.

Отход от чисто военной тематики в изучении 1812 г. и процесс обновления методологического инструментария происходили и происходят в России медленнее, чем на Западе. Только в самом конце XX – начале XXI в. исследователи стали касаться проблем, изучаемых в рамках социальной истории, исторической психологии, истории ментальностей, исторической памяти и других сфер современного гуманитарного знания. Давно уже не выходило из-под пера российских исследователей полноценных обобщающих трудов по истории войны 1812 г.⁵

на в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2007; *Он же*. Мемуары военнослужащих армии Наполеона, проводивших плен в Оренбургской губернии в 1812–1814 гг. // История оренбургская: наследие и современность. Т. 2. Оренбург, 2006. С. 325–335.

¹ *Соколов О. В.* Армия Наполеона. СПб., 1999; *Он же*. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа: 1799–1805 гг. Т. 1–2. М., 2006; *Он же*. Битва двух империй. 1805–1812. СПб., 2012; *Sokolov O.* L'armée de Napoléon. P., 2002; *Idem.* Austerlitz: Napoléon, l'Europe et la Russie. P., 2006.

² См., например: *Ивченко Л. Л.* Кутузов. М., 2012; *Тартаковский А. Г.* Незагаданный Барклай. Легенды и быль 1812 г. М., 1996; *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

³ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004; Заграничные походы русской армии 1813–1815 годы: Энциклопедия: В 2 т. М., 2012.

⁴ *Промыслов Н. В., Земцов В. Н., Ивченко Л. Л., Петито Н., Вовси Э. М., Форрест А., Монтес М.* Наполеоновские войны в национальных историографиях Европы и Америки: материалы круглого стола // Французский ежегодник 2013: Русская кампания Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 301.

⁵ Работа Н. А. Троицкого «Великий год России», переизданная к юбилею Отечественной войны 1812 г., если судить по развернутому предисловию к

В России историография наполеоновской эпохи представлена почти исключительно работами по истории Отечественной войны 1812 г., тогда как исследования по иным вопросам и отраслям исторического знания находятся в явном меньшинстве. Так, до сих пор остаются практически неизученными экономические аспекты Наполеоновских войн и войны 1812 г., в частности для Российской империи. Кроме книги Е. В. Тарле, вышедшей почти сто лет назад, и книги М. Ф. Злотникова, написанной в 1930-е гг., первый том которой опубликован в 1966 г., а второй по-прежнему остается нетронутым в архиве, работ по этим вопросам практически нет¹. Некоторые статьи, посвященные отдельным сюжетам экономической истории, не меняют общего положения вещей².

Фактически последними на настоящий момент обобщающими работами по истории похода Наполеона в Россию в 1812 г. являются книги Д. Ливена³ и М.-П. Рей⁴. В своем исследовании британский историк сконцентрировался на политике Александра I и его близких советников. На основании исследования многочисленных документов, он пришел к выводу, что Великую армию погубили не снег и/или бескрайние пространства России, но твердая политика царя, помноженная на лучшую систему командования, администрации и снабжения, чем та, которой располагал Наполеон. Среди прочего, автор отметил удивительное невнимание российских исследователей к истории кампаний 1813–1814 гг., хотя в событиях этих войн, по его мнению, именно русская армия сыграла ключевую роль⁵. Французская исследовательница в своей работе, наряду с военно-стратегическими сюжетами, связанными с кампанией, подробно ос-

ней И. А. Шеина, незначительно изменилась по сравнению с первым изданием 1988 г. и потому вряд ли может считаться новинкой. См.: *Шейн И. А. Предисловие // Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 2007. С. 7–68.*

¹ Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. Материалы круглого стола // Французский ежегодник 2011. М., 2011. С. 392.

² См., например: *Трошин Н. Н. Русские финансы в 1812 г. // Бородино в истории и культуре. Материалы Международной научной конференции, 7–10 сентября 2009 г. М., 2010. С. 181–199.*

³ *Lieven D. Russia against Napoleon. The battle for Europe, 1807 to 1814. Penguin books, 2010; русское издание: Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012.*

⁴ *Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P., 2012; русское издание: Рэй М.-П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М.: РОССПЭН, 2015.*

Lieven D. Russia against Napoleon. P. 4–5.

ветила также причины конфликта, силы и планы сторон перед началом военных действий, а также размеры и значение потерь для России и Франции. Большое внимание М.-П. Рей уделяет изменению характера войны, которая, начавшись как традиционный для XVIII–XIX вв. политический конфликт, быстро превращается в «тотальную войну», которая ведется обеими сторонами с нарушением всех гуманистических традиций того времени. Важнейшим отличием обеих указанных работ является то, что они во многом раздвигают рамки традиции изображения войны 1812 г., которые сложились во Франции, Великобритании и вообще западной историографии¹.

В рамках истории международных отношений в последние два десятилетия был также написан ряд весьма интересных работ. М. Адамс в своей монографии охватил франко-русские отношения за весь период Французской революции и правления Наполеона², а В. М. Безотосный сконцентрировал внимание на событиях 1812 г.³ В книге В. В. Рогинского освещены вопросы взаимоотношений России, Франции и стран Северной Европы⁴.

Популярное в последние десятилетия антропологическое направление в истории нашло свое отражение и применительно к наполеоновской эпохе. В своей монографии Жан-Поль Берто проанализировал социальный облик наполеоновского солдата⁵. Эта работа стала логическим продолжением его более раннего исследования⁶. В сходном направлении работает и другой «классик» изучения французской армии – британский профессор Алан Форрест. Основываясь на эпистолярном наследии периода Революционных и Наполеоновских войн, он осветил целый ряд вопросов, связанных с повседневной

¹ *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814; *Чудинов А. В., Рей М.-П., Парсамов В. С., Безотосный В. М., Исколь С. Н., Мельникова Л. В., Ивченко Л. Л., Промыслов Н. В., Подмазо А. А., Бибилов Г. Н., Белусов С. В., Орлов А. А.* Российская история. 2013. № 6. С. 3–51; *Чудинов А. В.* О «глобализации» в историографии войны 1812 года (Размышления над книгой М.-П. Рей) // Французский ежегодник 2013: Русская кампания Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 61–74.

² *Adams M.* Napoleon and Russia. Hambledon Continuum, 2007.

³ *Безотосный В. М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика. М., 2012.

⁴ *Рогинский В. В.* Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн (1805–1815). М., 2012.

⁵ *Bertaud J. P.* Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au cœur de la France de Napoléon. P., 2006.

⁶ *Bertaud J. P.* La vie quotidienne des soldats de la Révolution, 1789–1799. P., 1985.

жизнью французской армии во время походов и в военных лагерях¹. Книги авиньонского профессора Натали Петито, чьи труды также можно отнести к антропологическому жанру, наряду с историей армейской повседневности, посвящены вопросам восприятия завоеванных стран французскими солдатами, а также исторической памяти, формированию и распространению наполеоновской легенды во Франции². Однако упомянутые работы этого направления посвящены тематике 1812 г. лишь в той степени, в которой русская кампания Наполеона являлась частью большой наполеоновской эпопеи.

История взаимных представлений народов друг о друге изучается в современной науке весьма активно. Интерес к теме конструирования образа России в странах Западной Европы возник еще в середине XX в. и подогревался их непростыми взаимоотношениями с Советским Союзом³. Особое внимание при этом уделялось конструированию образа России во Франции в XVIII – первой половине XIX в.⁴, значение именно этой страны объясняется доминирующим положением французского языка в мире литературы, искусства и дипломатии того времени.

В последние десятилетия интерес к теме подогревали теоретические работы об особенностях представлений народов друг о друге и конструировании наций Б. Андерсона⁵, И. Ноймана⁶,

Forrest A. Conscripts and Deserters: The Army and French Society During the Revolution and Empire. New York, 1989; Forrest A. Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. L., 2006.

² *Petiteau N. Napoléon, de la mythologie à l'histoire, Paris, Le Seuil, "L'Univers historique", 1999 (и др. годы издания); Petiteau N. Guerriers du Premier Empire. Experience et memoires. P., 2011; Petiteau N. Écrire la mémoire. Les mémorialistes de la Révolution et de l'Empire. Paris, Les Indes Savantes, 2012.*

³ См., например: *Anderson M. S. Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. L., 1958; Lortholary A. Les "Philosophes" du XVIII-e siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIII-e siècle. P., 1951; McNally R. The Origins of Russophobia in France 1812–1830 // American Slavic East and European Review. 1958. 17, April. P. 173–189; Mohrenschildt D. S. von. Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. N. Y., 1936.*

⁴ *Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. P., 1967; Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue Russe. P., 1967.* В том числе благодаря Кадо изучение русско-французских культурных связей стало одним из наиболее развитых направлений в гуманитарных науках, см., например: *L'ours et le coq. Essais en l'honneur de M. Cadot réunis par F.-D. Liechtenhan. P., 2000.*

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

⁶ *Нойман И. Использование Другого. М., 2004.*

Э. Саида¹, В. А. Тишкова². Для изучения взаимных представлений европейцев об окружающих народах в XVIII–XIX вв. знаковой стала книга Л. Вульфа, в которой американский исследователь подробно рассмотрел проблему конструирования учеными и политиками века Просвещения образа восточноевропейского региона как «единого целого»³. Изучению религиозного фактора в восприятии России посвящена работа Ф. Д. Лиштенан⁴, основанная на материалах XVI–XVIII вв. Сформировавшиеся на протяжении трех столетий и получившие распространение в различных политических группах представления о православии как религии и о русской церкви оказали заметное влияние на восприятие этих феноменов и во время похода Великой армии в Россию в 1812 г.

Благодаря падению железного занавеса с конца XX в. российские специалисты стали все чаще обращаться к теме представлений о России в Европе вообще и, в частности, во Франции. В отношении изучения образа России в общественном мнении Франции необходимо упомянуть книгу С. А. Мезина⁵, которая, хотя и посвящена в первую очередь восприятию в Европе Петра I и его эпохи, затрагивает и период рубежа XVIII–XIX вв., касаясь истории знаменитого «Завещания Петра Великого». Используя новые материалы архива МИД Франции, В. А. Мильчиной был рассмотрен вопрос о существовании «русского миража» в 1820–1840-е гг., когда апологетам французской монархии Россия казалась страной, где воплотилась консервативная утопия⁶.

Период пребывания русской армии во Франции в 1814–1818 гг. рассмотрен в работах М. В. Губиной. Исследовательница демонстрирует влияние пропагандистских установок периода правления

Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006.

² Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения.

⁴ Liechtenhan F.-D. Les trois christianismes et la Russie: Les voyageurs occidentaux face à l'Eglise orthodoxe russe (XV-e – XVIII-e siècle). P., 2002. См. также: Лиштенан Ф.-Д. Русская церковь XVIII века глазами западных наблюдателей; политический и философский аспекты // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 65–76.

Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I.

⁶ Мильчина В. А. Россия в католической и протестантской французской прессе «Correspondent» и «Semeur», 1840–1846 // Россия и Франция: дипломаты, литераторы, шпионы. СПб., 2004. С. 291–317; Она же. «Русский мир» французских легитимистов 1830-е – 1840-е гг. // Там же. С. 344–389.

Наполеона на формирование стереотипов общественного сознания, а также затрагивает вопрос живучести этих стереотипов при столкновении с реальностью¹. С. Е. Летчфорд, опираясь на материалы прессы, показал некоторые важные особенности восприятия образа России в общественном сознании Франции рубежа XVIII–XIX вв. и подчеркнул особое значение памфлетной публицистики и периодической печати для изучения французо-российских культурных и политических связей².

Вопросам формирования исторической памяти о русской кампании 1812 г. посвящены работы В. Н. Земцова. В ряде статей и монографии исследователь описал процесс формирования французской версии Московского пожара 1812 г.³ В отдельной небольшой статье историк обозначил некоторые ключевые моменты, связанные с представлениями французов о России и русских накануне и во время кампании 1812 г. Он предположил, что кампания в России оказала заметное влияние как на формирование отдельных национальных идентичностей европейских народов (и в том числе русских), так и на формирование общего представления о Европе как едином цивилизационном целом, и одновременно именно после этой кампании, считает В. Н. Земцов, Россия стала очень часто противопоставляться Европе⁴. Заявленные тезисы кажутся весьма продуктивными для дальнейшего развития темы, однако нуждаются при этом в более

Губина М. В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 153–162; *Goubina M.* Les bulletins de l'armée napoléonienne (1805–1812) et le problème épistémologique de la constitution de l'image de la Russie // Colloque "Représentations de la Russie: dire et connaître", ENS LSH, Lyon, URL: <http://www.ens-lsh.fr/labo/CID/russe/lj-goubina.htm> (дата обращения: 27.09.2004); на рус. яз.: *Губина М. В.* «Война перьев» в 1812 году // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 194–200.

² *Летчфорд С. Е.* Французская революция конца XVIII в. и формирование образа России в общественном мнении Франции. С. 77–85.

³ *Земцов В. Н.* Наполеон в Москве (Наполеон, его солдаты и Россия) // Французский ежегодник 2006. М., 2006; *Он же.* 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010; *Он же.* Аббат Сюрюг и французский «миф» о московском пожаре 1812 года // *Imagines mundi: Альманах исследований по всеобщей истории XVI–XX вв.* № 4. Интеллектуальная история. Вып. 2: Сб-к науч. работ. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2006.

⁴ *Земцов В. Н.* Россия и русские глазами французов в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы X Всероссийской научной конференции, Бородино, 3–5 сентября 2001 г. М., 2002. С. 97–105.

подробном рассмотрении, чтобы выявить общие и особенные элементы в восприятии России во Франции в наполеоновскую эпоху по сравнению с предыдущими и последующим периодами. Большой интерес также представляют конкретные механизмы распространения тех или иных представлений о России в наполеоновской Франции. Истории формирования исторической памяти о сражении на Березине посвящена работа А. А. Постниковой¹.

Таким образом, несмотря на обилие трудов, в которых рассматриваются представления французов о России в Новое время, исследовательский интерес к теме не ослабевает. Появляются новые работы, посвященные этой тематике, в которых используются новые для данной темы источники, а также применяются новые методики для исследования. При этом различные периоды во взаимоотношениях между двумя странами рассмотрены с разной степенью подробности. Наиболее разработанными являются в этом отношении эпоха Просвещения, Французской революции и период 1830–1860-х гг., в то время как ключевой во многих отношениях период правления Наполеона I и русского похода 1812 г. охвачен в имагологических исследованиях лишь фрагментарно. Хотя именно во время похода в Россию большие массы французов смогли воочию увидеть ранее неизвестную для них страну и проверить свои ранее сложившиеся представления на практике. Свидетельства этих многочисленных очевидцев еще в течение многих лет оказывали влияние на представления о России во Франции и других странах².

Постникова А. А. Великая армия на Березине. Событие – память. СПб., 2014.

² См., например: Дацишина М. В. Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. № 6. 2011. С. 149–156.

Часть I
ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОПАГАНДА
О РОССИИ В 1811–1812 гг.
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА

К походу против России Франция готовилась очень долго. В докладе министра иностранных дел Франции Ж. Б. Шампаньи уже содержалось предложение начать подготовку к грядущей войне против России. Тогда же французская разведка начала активно собирать сведения о состоянии русской армии и о западных русских губерниях как возможном театре военных действий¹. С весны 1811 г. Наполеон стал усиливать гарнизоны крепостей в Германии, а также «дивизию Даву», которая стояла на границе герцогства Варшавского (она оставалась дивизией только по названию и в начале войны была превращена в корпус). Уже летом 1811 г., по мнению большинства историков, поход был делом, решенным окончательно и бесповоротно². Таким образом, подготовка к войне против России заняла более года. Так долго Наполеон готовился только к несостоявшейся экспедиции против Англии. Но тогда Великобритания уже находилась в состоянии войны с Францией, и военные приготовления против нее не требовали объяснений. Россия же в 1811 г. формально являлась союзником Франции, поэтому необходимость войны с ней нуждалась в обосновании.

Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 35.

² См., например: *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. В 4 т. Т. 4. Разрыв франко-русского союза. Ростов-на-Дону, 1995; *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1989; *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1997. *Земцов В. Н., Орлов А. А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005 // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 211. *Duffy Chr.* Borodino and the war of 1812. L., 1972; *Tulard J.* Le Grand Empire, 1804–1815. P., 1977. Во многом эта точка зрения базируется на сведениях мемуарных источников. Так, Коленкур упоминает о разговоре императора с министром военного снабжения де Сессаком в середине августа 1811 г., во время которого император дал министру поручение готовить большое количество транспортных средств для похода против России. *Коленкур А.* Мемуары. Таллинн, Москва, 1994. С. 63.

Глава 1. Система пропаганды в Первой империи в 1811–1812 гг.

Во все времена государство пыталось управлять общественным мнением, объясняя правильность своей позиции и своих решений. Для влияния на разные слои общества могли использоваться разные инструменты пропаганды. Подобная специализация являлась до некоторой степени условной, но все же можно говорить, что в предреволюционной Франции афиши и карикатуры были адресованы в первую очередь низам общества, поскольку их уровень грамотности был невысок, тогда как театральные постановки и объемные памфлеты были ориентированы на аристократию и состоятельных буржуа. Быстро набиравшие популярность на протяжении XVIII в. газеты благодаря краткости изложения и регулярности довольно скоро стали универсальным орудием воздействия на самые широкие слои общества. В тот период была весьма распространена практика коллективного чтения, что позволяло охватить и неграмотную часть населения. До начала Революции во Франции не сформировалась целостная система государственной пропаганды. Литературные сочинения, театральные постановки или серии карикатур, выпускавшиеся в поддержку политики Бурбонов, скорее носили характер разовых акций, связанных с теми или иными событиями внутри страны или на международной арене. С началом Революции сменявшие друг друга правительства стали уделять более пристальное внимание управлению общественным мнением.

Первое Бюро по формированию общественного мнения было образовано жирондистами в 1792 г. В его задачи входило не только создание пропагандистских памфлетов и газет, но и рассылка официальных опровержений различной информации, которая появлялась на страницах газет, а также подготовка агентов в департаментах¹. Но вскоре власти поняли, что опровергать уже вышедшие публикации неэффективно, гораздо лучше не допускать их появления, но реализовать такое решение непросто.

Неэффективность Бюро была связана также с особенностями политического процесса периода Революции, когда каждый политик использовал имевшиеся у него ресурсы в первую очередь для сведения счетов с оппонентами, которые также могли занимать государственные посты. Создание специального властного органа по управлению общественным мнением было дополнено введением репрес-

Popkin J. D. Revolutionary news. The press in France 1789–1799. Durham, N. C.; L., 1990. P. 172.

сивных мер. 29 марта 1793 г. вышел декрет, грозивший смертной казнью любому журналисту, рискнувшему высказаться в пользу реставрации монархии или призывавшему к роспуску Конвента. Благодаря этому законодательному акту количество роялистских изданий в провинции значительно сократилось, а в период Великого террора с апреля по июль 1794 г. оппозиционная пресса практически исчезла. Но и путь физического уничтожения политических противников также оказался не самым эффективным, т. к. по Франции продолжали нелегально циркулировать английские, голландские и немецкие издания, да и оппозиционные настроения не исчезли.

Новый этап в установлении контроля со стороны властей за общественным мнением начался с принятия 27 жерминаля IV года (апрель 1796 г.) первого в истории Франции закона, целиком посвященного печати, согласно которому под каждым опубликованным материалом должна ставиться подпись его автора, а газеты должны сообщать имена и адреса своих издателей¹. Кроме того, этот закон предусматривал смертную казнь для тех, кто будет публично призывать к любым изменениям в конституции III года. После переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.) вся пресса была передана под надзор полиции. Поскольку подавляющее большинство типографий и редакций периодических изданий представляли собой коммерческие предприятия, немаловажным оказались экономические рычаги давления на издателей и редакторов. Например, с октября 1797 г. все газеты обязаны были выходить исключительно на бумаге с гербовым штемпелем, что увеличило стоимость подписки и вынудило многие издания перейти от ежедневного режима публикации к более редкому, что сразу снижало их популярность. Рост почтовых тарифов также наносил удар по небольшим периодическим изданиям.

После переворота 18 фрюктидора Директория создала секретное подразделение – так называемое политическое бюро, которое готовило статьи к публикации и занималось вопросами оплаты редакций парижских газет и отдельных авторов. За пять дней до брюмерианского переворота в Люксембургском дворце было принято решение о полной отмене свободы печати и подготовлен перечень газет, которые было дозволено публиковаться².

На всем протяжении своей карьеры Бонапарт уделял большое внимание пропаганде. С самых первых сражений он стремился к тому, чтобы его победы имели широкий общественный резонанс. В пе-

См.: *Popkin J. D. Revolutionary news. P. 173.*

² *Bertaud J.-P. La presse contre-revolutionnaire (1789–1799) // La Contre-Révolution: Origines, histoires et postérité / Sous la dir. J. Tulard. P., 2013. P. 121.*

риод Директории он стал самым популярным генералом во многом благодаря прессе¹. Его успехи в Италии освещались специально созданными для этого при армии газетами, парижская пресса также весьма активно писала о его армии, считавшейся в начале кампании второстепенной. В то же время сражения на германском фронте остались в тени. Аналогичным образом Бонапарт действовал и во время Египетского похода².

После прихода к власти Наполеон продолжил политику Директории, еще более усилив контроль над прессой. Вскоре после переворота 18 брюмера указом первого консула от 17 января 1800 г. из 73 парижских периодических изданий 60 были закрыты. Этот же декрет запрещал открытие новых газет, а министр полиции обязан был готовить отчеты о департаментской прессе³. В период Революции центральным правительствам так и не удалось установить контроль над печатью в департаментах из-за нехватки опытных кадров, а также во многом из-за отсутствия четкой единой пропагандистской политики по отношению к происходящим событиям. После переворота 18 брюмера редакторы периодических изданий стали подконтрольны министерству полиции и потому не были вольны в выборе материалов для своих газет и журналов⁴. Кроме сокращения числа газет как в столице, так и в провинциях, был издан ряд законов, способствовавших усилению влияния прессы на общественное мнение. Министерства были обязаны регулярно готовить для прессы информацию о своей деятельности. Кроме того, газета *Moniteur* получила монополию на важную политическую информацию, например публикацию дебатов в законодательном корпусе и трибунате, донесения из воюющей армии также публиковались в *Moniteur* раньше, чем в других периодических изданиях Франции⁵, остальным изданиям разрешалось лишь перепечатывать эту информацию из главной газеты страны. Декретом от 6 ноября 1807 г. провинциальным газетам за-

Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». М., 1997. С. 32.

² Подробнее о французской прессе в Египте см.: Прусская Е. А. Французская пресса в Египте о мусульманском Востоке (1798–1801) // Французский ежегодник 2012. М., 2012. С. 223–251.

³ *Welschinger H.* La Censure sous le premier empire, avec documents inédits. P., 1887. P. 80–81.

⁴ *Тарле Е. В.* Печать во Франции при Наполеоне I // Сочинения: В 12 т. Т. 4. М., 1958. С. 505.

⁵ Так, например, в период кампании 1812 г. бюллетени Великой армии публиковались сначала в *Moniteur Universel* и лишь на следующий день повторялись в остальных газетах.

прещалось писать на политические темы, а разрешалось лишь перепечатывать те материалы, что появлялись в *Moniteur*.

После того как в 1810 г. бывшего якобинца Ж. Фуше, действовавшего иногда в собственных интересах, на посту министра внутренних дел сменил А. Ж.М. Р. Савари, меры в отношении печати стали еще более суровыми. В своих отчетах императору о состоянии прессы он, отмечая, что все материалы газет воспринимаются в окружающем мире как позиция правительства, а редакторы не всегда, несмотря на существующее указание, копируют только лишь материалы *Moniteur*, предлагал сократить количество газет и поставить их под еще более жесткий контроль имперского цензора. В результате его усилий 3 августа 1810 г. появилось постановление о том, что в каждом департаменте может издаваться только одно политическое издание. Следствием этого решения стало, с одной стороны, закрытие многих «сверхштатных» газет в провинции, но с другой – появление собственных изданий там, где раньше их не было. В результате именно тогда многие департаменты обзавелись своей первой регулярно выходящей политической газетой¹. В 1810–1811 гг. после новых декретов о печати в Париже осталось всего четыре ежедневные газеты, которые могли публиковать политические новости – *Moniteur Universel*, *Journal de l'Empire*, *Journal de Paris* и *Gazette de France*.

Наполеон лично контролировал содержание прессы и давал четкие указания о том, какие материалы и в каких газетах нужно опубликовать. Император регулярно посылал министру иностранных дел, военному министру, государственному секретарю, а также министру полиции подобные инструкции в письмах.

С самого первого дня правления Наполеон требовал соблюдать в газетных публикациях видимость беспристрастности, чтобы влияние правительства ощущалось не столь явно. Кроме цензоров, проверявших подготовленные тексты газетных публикаций на благонадежность, для контроля над общественным мнением специально назначенные чиновники различных министерств писали статьи и обзоры по текущим событиям, а также отбирали для публикации во французской периодике публикации из немецких или английских газет, которые прямо или косвенно поддерживали курс правительства Наполеона. Все эти меры придумал не император французов, но впервые им была выстроена устойчивая и постоянно ужесточавшаяся система влияния на общественное мнение через прессу.

¹ Cabanis. A. La Presse sous le Consulat et l'Empire (1799–1814). P., 1975. P. 74.

В эпоху правления Наполеона парижские газеты практически лишились такого важного источника информации, как собственные частные корреспонденты на местах. Это произошло в основном по двум причинам. Во-первых, публикации частных корреспондентов, пока те еще существовали, часто не проходили цензуру. Во-вторых, в условиях, когда газеты бесплатно регулярно получали официальные новости из министерств, в том числе министерства иностранных дел, содержание сети собственных корреспондентов стало экономически неоправданно. Газеты по-прежнему оставались для их владельцев в первую очередь бизнесом, и потому каждая возможность снижения издержек использовалась для увеличения прибыльности предприятия.

При освещении международных отношений и боевых действий с участием французских войск французская пресса активно использовала такой источник информации, как газеты других государств. Это было традиционным явлением для прессы XVIII – начала XIX в., однако Наполеон и этот источник информации использовал для управления общественным мнением. С одной стороны, из иностранных изданий выбирались такие публикации, которые поддерживали позицию французского правительства по тому или иному вопросу. С другой стороны, по мере продвижения французских войск по Европе многие центры выпуска газет попадали под власть Наполеона и входили, таким образом, в орбиту его политики.

Благодаря целенаправленной пропагандистской политике государства за время правления Наполеона влияние прессы на общественное мнение возросло за счет проведения всеми газетами скоординированной редакционной политики и большего охвата населения периодическими изданиями. Улучшилась и внутренняя организация газетного дела¹. Одновременно обеспечивались единство и целостность пропаганды по всей стране, поскольку все издания находились под постоянным контролем министерства полиции. Фуше, а затем Савари ежедневно изучали все парижские газеты. Однако наиболее суровым цензором был сам Наполеон, который ежедневно просматривал парижские и многие местные газеты, а также получал краткий отчет о содержании прессы соседних, в том числе союзных, государств. Надзор за прессой осуществлялся и самими журналистами, и редакторами газет, активно писавшими друг на друга доносы².

Moniteur Universel был важнейшим органом пропаганды, одновременно являясь и самым информированным изданием Франции.

Cabanis. A. Op. cit. P. VII.

² *Ibid. P. 196.*

Газету основал в 1789 г. известный издатель Шарль-Жозеф Панкук. Цензором *Moniteur Universel* еще с VIII года был Франсуа Сово, сохранивший свой пост даже после ухода Фуше с поста министра полиции, что вызвало большое количество кадровых перестановок¹. В обязанности цензора входило прочтение и правка каждого материала, в том числе исправление опечаток. Император лично правил некоторые газетные статьи, а иногда даже набрасывал примерные планы будущих публикаций². В 1807 г., как уже говорилось, *Moniteur Universel* формально получил монополию на всю политическую информацию, однако соблюдение этой монополии зависело от нескольких факторов. Региональная французская пресса, если брать в расчет Францию в границах 1792 г., соблюдала монополию *Moniteur Universel* довольно четко в отношении материалов как по внешней, так и по внутренней политике, тогда как другие парижские издания, а также франкоязычные газеты Нидерландов и германских государств довольно широко пользовались собственными источниками информации даже и после вхождения этих территорий в состав Французской империи. В отношении сообщений по международным вопросам франкоязычная пресса зависимых государств и департаментов, присоединенных в 1800–1811 гг., очень часто сама выступала источником информации для парижских изданий, в том числе *Moniteur Universel*.

Размещение материалов на страницах газет было жестко регламентировано и являлось традиционным для периодики конца XVIII – начала XIX в. Первые полосы отдавались международным сообщениям, если таковые имелись. Затем следовали новости из внутренних областей империи, законодательные акты, новости из министерств. Далее обычно публиковались сообщения из Института Франции (*Institut de France*), обзоры новых книг и театральные постановки. Такой порядок публикации материалов никогда не нарушался: даже столь важные события, как рождение наследника Наполеона – Римского короля или начало кампании 1812 г., не могли оттеснить с первых полос малозначимые заграничные новости³.

В каждой заметке на тему международной политики указывались страна и город, откуда пришло сообщение, а также дата его отправки. Интервал между днем отправления и днем публикации для новостей из Санкт-Петербурга составлял обычно не менее трех недель. Вести из других городов России шли дольше. Авторы отдельных сообще-

Cabanis. A. Op. cit. P. 97.

² *Ibid. P. 240.*

³ *Moniteur Universel. 1811. № 81; 1812. № 190 соответственно.*

ний не указывались. Судя по всему, важнейшим поставщиком информации о России являлось французское посольство в Санкт-Петербурге, в том числе в газету попадали хотя и в урезанном виде донесения посла в Министерство иностранных дел¹. Перепечатки из российской прессы также встречаются на страницах парижских изданий. Правда, в 1811–1812 гг. названия русских изданий часто не приводились². Обычно упоминается некая «придворная газета» или же «Петербургская газета», под которой, скорее всего, подразумевалась газета российского Министерства иностранных дел на французском языке *Journal du Nord*, хотя большая часть материалов в ней была посвящена как раз международным, а не российским делам. В частности, из этого издания перепечатывали тексты российских законодательных актов на французском языке и некоторые отчеты о русско-турецкой войне 1806–1812 гг. В период кампании 1812 г. император давал указания герцогу Маре, находившемуся в тот момент в Вильно, о публикации выдержек из российских изданий в парижских газетах³.

Новостная политика прессы времен Империи четко контролировалась властями, некоторая независимость суждений со стороны журналистов допускалась только в статьях по литературе, искусству и наукам. Материалы литературного и научного содержания поддерживали интерес читателей к России как таковой, демонстрируя на примере описаний удаленных регионов (Кавказ, Якутия, Камчатка и т. п.) инаковость страны. Такие статьи заметно дополняли образ России, складывающийся на основе информационных статей.

Сообщения, касающиеся России, приходили и из других стран: например, публиковались перепечатки из английской прессы с указанием конкретного издания и дня публикации материала. В таком случае новость появлялась через три – пять дней после выхода иностранной газеты, ставшей источником данной информации. Очень частыми были также перепечатки материалов из немецких периоди-

Так, сообщение, опубликованное в *Moniteur Universel* 8 марта 1811 г. (№ 67) является кратким пересказом донесения Коленкура от 4 февраля того же года. См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. Т. VI. СПб., 1908. С. 179.

² В четырех номерах *Moniteur Universel* встречаются ссылки на российские газеты «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости». *Moniteur Universel*. 1811. № 285, 306; 1812. № 110, 278.

³ *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale*. Т. 12. Campagne de Russie 1812. P., 2012. P. 944.

ческих изданий, хотя в 1811–1812 гг. немецкие источники указывались далеко не всегда.

В мирное время в среднем в 8–13 номерах ежедневных парижских газет появлялись заметки о Российской империи. Но случались и периоды, когда новостей приходило заметно меньше. Если судить по *Moniteur Universel*, как по формально главной газете страны, первый раз количество публикаций о России существенно сократилось в феврале–марте 1811 г. При этом в феврале заметок было довольно мало: на четыре номера, в которых встречается упоминание Российской империи, приходится только шесть статей. В этом месяце писали о празднике в честь дня рождения императрицы¹, награждении церковных иерархов и новом способе окраски тканей². В марте о России писали в пяти номерах, но заметок уже больше – 13. В одной из заметок, помеченной 15 февраля, говорилось о том, что канцлер Алексей Куракин отправился в отпуск по болезни³. Это сообщение было важно тем, что Куракин являлся известным сторонником сближения с Францией и его отход от политики, даже временный, мог стать предвестием охлаждения отношений между двумя странами. В апреле статьи о России появляются уже в 11 номерах. В зимние месяцы нередко происходило некоторое сокращение числа публикаций из России, но ни разу за время правления Наполеона оно не было столь значительным.

Причину снижения числа публикаций о России следует искать, вероятно, в нараставшем у императора французов недоверии к своему союзнику⁴. В российские порты все чаще заходили так называемые нейтральные суда, на которых в страну ввозились английские товары, что нарушало условия Континентальной блокады. Еще один удар по франко-русским отношениям был нанесен введением новых таможенных правил, направленных против французских товаров⁵. В это же время из Польши приходили сведения о передвижении российских войск и скоплении их на границе с герцогством. Такие маневры могли свидетельствовать о готовившейся войне против Франции. Предполагая возможность скорого начала военных действий, французская пропаганда сократила количество публикаций о вероятном противнике, т. е. в случае открытия кампании потребова-

Moniteur Universel. 1811. № 41.

² Ibid. № 44.

³ Ibid. № 69.

⁴ Ванда А. Наполеон и Александр I. Т. 4. С. 63–64.

Указ был опубликован 19 декабря 1810 г. В *Moniteur Universel* его перепечатали в № 31 от 31 января 1811 г.

лось бы заметное изменение информационной политики. В ответ на эти действия Наполеон в конце марта – начале апреля составил собственный план военных действий против России, в основных чертах повторявший план кампании 1806–1807 гг.¹

В другой раз число сообщений сократилось уже накануне кампании 1812 г. В мае новости о России появлялись в шести номерах газеты, а в июне – только в четырех. На этот раз французский император уже сам готов был начать войну, но хотел, чтобы все происходило согласно его плану, и ни в коем случае не желал торопить события. Наполеон решил первым начать войну и вести ее на территории западных губерний Российской империи. Для этого нужно было собрать все резервы и подождать того времени года, когда в районе будущих боевых действий армии было бы легко находить пропитание и фураж². В последние месяцы перед кампанией газеты не давали никакой информации, которая могла хоть как-то навести на мысль о подготовке военных действий. Возможно, это делалось потому, что Наполеон боялся спровоцировать Александра на начало превентивной войны. Если судить только по газетным статьям, отношения между двумя императорами оставались по-прежнему хорошими, и ничто не предвещало их ухудшения.

О важности печатного слова для Наполеона говорит и тот факт, что во время войны в Испании император требовал от своих маршалов жесткого контроля над местной прессой и сам давал четкие указания, что именно необходимо печатать в этих изданиях. Одновременно Наполеон приказал распространять на оккупированных территориях памфлеты, направленные на дискредитацию прежней династии³. Кроме того, по распоряжению императора в войска, расположенные в Испании, отправляли для распространения среди старшего командного состава номера *Moniteur Universel*, а адмирал Декре высылал по 50 экземпляров каждого номера морским комиссарам в Ла Рошели, Гавре, Нанте и Бордо, откуда раз в месяц газеты отправлялись в колонии. После присоединения в 1810 г. Голландии *Moniteur Universel* стали посылать даже на остров Ява⁴. Таким образом, Наполеон не оставлял без пропагандистского воздействия ни один, даже самый отдаленный регион своей обширной империи. Во время военных кампаний важнейшим пропагандистским оружием

Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 169.

² Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 4. С. 383–384.

³ Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне. Т. 4. С. 497.

⁴ Cabanis. A. Op. cit. P. 269–270.

французского императора были бюллетени о событиях на театре военных действий, которые рассылались отдельными листовками по всей стране и перепечатывались всеми центральными газетами. Также бюллетени распространялись и в подвластных Наполеону государствах и странах, напрямую не связанных с конфликтом.

Система пропаганды в наполеоновской Франции к 1811 г. была довольно четко выстроена и хорошо структурирована и опиралась в первую очередь на периодические издания. Сразу после прихода к власти Бонапарт избрал «единственную официальную газету»¹. Традиционные для XVIII в. инструменты распространения нужных правительству представлений как памфлеты в начале XIX в. уже постепенно теряют свою популярность, но не исчезают полностью. В период похода в Россию в 1812 г. были опубликованы два сочинения, получившие широкое распространение и оказавшие влияние на общественное мнение².

Из-за переменчивости вектора внешней политики Франции, а также из-за довольно жесткой цензуры после заключения Тильзитского союза публицистических сочинений о России вышло сравнительно немного. В 1811 – первой половине 1812 г., т. е. до начала боевых действий, публицистические или исторические труды вообще не издавались. После открытия военных действий была опубликована книга чиновника министерства иностранных дел Франции Ш. Л. Лезюра³, а также двухтомное произведение М. Дамаз де Раймона⁴.

Книга Шарля Луи Лезюра (1770–1849) «О росте могущества России с момента ее возникновения до начала XIX в.» стоит в ряду наиболее влиятельных и популярных сочинений о России, вышедших в начале XIX в. В 1812 г. была опубликована уже вторая редакция этого произведения. Первая вышла в первой половине 1807 г., но после заключения Тильзитского мира распространение книги приостановили. С началом новой войны против России книга была немного отредактирована и напечатана вновь. Поскольку ее автор яв-

Такой подзаголовок появился у *Moniteur Universel* с 7 нивоза VIII года. См.: *Cabanis*. А. Опр. cit. P. 8.

² *Lesur Ch. L. Des progres de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle*. P., 1812; а также: *Damaze de Raymond M. Tableau historique, géographique, militaire et moral de l'empire de Russie*. P., 1812.

³ *Lesur Ch. L. Des progres de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle*. P., 1812.

⁴ *Damaze de Raymond M. Tableau historique, géographique, militaire et moral de l'empire de Russie*. Т. 1–2. P., 1812.

дьялся чиновником Министерства иностранных дел, он мог пользоваться различными сведениями о будущем противнике, собранными в министерстве накануне войны. Вероятно, именно эти данные использовались им при написании главы XII и приложений¹, где были опубликованы некоторые статистические сведения о России, а также таблицы соотношения российских и французских мер и весов. В остальном его сочинение написано на основе многих трудов о России, вышедших до 1807 г. Так, он много цитирует «Путешествие!» Кокса², книги Рюльера³, Ш. Масона⁴, «Историю Петра Великого» Вольтера⁵, «Историю России» Н. Г. Леклерка⁶.

По сравнению с предыдущим изданием, в 1812 г. было сделано и еще одно важное дополнение. Теперь глава, посвященная правлению Петра I, заканчивалась публикацией «Завещания Петра Великого»⁷, включенного в текст книги по личному указанию Наполеона I⁸. Текст этого завещания появился в последние годы XVIII в. в среде поляков, эмигрировавших во Францию после разделов Речи Посполитой, и очень удачно развивал получивший распространение в это время миф о русской угрозе. Накануне нового большого столкновения с Россией Наполеону следовало оживить позабытые за время союза страхи, связанные с будущим противником, поэтому этот документ вновь извлекли из архивов и впервые опубликовали в 1812 г. в книге Лезюра⁹, также он распространялся в виде отдельных листовок среди солдат Великой армии¹⁰. Впоследствии именно текст «Завещания» из книги Лезюра будет неоднократно воспроизведен в пропагандистских целях в XIX–XX вв.

Lesur Ch. L. Des progres de la puissance Russe. P. 456–512.

² *William Coxe.* Nouveau voyage en Danemarck, Suède, Russie, Pologne, et dans le Jutland, la Norwege, la Livonie, le Duché de Curlande et la Prusse. Vol. 1–5. / Trad. de l'angl., de William de Coxe. Genève, 1797.

³ *Rulhière Cl.-C.* de Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762. P., 1797.

⁴ *Masson Ch.* Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du regne de Catherine II et le commencement celui de Paul I-er. Amsterdam, 1803.

Различные издания, см., например: [Voltaire] Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, divisée, en 2 pt., 1775.

⁶ Historie de Russie / Leclerc Nicolas Gabriel de. Издания разных лет.

⁷ *Lesur Ch. L.* Des progres de la puissance Russe. P. 176–179.

⁸ *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. С. 173.

⁹ *Павленко Н. И.* Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 142.

¹⁰ *Сироткин В. Г.* Наполеон и Россия. М., 2000. С. 79–80.

Вторым сочинением о России, вышедшим в рассматриваемый период, была книга Дамаз де Раймона (1770–1813) «Историческая, географическая, военная и моральная картина Российской империи». Автор этого произведения также одно время являлся чиновником дипломатического ведомства, а в 1812 г. входил в состав редакции парижской газеты *Journal de l'Empire*, на страницах которой опубликовал серию статей о литературе, театре и академиях. Эти статьи вызвали большой переполох в парижском обществе из-за высказанных крайне резких оценок. Конфликт мог распространиться и шире, т. к. Дамаз подготовил также цикл статей на те же темы, но в начале 1813 г. скандального автора убили на дуэли. Его книга о России была довольно широко анонсирована в прессе, *Moniteur Universel* дважды писал о ней¹. Однако он был не единственным автором этой книги, как минимум первую часть книги “*Precis historique*” написал Альфонс Рабб, возможно, что он приложил руку и к другим разделам². В целом это произведение оказалось менее популярным по сравнению с книгой Лезюра, вероятно, из-за своего явно компилятивного характера, а также обилия статистической информации, которая едва ли была интересна широкому читателю.

Выстроенная Наполеоном за годы его правления система управления общественным мнением затрагивала все слои населения. Памфлеты были адресованы образованной публике, готовой в подробностях изучать далекие страны. Газеты благодаря практике коллективного чтения, а также принудительным рассылкам отдельных номеров газет в действующую армию и удаленные районы империи охватывали более широкие слои населения. Администрация всех департаментов и городов практически обязательно выписывала центральную прессу и доступными ей способами доносила содержание газет до местного населения. Воздействие наполеоновской пропаганды на мир сельской Франции ограничивалось официальными объявлениями, бюллетенями Великой армии, влияние которых, особенно в части распространения известий о военных событиях, было весьма значительно, а также гравюрами. Бюллетени читались во время воскресной службы в каждом приходе, а иногда и на специально организованных публичных чтениях в мэриях небольших городов. Такой способ распространения необходимой информации был признан властями более эффективным по сравнению с расклейкой

Moniteur Universel. 1812. № 284, 288.

² *Quéraud J. M.* La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique des savants, historiens et gens de lettres de la France. P., 1835. P. 414–415.

афиш, т. к. среди французов по-прежнему было много неграмотных¹. Фактически для населения страны бюллетени были главным, а для сельских жителей часто единственным источником информации о событиях на театре военных действий. Изобразительные источники доносили до французов только самую общую информацию о происходящих событиях и, делая образы политических противников и сторонников Наполеона более яркими, в целом не противоречили печатной пропаганде.

Глава 2. Наполеоновская пропаганда о России накануне войны 1812 г.

В воображаемой географии века Просвещения Россию традиционно помещали на «севере» европейского континента. Научные географические, геологические, этнографические и исторические сочинения XVIII в. создавали о ней представление как об особом географическом пространстве, радикально отличающемся от Европы своими природными условиями и резким климатом, что в широком смысле подчеркивало «инаковость» всей русской действительности. Французские памфлеты периода Консульства и империи вполне продолжили эту традицию описания России. С началом Революции отношения между двумя странами заметно испортились и не раз прерывались на несколько лет. В результате новой актуальной информации о далекой северной стране поступало меньше, и публицисты вынуждены были довольствоваться пересказом старых сочинений или произведений английских и немецких авторов.

Тематика газетных сообщений о России была вполне традиционной для периодики конца XVIII – начала XIX в. В 1811–1812 гг., как и в прежние эпохи, одной из популярных тем для прессы были различные необычные явления природы и русский климат, который описывался с использованием устойчивых полуфантастических штампов.

Во многих сочинениях XVII–XVIII вв. Россия представляется страной с суровым климатом². Следуя этому клише, газеты довольно часто публиковали сообщения из России о резких переменах погоды

Tulard J. La vie quotidienne des Français sous Napoléon. P. 94–95.

² Можно вспомнить описания природы России у шевалье д'Эона: «В течение восьми месяцев в году все наружные объекты, куда бы взгляд ни упал, покрыты снегом, и неудобство это еще чувствительнее в Сибири». Цит. по: *Строев А.* Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 11.

и стихийных бедствиях¹. Чаще всего корреспонденты сообщали об открытии или закрытии навигации, что, возможно, могло быть полезно купцам, отправлявшим свои товары в Россию морем. Газета старалась давать максимально точные сведения. Так, в конце декабря 1811 г. три дня подряд, с 16 по 18 декабря, приходят сообщения из Риги с уточнением даты, когда замерзла Западная Двина². Возникает, правда, вопрос, необходимо ли было указывать точный день ледостава, если в заметке сообщается о событиях полуторамесячной давности: совершенно очевидно, что к моменту публикации река замерзла и отправлять торговые корабли туда в любом случае не имеет никакого смысла. Можно предположить, что подобная информация могла быть полезной для учета ее купцами на следующие годы, правда, и в этом случае не было необходимости в столь точной датировке.

Наряду с полезной информацией встречаются и традиционные для европейской публицистики XVIII в. описания «ужасов» российской погоды. Интересное сообщение пришло в конце февраля 1811 г. из Познани об очень сильных холодах в Уфе. Мороз здесь оказался очень суровым: начавшись с 15 градусов³, к Новому году он достиг -34° . При такой температуре, сообщали французские журналисты, птицы замерзали прямо в полете и падали на землю⁴. В начале апреля было опубликовано сообщение из Санкт-Петербурга о сильных холодах «в Сибири у Нового Оскола»⁵. Здесь в феврале нашли шестерых замерзших людей, а волки приближались к жилищам и крали домашний скот, птицу и нападали на собак. Одно из этих голодных животных атаковало на хуторе трех крестьян, которые убили его и содрали шкуру⁶. Данное описание должно было свидетельствовать не только о суровости российских морозов, но и о дикости страны в целом, т. к. волк традиционно в европейской литературе того времени являлся одним из главных символов дикости⁷. Заметка датирова-

Moniteur Universel. 1811. № 292, 297, 322, 331; 1812. № 9, 12, 92, 153; и др.

² 16 декабря *Moniteur Universel* сообщил, что Двина покрылась льдом 30 октября, на следующий день было заявлено, что это произошло 29 числа, а 18 декабря было опубликовано сообщение, что 30 октября «Двина замерзла очень сильно». См.: *Moniteur Universel*. 1811. № 350–352.

³ По шкале Реомюра.

⁴ *Moniteur Universel*. 1811. № 81.

Непонятно, почему Новый Оскол оказался в Сибири, в 1811 г. этот город входил в состав Курской губернии.

⁶ *Moniteur Universel*. 1811. № 97.

⁷ Так, например, стычки барона Мюнхгаузена с волками в России и Польше символизировали победу цивилизации над дикостью в Восточной Евро-

на 5 апреля, что является безусловной ошибкой, т. к. опубликована в газете от 7 числа того же месяца, а за два дня новость из России просто не могла дойти до столицы Франции. Но эта ошибка невольно усиливала эффект сообщения, т. к. читатели могли решить, что в России холода продолжаются столь долго.

В заметке, датированной 15 мая, сообщалось, что в конце марта в городе Саратове Астраханской губернии, когда обычно в этих местах начинается весна, выпало такое количество снега, что большинство домов оказались засыпанными и много людей погибло от холода¹.

Заметки о погоде в России публиковались в *Moniteur Universel* довольно часто. Так, 17 сентября 1811 г. было напечатано сообщение о первых заморозках в Санкт-Петербурге², а в статье, помеченной 17 января 1812 г., утверждалось, что в Петербурге похолодало только накануне Нового года, но зима будет столь же суровой, как и в прошлом году³. Подобная информация несколько противоречила традиционным стереотипам о продолжительности русской зиме, что было выгодно императору французов. Перед началом похода в Россию Наполеон хотел избежать опасений в тылу за судьбу солдат Великой армии, поэтому необходимо было поставить под сомнение распространенное во Франции представление о восьмимесячной русской зиме⁴. Видимо, по этой причине в 1812 г. в газете уже не публиковались заметки с описаниями каких-либо чрезвычайных погодных явлений. С началом войны Наполеон будет неоднократно писать о хорошей погоде в России и сравнивать ее с французской.

Летом самым страшным проявлением стихии были пожары, довольно часто случавшиеся в России. Так, большой пожар в Архангельске нанес ущерб на 2 млн рублей⁵, а в результате большого пожара в Киеве Старый город, как писала газета, почти весь выгорел, Новый, расположенный на возвышенности, практически не постра-

пе. См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. С. 164–165.

¹ *Moniteur Universel*. 1811. № 162.

² *Ibid.* № 292.

³ *Ibid.* 1812. № 54.

⁴ Коленкур в мемуарах неоднократно указывал на попытки императора как до, так и во время войны описать сходства климатических условий России и Франции. См., например: Коленкур А. Указ. соч. С. 219–220.

⁵ *Moniteur Universel*. 1811. № 215, 229.

дал¹. В этой заметке интерес представляет разделение города на Старый и Новый в зависимости от характера застройки (деревянная – каменная). Киевский пожар 1811 г. в первую очередь затронул Подол – район проживания бедных слоев населения, где большинство домов действительно были деревянными. В то время как районы проживания состоятельных людей, где преобладала каменная застройка и которые оказались не затронутыми стихией, на самом деле даже несколько старше. Подобные сообщения давали понять читателям, что в России города в основном деревянные, а следовательно, общий уровень развития страны невысок.

Регулярные публикации на тему природных катаклизмов в России (чудовищные морозы, наводнения, землетрясения, снегопады, град, засуха и т. д.), с одной стороны, подчеркивали «инаковость» империи царей, где сама природа несла угрозу людям. С другой стороны, подобные сообщения являлись хорошим примером стандартных «новостей», призванных привлечь внимание читателя и заполнить газетные страницы. Аналогичные публикации можно найти во французских газетах наполеоновского периода и по другим удаленным от Франции странам. Описания холодов в Швеции, Дании, Пруссии и землях бывшей Польши иногда текстуально повторяют описания российских морозов.

В начале XIX в. Россия еще оставалась малоизученной страной, путешественники из Европы не часто имели возможность исследовать различные уголки империи и прилегающие к ней территории. *Moniteur Universel* не раз публиковал заметки о таких путешествиях. В газете был напечатан анонс второго тома описания кругосветного путешествия Крузенштерна². Эту тему издание продолжило через несколько месяцев в статье, посвященной созданию комиссии по выяснению истинного положения дел на Камчатке, куда вошел и Крузенштерн. Поводом к созданию этой комиссии стал доклад знаменитого путешественника о бедственном положении на этой далекой окраине России³.

Много места на страницах *Moniteur Universel* уделено описаниям Кавказа. В 1811–1812 гг. интерес к этой теме подогревался в том числе тем, что через Кавказ лежал один из путей в Индию⁴, а в то время ходили слухи, что война против России могла превратиться в поход

Moniteur Universel. 1811. № 258.

² Ibid. № 121.

³ Ibid. № 248.

⁴ Ibid. 1812. № 68.

в эту далекую страну. В газете публикуются заметки о путешествиях Жюля Клапрота¹, коллежского советника Стевена², а также Мориса Энгельгардта и Фредерика Паррота³, которые рисовали довольно экзотический образ народов, окружавших Россию. Так, проживающих здесь лезгин газета относит «к примитивной финской расе» (*race Finoise*)⁴, а Энгельгардт и Паррот, по словам газеты, побывали в таких районах Кавказа, «куда не ступала еще нога человека» (*dans des pays où nul pas humain n'avait pénétré jusqu'à ce jour*), хотя чуть дальше в той же статье говорится, что они обнаружили святилище, где ингуши отправляют свой культ⁵.

Особенности быта и религии черкесов довольно точно описал в своих заметках Ж. Клапрот. В частности, он указал, что черкесы сами себя называют иначе – адиге (*adigé*), а имя «черкесы» им незнакомо⁶. Также автор утверждал, что эти люди уже сорок лет живут практически без религии, хотя и называют себя мусульманами. Они воздерживаются от употребления свинины, но пренебрегают обрезанием. И только их князья умеют читать по-арабски Коран, в то время как народ потерял всякое представление о культе⁷. При описании особенностей исламской религии на Кавказе путешественник обращает свое внимание в первую очередь на обрядовую сторону, хотя русское православие европейские путешественники традиционно порицали за излишнее внимание к обрядовой стороне, и вряд ли

Ibid. № 5. Клапрот Ж. (1783–1835) – востоковед и путешественник, в 1802–1812 гг. адъюнкт азиатских языков Петербургской Академии наук, подробно изучал языки народов Кавказа.

² Ibid. № 68. Стевен Х. Х. (1781–1863) – ботаник и энтомолог, с 1815 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук, в 1812 г. организовал Никитский ботанический сад в Крыму.

³ Ibid. № 99, 157. Имеется в виду сын физика Георга-Фридриха Паррота (1767–1852) Иоганн-Фридрих Паррот (1791–1841) – натуралист и путешественник, в 1811 г. предпринявший вместе с Энгельгардтом большое путешествие по Крыму и Кавказу и ставший в 1815 г. главным хирургом российской армии. Отто-Мориц-Людвиг Энгельгардт (1779–1842) – геолог, профессор минералогии Дерптского университета. Их путешествие вызвало большой интерес, и позже в *Moniteur Universel* был опубликован анонс книги об этом путешествии. См.: Ibid. № 210.

⁴ Ibid. № 60.

Ibid. № 99.

⁶ В действительности черкесы – собирательное название целого ряда северокавказских народов в XVIII–XIX вв.

⁷ *Moniteur Universel*. 1811. № 329.

можно согласиться с автором в том, что за сорок лет русского владычества на этих территориях религиозная ситуация серьезно изменилась. Что касается грамотности местного населения, то она действительно была крайне низкой вплоть до XX столетия.

Кроме того, Клапрот порицал мягкость российской системы управления на Кавказе¹ и советовал российским властям с помощью военной силы отучать местных жителей от занятий грабежом². Подобные советы по применению силы с целью цивилизации «отсталых народов» довольно часто давались путешественниками и литераторами российским государям³.

Еще одной зоной интереса французской прессы был Дальний Восток. Взаимоотношения с Китаем также посвящено несколько статей в *Moniteur Universel* 1811–1812 гг. Торговля между двумя странами еще только зарождалась⁴. Французские авторы еще в XVIII в. уделяли немало внимания возможностям развития русской торговли со странами Дальнего Востока, как вероятному альтернативному пути поставки китайских и индийских товаров в Европу. В период Континентальной блокады этот вопрос стал еще более актуален, т. к. традиционный морской путь оказался перекрыт, а потребность в товарах с Востока, в первую очередь красителях и хлопке-сырце, оставалась⁵. *Moniteur Universel* отмечал выгодность и перспективность дальнейшего развития торговых отношений между Россией и Китаем, хотя и подчеркивал, что «китайское правительство не собирается отменять запрет на въезд в страну русских или представителей каких-либо иных наций»⁶. У самого Александра I действительно были проекты расширения сухопутных связей с Китаем и среднеазиатскими монархиями⁷, но при том уровне развития путей сообщения навряд ли сухопутная торговля могла заменить морскую, т. к. небольшой корабль водоизмещением в 200–250 тонн перевозил стол-

Moniteur Universel. 1811. № 329.

² *Ibid.* 1812. № 5.

³ Об этом см.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения, особенно гл. 3.

⁴ *Moniteur Universel*. 1811. № 297.

Подробнее см.: *Кросби-Арнольд М.* Была ли война 1812 года связана с экономикой? О причинах похода Наполеона на Россию / пер. с англ. А. Ю. Терещенко // *Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память.* М., 2013. С. 33–60.

⁶ *Ibid.* 1812. № 5.

Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 81.

ко же грузов, сколько караван в 1000 вьючных животных. Из-за малой эффективности и высокой себестоимости сухопутных перевозок китайские товары оказывалось дешевле покупать у английских и голландских купцов, которые доставляли их морем в порты Петербурга и Риги.

Также на страницах *Moniteur Universel* неоднократно появлялась информация о караванах, приходивших в российские города из Хивы и Бухары¹. Торговля с этими странами также была важна для России как возможная альтернатива торговым отношениям с Англией, т. к. из Средней Азии, среди прочих товаров, привозили хлопок², в котором Российская империя испытывала в тот момент недостаток. Таким образом, газета давала понять своим читателям, что Континентальная блокада способствует развитию отношений России с близлежащими странами, а постоянные нарушения ее условий являются следствием непонимания русскими собственных экономических интересов и проявлением враждебных намерений по отношению к Франции. В поддержку такого мнения должно было свидетельствовать и введение нового российского таможенного тарифа в конце 1810 г., который ограничивал торговлю с континентальной Европой.

Несколько статей в *Moniteur Universel* было посвящено успехам цивилизаторской деятельности российских властей на границах и особенно среди кочевых народов. Так, в двух номерах от 3 и 17 июля 1811 г. сообщается об успехах вакцинации в Оренбургской губернии, где в течение марта–апреля получили прививки более 400 детей³. Этническая принадлежность этих детей была для читателей, очевидно, неважна, поэтому и осталась невыясненной⁴.

Еще одним успехом в деле приобщения кочевников к цивилизации стало распространение среди них земледелия, «наиболее полезного из всех видов деятельности»⁵. Земледелие стало распространяться среди бурятов и монголов в Иркутской провинции Восточной Сибири, где вожди этих племен, глядя на успехи русских крестьян, живущих по соседству, стали им подражать. Следом за вождями и остальные представители этих племен начали заниматься земледелием. Таким образом, кочевники переходили к оседлому образу жизни.

Moniteur Universel. 1811. № 267, 295; 1812. № 12, 105.

² *Ibid.* № 295.

³ *Ibid.* № 184, 198.

⁴ В одном номере они названы киргизами. *Moniteur Universel*. 1811. № 184, а в другом – башкирами. *Ibid.* 1811. № 198.

Ibid. № 191.

ни¹. Подобные сообщения должны были свидетельствовать о богатстве удаленных провинций Российской империи, а следовательно, показывали ее потенциальную мощь.

Богатствам Сибирских губерний Российской империи (к которым отнесены Пермская, Оренбургская, Тобольская, Томская и Иркутская) посвящена также большая статья, опубликованная в *Moniteur Universel* 11 ноября 1811 г.² В этих губерниях, по словам газеты, урожай зерна очень высоки, а «количество крестьян, владеющих более чем 1000 лошадей, вскоре может стать неисчислимым, если болезнь, известная как сибирская язва, не опустошит поголовье. В один год эта болезнь унесла 28 000 лошадей, а в этом году несколько меньше»³. Кроме того, в Сибири активно развивается пчеловодство, от чего стало уже страдать выращивание хлеба, т. к. производство меда не столь трудоемко и более продуктивно. В особенности стараются обучиться искусству разведения пчел поляки, которые здесь обитают⁴. В следующем году в *Moniteur Universel* уже не было подобных статей, возможно, чтобы накануне войны не пугать французов неисчислимыми богатствами России.

В предвоенные годы на страницах французских газет нередко появлялись известия об успехах российской промышленности и развитии производства сырья для нее. Так, публикуются сообщения о распространении в России новой породы овец – мериносов⁵, распространение которых должно было способствовать росту производства шерсти в стране. Также сообщалось об очень успешной работе крупной мануфактуры в Ярославле, принадлежащей г-ну Яковлеву, которая, по свидетельствам газеты, в прошлом (скорее всего 1810 г. – Н. П.) году выпустила полотна отличного качества на сумму 1 102 170 рублей⁶. Нужно заметить, что основной доход данной мануфактуре приносили государственные подряды, поэтому ее достижения на самом деле не столько свидетельствуют об экономическом росте Российской империи, сколько подтверждают факт проводимых преобразований в армии и подготовки Александра I к новой большой войне.

Во Франции знали о зависимости России от английских товаров, поэтому сообщения об успехах российской экономики должны были

Moniteur Universel. 1811. № 220.

² Ibid. № 315.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

Ibid. № 162, 293, 315.

⁶ Ibid. № 195.

прямо или косвенно свидетельствовать о благотворности Континентальной блокады для страны. Описывая стекольную фабрику Орлова в Калужской губернии, газета утверждала, что ее продукция лучше английской, а доход от этой фабрики достигает 40 000 рублей в год¹. О росте экономики свидетельствовал и рост курса рубля на основных французских биржах: в Париже, Амстердаме и Гамбурге². Так, по отношению к франку 26 ноября курс составлял 100 сантимов за рубль, 20 декабря уже 140 сантимов, правда, затем он резко снизился и к 27 декабря достиг 120 сантимов, но с началом нового года продолжил рост, хотя и не столь стремительно, достигнув к 14 января 1812 г. 128 сантимов за один рубль. Аналогичными были и колебания рубля по отношению к другим континентальным валютам³. При этом причины таких резких колебаний никак не объяснялись. Поскольку и Франция, и Россия находились в состоянии войны с Великобританией, официальных данных о курсе континентальных валют по отношению к английскому фунту на тот момент не существовало. Об общем укреплении рубля должно было свидетельствовать также уничтожение комиссией по погашению государственного долга 5 млн рублей ассигнациями⁴.

Важным показателем силы и влияния государства, согласно представлениям XVIII–XIX вв., была численность населения. И в этом отношении Российская империя также постепенно наращивала свой потенциал. Каждый год французские газеты публиковали данные о количестве рождений и смертей в России и отдельных ее городах за прошлые годы. Так, в 1809 г. рост численности населения, по данным газеты, составил 452 257 человек⁵. В подобных кратких статистических заметках часто выделялось число жителей, перешагнувших столетний рубеж, что должно было свидетельствовать об общем здоровье нации. Таким образом, и по этому показателю влияние и потенциальная угроза со стороны державы Александра I постепенно нарастала.

В эпоху наполеоновского правления Франция вела почти непрерывные войны, в том числе с Россией, поэтому любая информация о состоянии, численности и уровне подготовки российской армии вы-

Ibid. № 162.

² Ibid. 1812. № 9.

³ Ibid. № 39. В этом номере опубликована большая статья об изменениях курса рубля на биржах Парижа, Гамбурга и Амстердама за период с 26 ноября 1811 по 14 января 1812 г.

⁴ Ibid. 1811. № 235.

Ibid. № 100.

зывала интерес читателей. Изображение русской армии в положительном или отрицательном ключе зависело от фазы отношений двух стран: в периоды мира и союза о русской армии, как и в целом о стране, писали, скорее, положительно, тогда как в периоды конфликтов и войн – отрицательно. К 1811 г. в прессе и публицистике Франции сформировался обширный набор стереотипов изображения и литературных штампов, связанных с вооруженными силами Российской империи. Во время войн 1798–1799 и 1805–1807 гг. активно и довольно успешно использовались негативные стереотипы о русских вообще и их армии в частности, что должно было мобилизовать французское общество на борьбу с противником. В годы мира между двумя странами заметки о русских военных должны были привлекать читателя сообщениями о событиях в далеких странах, а кроме того, показывать силу и значимость России как действующего или потенциального союзника Франции.

Поскольку главным врагом Наполеона была Англия, газеты с особым вниманием относились к флотам других стран (о своих вооруженных силах французской прессе писать запрещалось). Газеты нередко публиковали сообщения о морских маневрах или строительстве новых кораблей для российского флота¹, что должно было свидетельствовать об укреплении флота, направленного в первую очередь против Англии. О маневрах сухопутных войск также писали часто, особенно если на них присутствовал кто-то из членов императорской фамилии или лично Александр I². *Moniteur Universel* подробно описал осенние маневры 1811 г., для которых даже построили специальную крепость, которую брали штурмом³.

На протяжении 1811 – начала 1812 г. отношения Наполеона с Россией постепенно портились. Указания на изменение вектора внешней политики императора французов на страницах газет можно найти только в изменении тональности некоторых стереотипных сообщений, а также в подборе новостей для публикации. В конце 1811 г. был опубликован полный текст указа Александра I о рекрутском наборе на 1812 г. Объявление набора обосновывалось необходимостью поддержания полного комплекта в вооруженных силах⁴. С помощью подобных сообщений французские власти, возможно, пытались доказать, что Россия активно вооружается и уже начала готовиться к войне. Позже, основываясь на таких данных, французская

Moniteur Universel. 1811. № 169, 188.

² Ibid. № 212

³ Ibid. № 276.

⁴ Ibid. № 339.

пропаганда возложила на Россию всю ответственность за начало конфликта. Еще одним доказательством наличия агрессивных планов у Санкт-Петербурга могли служить работы по улучшению дорог и почтового сообщения между столицей и Белоруссией, о чем газета писала в мае 1812 г.¹, а также слухи о заключении мира между Россией и Турцией, после чего большая русская армия якобы направилась в российскую часть Польши². На самом деле еще с 1810 г. на западных границах Российской империи началось формирование крупных воинских соединений, которые позже получают названия Первой и Второй западных армий. Однако формирование их будет происходить лишь в малой степени за счет передислокации войск с турецкого фронта.

Новости с полей сражений, в которых участвовала русская армия, были излюбленным сюжетом французской прессы. Однако в зависимости от фазы отношений двух стран очень заметно менялась тональность этих сообщений, что очень легко увидеть на примере русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Начиналась эта война в период недолгого замирения между Россией и Францией после Аустерлицкого сражения, когда велись осторожные переговоры о возможном заключении мира и в то же время французские эмиссары пытались подтолкнуть Порту к объявлению войны, чтобы оттянуть силы русской армии с основного европейского фронта. Газеты в эти месяцы активно осуждали Россию за ее агрессию на Востоке и подчеркивали, что Александр I действует под влиянием Англии, а не в интересах собственной страны. Военные действия описывались в негативных для русской армии тонах³. После начала Тильзитских переговоров в июле 1807 г. газеты стали больше писать о победах русских над турками даже в самых незначительных столкновениях, равно как и в целом образ России перестал быть негативным.

В 1811 г. тональность сообщений о войне на Балканах вновь начала меняться. Заметки об успехах русских солдат появлялись все реже. В преддверии грядущего столкновения *Moniteur Universel* старался показать российскую армию не столь уж сильным противником, чтобы чрезмерно не запугивать своих читателей. Среди прочего, газета давала понять, что у русских нет достойных полководцев.

Ibid. 1812. № 130. Врач наполеоновской армии Генрих Роос отметит позже в своих мемуарах хорошее качество дорог близ Вильно. См.: Роос Г. У. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. С. 20.

² *Moniteur Universel*. 1811. № 18.

³ См., например: *Moniteur Universel*. 1807. № 84; 1807. № 90.

Генерал Н. М. Каменский умер¹, новый командующий российской армии в Румынии – М. И. Кутузов – действует не очень эффективно. Из рапортов генерал-квартирмейстера российской Дунайской армии, опубликованных в газете, следовало, что победа под Рущуком летом 1811 г. не является большим успехом российских войск, т. к. пленных взято не было, а турецкую армию не преследовали, дав ей спокойно отойти с поля боя². (При этом, правда, не указывалось, что у турок было заметное численное превосходство и вся операция со стороны Кутузова носила оборонительный характер.) Такое сообщение должно было обнадеживать читателей, ведь если русские так долго не могут выиграть войну против турок, то в случае столкновения с великолепной французской армией, да еще и под руководством самого Наполеона итог войны практически предрешен. По заведенной традиции – не сообщать плохих новостей – о победе русских войск в октябре возле того же Рущука французские газеты ничего не написали.

Символическим свидетельством слабости российской армии стало сообщение о гибели в результате несчастного случая генерал-майора графа А. А. Суворова, сына покойного фельдмаршала. Произошло это на берегу реки Рымник, «в тех самых местах, где его отец одержал славную победу»³. Таким образом, читателям давали понять, что российская армия, столь грозная и победоносная в эпоху Екатерины II, уже не представляет былой опасности. Но незадолго до начала кампании 1812 г. *Moniteur Universel* воскресил один из хрестоматийных стереотипов описания русских солдат – их жестокость. Восьмого июня было опубликовано сообщение о нападении российских войск на Систов (Sistow), где они разграбили и сожгли большое количество товаров, а также увели всех жителей, кого смогли заставить это сделать⁴. Рассказ об уводе населения российскими войсками вызывает ассоциации с другим документом, широко распространенным в начале XIX в., – «Завещанием Петра Великого»⁵, согласно которому большая часть населения покоренной Европы должна была отправиться в Сибирь.

Генерал-аншеф Николай Михайлович Каменский, назначен главнокомандующим русскими войсками в войне против Турции в феврале 1810 г., умер в мае 1811 г. от болезни. *Moniteur Universel*. 1811. № 167, 235.

² *Ibid.* № 216.

Ibid. № 165. Подробнее о гибели А. А. Суворова см.: *Бантыш-Каменский Д. М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Т. 1. С. 197.

⁴ *Moniteur Universel*. 1812. № 160.

Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 178–179.

В *Moniteur Universel* можно найти косвенные свидетельства того, как постепенно начинал разваливаться франко-русский союз. В начале 1811 г. отношения между тильзитскими союзниками уже заметно испортились, но император французов еще не был готов к войне и, судя по всему, не знал в подробностях о планах России, которая активно проводила модернизацию армии и стягивала войска к границам герцогства Варшавского¹. Но император уже не доверял своему союзнику, опасаясь (и небезосновательно) нападения на свои польские владения. По этой причине командовавший в Испании А. Массена не получал подкреплений², а с середины года Наполеон начал стягивать вооруженные силы в Германию.

Важным фактором внешней политики Первой империи была Континентальная блокада, во имя соблюдения которой Наполеон объявлял войны и перекраивал границы внутри Европы. *Moniteur Universel* на протяжении 1811–1812 гг. сообщал о недобросовестном исполнении Россией условий Континентальной блокады. В Риге конфискованные товары продавались через специальную контору³, тогда как в других странах, да и в самой Франции, по сообщению газет, конфискованные товары публично сжигались. Пресса намекала, каких действий ждут от России: 12 января 1811 г. было опубликовано сообщение из Лондона о том, что там опасаются ужесточения блокады со стороны Петербурга⁴. Через несколько дней, уже со ссылкой на британскую газету *Independent Whig*, утверждалось, что в России вскоре выйдет указ о запрете ввоза колониальных товаров⁵. Еще через несколько дней была перепечатана заметка из *The Star*, где говорилось об аресте в России более 250 кораблей с английскими товарами⁶. Эти статьи должны были дать понять читателям, что Российская империя по-прежнему следует духу Тильзитского договора, т. к. император французов пока не хотел обострения конфликта с Россией. Кроме того, *Moniteur Universel* дважды публиковал опровержение слухов о неизбежности войны между Россией и Францией. Эти слухи, по уверениям газеты, рождены в Лондоне, откуда распространились по Германии⁷. Дальнейший ход событий лишь подтвердил эти слухи, которые газета так старательно опровергала.

Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 4. С. 67.

² Там же. С. 63.

³ *Moniteur Universel*. 1811. № 2, 10.

⁴ *Ibid.* № 12.

Ibid. № 21.

⁶ *Ibid.* № 25.

⁷ *Ibid.* № 6, 18.

В последний день января 1811 г. в *Moniteur Universel* был опубликован полный текст указа Александра I об ограничениях во внешней торговле и введении нового таможенного тарифа¹, который был направлен в первую очередь против ввоза французских товаров и стал для Наполеона сигналом того, что Россия готовится к разрыву отношений с ним и сближению с Англией².

Несколько позже публикуется сообщение о том, что английское правительство выделило 17 000 фунтов на покупку пеньки в России³. Такое известие должно было свидетельствовать о том, что Россия пренебрегает своими союзническими обязательствами. В то же время, подчеркивалось в *Moniteur Universel*, Франция осталась верна Тильзитским и Эрфуртским договорам и продолжила разрушение укреплений Данцига⁴, а король Дании, будучи верным союзником Наполеона, в апреле 1812 г. подтвердил указ о Континентальной блокаде⁵.

После публикации нового тарифа на протяжении 11 месяцев 1811 г. в газете практически не поднималась темы продажи в России английских товаров и соблюдения ею условий Континентальной блокады. Вероятно, император французов не хотел преждевременного обострения отношений, т. к. сам в тот период еще не был готов к большому столкновению с Россией.

За все то время, пока собирались войска для кампании против России, в *Moniteur Universel* нельзя найти никаких указаний на подготовку большого похода на восток. Правда, надо заметить, что Наполеон еще в 1800 г. запретил редакторам газет публиковать какую бы то ни было информацию о передвижении войск на подчиненных ему территориях, и этот запрет неукоснительно соблюдался⁶. Но в июне 1812 г. уже невозможно было скрыть перемещение огромных масс войск по направлению к российским границам. В качестве оправдания подобных действий Наполеон приказал сообщать о подготовке англичанами десанта на балтийском побережье⁷. Эта версия событий была поддержана *Moniteur Universel*. На протяжении июня газета 14 раз печатала сообщения о столкновениях с английскими су-

Moniteur Universel. 1811. № 31.

² Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 4. С. 65.

³ Moniteur Universel. 1811. № 250.

⁴ Ibid. № 139.

Ibid. 1812. № 121.

⁶ Cabanis A. Op. cit. P. 225.

Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 4. С. 73.

дами у берегов Дании и Норвегии, а также об обстреле британских судов в проливе Зунд¹.

Если судить о франко-российских отношениях в 1811–1812 гг. только по *Moniteur Universel*, то можно уловить лишь косвенные свидетельства ухудшения их отношений. Не было практически никакой «идеологической» подготовки к началу такого большого конфликта, каким обещала быть война с Российской империей. Главная газета Франции продолжала писать о жизни петербургского двора, успехах экономического развития страны, а также о различных интересных происшествиях (примеры «небывалого» долгожительства или необычные климатические явления). Не сообщая напрямую о подготовке к большой войне, через *Moniteur Universel* французское общество исподволь готовили к будущей войне, реконструируя прежние стереотипы, которые должны были продемонстрировать читателям потенциальную угрозу со стороны Российской империи и одновременно показать ее нынешние слабости. Читатели должны были прийти к заключению, что война с Россией неизбежна, поэтому воевать с ней лучше сейчас, пока она не набрала всей своей силы и пока французской армией руководят блестящие полководцы во главе с самим императором.

Глава 3. Французская пресса и публицистика о причинах и ходе войны с Россией

С началом кампании риторика наполеоновской пропаганды заметно изменилась. Практически исчез такой источник информации о стране, как перепечатки из российской прессы, что можно объяснить трудностями военного времени. И естественно, что после отъезда посольства из Санкт-Петербурга дипломатическое ведомство также стало реже информировать прессу и только на основе косвенных источников, т. е. сообщений из французских посольств в других странах. Так, в Вене даже после начала войны де факто продолжало действовать российское посольство, и там же жил многолетний российский посол в Австрии – А. К. Разумовский. Соответственно, и французское дипломатическое представительство в этой стране могло получать эксклюзивную информацию о противнике. О ходе боевых действий французы узнавали из бюллетеней Великой армии, перепечатывавшихся всеми центральными парижскими газетами. Эти документы, несмотря на их тенденциозность, были важнейшим

См.: *Moniteur Universel*. 1812. № 159, 160, 167, 168, 177, 180.

источником информации о войне для всей Европы, даже для Англии, хотя там им и не доверяли полностью¹. Прочие сообщения из оккупированных французами районов чаще всего публиковались как новости из Литвы или герцогства Варшавского.

Читатели *Moniteur Universel* оставались в неведении относительно истинных отношений между бывшими союзниками до 4 июля, когда был опубликован отчет о заседании сената, на котором зачитывали обращение императора по поводу начала войны с Россией². К этому сообщению прилагались тексты союзных договоров с Австрией (от 14 марта 1812 г.) и Пруссией (от 24 февраля 1812 г.). Только теперь читатели могли достоверно узнать, что отношения между двумя бывшими союзниками испортились уже давно.

Во время предыдущих войн против России у французской пропаганды не было проблем с обоснованием причин войны, т. к. именно Россия первой проявляла агрессию. В 1798 г. русские войска реально угрожали границам Французской Республики, в 1805 г. конфликт опять начинался в непосредственной близости к границам Франции, в 1806 г. после краткого перемирия война возобновилась, и специально объяснять ее необходимость не было нужды. Но в 1812 г. положение было иным. Формально французы первыми перешли границу Российской империи, а потому становились в глазах общественного мнения виновниками конфликта. Однако уже со времен Вестфальского конгресса 1648 г. в международных отношениях набирала популярность риторика стремления государей к мирному решению возникающих споров и, соответственно, быть зачинщиком войны становилось невыгодно. Поэтому наполеоновская пропаганда попыталась представить Российскую империю единственным и главным виновником начавшейся войны.

В речи перед сенатом, опубликованной 4 июля, граф Дарю сформулировал обвинения к бывшему союзнику следующим образом: «В Тильзите Россия обещала принять без оговорок мудрый план, предполагавший избавить континент от влияния Англии и заставить эту державу вернуться к принципам, наиболее согласным с правами наций. Россия тогда не замедлила согласиться с этой замечательной системой. Положение стало меняться в 1811 г. После известных событий переговоры оказались бесполезны, и император вынужден был предпринять меры в защиту своей чести и короны, интересов своего народа, имея ввиду опасность такого союза»³.

Anderson M. S. Britain's discovery of Russia. N. Y., 1958. P. 217.

² *Moniteur Universel*. 1812. № 186.

Ibid.

Чуть ниже в том же номере было опубликовано обращение министра иностранных дел герцога Бассано к Наполеону. В своей речи герцог продемонстрировал постепенный отход Александра I от союза с Францией. В качестве обвинений называлось и невыполнение Россией договора в 1809 г. во время войны с Австрией, и указ от 19 декабря 1810 г., разрушивший взаимную торговлю двух стран и разрешивший английским судам заходить в российские порты. Также в вину Российской империи ставилась подготовка в начале 1811 г. вторжения в герцогство Варшавское, за счет земель которого она хотела возместить убытки герцога Ольденбургского¹. На протяжении всего 1811 г., отмечал министр иностранных дел, Франция с помощью переговоров пыталась вернуть Россию к исполнению договора, но Александр I хотел возобновить торговлю с Англией, что неприемлемо для Франции². Аналогичные обвинения против России выдвигались и в первом бюллетене Великой армии, опубликованном в *Moniteur Universel* 8 июля и перепечатанном на следующий день остальными парижскими газетами.

Значимыми адресатами бюллетеней являлись союзники Наполеона по войне против России и потому для него было важно обосновать справедливость своих претензий по отношению к России и показать нежелание Александра I решать все имеющиеся разногласия мирными средствами. 9 июля *Moniteur Universel* опубликовал второй бюллетень Великой армии, где подробно описывались попытки французов найти почву для переговоров с российским императором. «Еще 19 июня существовала небольшая надежда на взаимопонимание, когда для переговоров к Александру I был отправлен Лористон. Но под различными предложениями его миссия была быстро завершена и впервые посол не смог добиться аудиенции ни у государя, ни у его министра. После чего император отдал приказ перейти Неман»³. Французскому послу Лористону действительно не дали разрешения посетить императора Александра в Вильно, т. к. миссия его, и это понимал российский император, носила скорее разведывательный, нежели миротворческий характер. Чтобы не дать своим читателям усомниться в том, что Россия не хочет мирного решения конфликта, французские газеты никак не упомянули о визите рос-

В 1811 году герцогство Ольденбург было конфисковано Наполеоном, сам герцог, близкий родственник Александра I, был принят на российскую службу.

² *Moniteur Universel*. 1812. № 186.

³ *Ibid.* № 191.

сийского министра полиции А. Д. Балашова к Наполеону в Вильно в конце июня.

Можно сказать, что *Moniteur Universel* продолжал ту информационную политику, которой придерживался на протяжении предыдущих полутора лет, только теперь завуалированные намеки превратились в прямые обвинения. И главное из них – это непонимание Александром I собственных интересов. Россия по-прежнему стремится торговать с Англией, хотя, по мнению французской газеты, русским это невыгодно, ибо «только Континентальная система может спасти Европу от английского торгового рабства»¹. Еще накануне войны стали появляться сообщения о больших караванах судов, которые проходили через Зунд в Балтику². Такие сообщения должны были наводить читателей на мысль, что Россия фактически уже отказалась от выполнения условий Континентальной блокады. В дальнейшем, уже в ходе войны, газеты неоднократно публиковали сообщения из Дании о торговых судах, проходящих мимо ее берегов из России в Англию и обратно.

Еще одним признаком «непонимания» Российской империей собственных интересов и проявлением угрозы с ее стороны по отношению к империи Наполеона изображалось то, что российские войска на протяжении 1811 и начала 1812 г. группировались на границе герцогства Варшавского, вместо того чтобы завершить победоносно войну с Турцией³ и присоединить к своей территории Молдавию и Валахию. В первом бюллетене Великой армии, высказывая обвинения в адрес России, Наполеон утверждал: перевод дивизий «от Дуная в Польшу» означал, что Российская империя «пожертвовала Молдавией и Валахией»⁴. Еще во время Тильзитских переговоров Наполеон обещал не препятствовать присоединению Дунайских княжеств к России, хотя в дальнейшем статья XXIII Тильзитского договора, в которой говорилось о посредничестве Франции в заключении мира между Российской империей и Портой, фактически никак не выполнялась. Но в 1812 г. для подкрепления обвинений русского царя в недальновидности его политики можно было использовать любые аргументы.

Moniteur Universel. 1812. № 255.

² Ibid. № 159, 171, 173, 174.

³ Надо отметить, что французская пресса так и не написала о заключении мира между Россией и Турцией. По заведенной традиции пресса не сообщала о плохих известиях и только косвенно, из сообщений, приходивших из Турции, можно было понять, что это государство уже не воюет с Российской империей.

⁴ Moniteur Universel. 1812. № 190.

Главным врагом Франции во времена Наполеона оставалась Великобритания. Так полагал император французов, и французский публицист Ш. Лезюр нашел тому дополнительное доказательство, фактически обвинив Великобританию в том, что из-за нее французы должны воевать с русскими. «Варварская» Российская империя представляла угрозу «спокойствию Европы», и из всех наций только англичане, по мнению Лезюра, были заинтересованы в поддержании такого состояния империи царей¹. Выгода англичан состояла в том, что они всегда находили в России большой рынок сбыта для своих товаров, а также всегда могли закупать здесь ресурсы для своей промышленности². Связь между этими двумя государствами установилась еще во времена правления Ивана IV, когда был заключен первый договор, выгодный в большей степени Англии, чем России³. В царствование Екатерины II был заключен союз между двумя государствами, и теперь они стали фактически одной силой, которая способна добивается всех целей, по крайней мере до тех пор, пока человеческая прозорливость не положит этому конец⁴. В конце книги Лезюр уже обвинил русско-британский союз в том, что именно эти страны выступали инициаторами всех войн «последнего столетия»⁵. Таким образом, автор подтверждал дополнительными аргументами теорию о несамостоятельности внешней политики Российской империи.

В отличие от англичан французы, как писал Лезюр, хотели освободить Россию от тех связей, которые тормозят ее развитие. Важнейшим инструментом для продвижения России по пути цивилизации должна была стать Континентальная система, которая позволила бы Российской империи развивать собственную промышленность, а не покупать готовые товары в Великобритании. «Но российское правительство еще недостаточно просвещенное или недостаточно сильное, чтобы противостоять тем силам, которые беспрерывно защищают интересы Великобритании»⁶. Следуя логике Лезюра, война между Францией и Россией оказывалась выгодна последней и ее правительству, которое с помощью Наполеона должно было бы избавиться от тех сил, которые защищали английские интересы и тормозили развитие родного государства.

Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 464.

² Ibid. P. 465.

³ Ibid. P. 63–66.

⁴ Ibid. P. 238.

Ibid. P. 463.

⁶ Ibid. P. 465.

Бюллетени Великой армии, как и иные пропагандистские документы Наполеона, адресовались часто не столько самой армии, сколько жителям Франции и союзных с ней стран. Газетные публикации были призваны продемонстрировать единство цивилизованных стран в борьбе против России. Война перьев в 1812 г. носила двусторонний характер. Российское командование накануне кампании создало походную типографию, которой заведовали профессора Дерптского университета А. С. Кайсаров и Ф. Э. Рамбах, а в работе над текстами в разные периоды 1812 г. участвовали Г. Штейн, Э. Пфуль, А. Ф. Воейков, П. А. Габбе, А. И. Михайловский-Данилевский, В. А. Жуковский и др. Русская пропаганда также пыталась показать конфликт 1812 г. как войну общеевропейского масштаба, но в российских документах стороной, защищающей Европу от тирании, назывался Александр I¹.

Этой цели служили опубликованные в *Moniteur Universel* статьи с ответами на пропагандистские листовки русского командования, подготовленные походной типографией русской армии. 7 августа в газете была опубликована российская прокламация, обращенная к французским солдатам и обнаруженная, как пишет *Moniteur Universel*, аванпостами на Двине 17 июля². В этой прокламации вина за начало войны возлагалась целиком на императора Наполеона «государя с ненасытными амбициями и совершенно не желающего мира и не жалеющего крови своих храбрецов». В листовке солдатам напоминали о большом расстоянии до Франции и несколько раз призывали возвращаться домой. В конце им предлагалось просить убежища в России, где их «никто не будет заставлять идти на войну» и они «забудут о сражениях и всей той армейской тирании, которая не дает вырваться из-под гнета»³. Таким образом, в этой листовке французский император фактически обвинялся в тирании по отношению к собственным подданным.

Следом за этой прокламацией в той же рубрике был опубликован ответ «французских гренадеров» на эту листовку, обращенную к российским солдатам, авторство которой традиционно приписывается императору французов⁴. В тексте ответа заметно влияние

Губина М. В. «Война перьев» в 1812 году // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 199–200.

² *Moniteur Universel*. 1812. № 220.

Ibid.

⁴ *Chuquet A.* 1812. *La Guerre de Russie. Notes et documents.* P., 1912. Т. 1. P. 35.

сложившихся в предыдущие эпохи стереотипов. Наибольшее место в заметке отведено характеристике военного положения Российской империи. На этот раз вопреки уже широко распространенной модели внешне беспристрастного описания событий текст изобилует яркими эпитетами, которые должны были формировать негативное отношение читателей к России и ее солдатам. Вот как «французские гренадеры» констатировали невысокие боевые качества русской армии: «Сегодня мы видим то, что видели всегда: вы бежите перед нами. Вы бежали еще в Швейцарии, вы бежали после Аустерлица (будучи счастливы тем, что вам дали вернуться на родину), вы бежали после Фридланда и вы до сих пор бежите! Мы этого ждали, и нас это не удивляет»¹. Кроме того, в статье отмечался низкий уровень подготовки высших командиров в русской армии, которых, кроме всего прочего, обвиняли в трусости, т. к. «только трусы могут предлагать дезертирство»². Однако польских подданных русского императора автор листовки все же призывал вернуться под знамена Белого орла, т. е. по сути перейти на сторону противника России. (И призыв такой делался уже не в первый раз: в широко опубликованном акте о создании польской конфедерации пункт 6 гласил: «Все военные и гражданские служащие России, поляки по рождению и проживающие на территории Польши теперь должны покинуть русскую службу»³.) В конце листовки русских солдат призывали «помочь против ваших угнетателей», хотя и не говорилось, как именно. Фактически и российская, и французская пропаганда призывали солдат противника покинуть свою армию и перейти на другую сторону. При этом обе стороны выдвигали друг против друга схожие обвинения в тирании. Только адресатом русской пропаганды были в первую очередь и даже почти исключительно солдаты Великой армии, тогда как французские листовки были ориентированы на европейского читателя и потому во многом основывались на распространенных в Европе негативных стереотипах о России.

Чтобы убедительно продемонстрировать свое превосходство над противником, в листовке перечислялись успехи Великой армии в этой кампании: «Все русские укрепления покинуты, а магазины попали в наши руки или уничтожены. Столица Русской Польши в нашей власти, а 6 млн поляков-литовцев (Polonais-Lithuanians) объединились в конфедерацию с 5 млн поляков герцогства Варшавского

Moniteur Universel. 1812. № 220.

² Ibid.

³ Ibid. № 199.

и собирают армию, чтобы отстаивать свои права»¹. Легко заметить, что среди этих, безусловно, важных военных преимуществ не было главного, победы над русской армией на поле боя, т. к. ни одно столкновение из случившихся на тот момент нельзя назвать генеральным сражением. Отсутствие решительной победы над противником могло встревожить подданных французского императора, поэтому автор заметки перечислял все возможные преимущества, полученные на данный момент французской армией, особо упоминая о существовавшей лишь на бумаге конфедерации Великого герцогства Варшавского и Литвы.

Одной из важнейших черт, характеризующих русское общество, для автора ответной прокламации было рабское положение крестьян, которые являются «собственностью своего сеньора» и которых «поставляют в армию, как поставляют лошадей или коров»². Благодаря такому положению вещей французская армия по своим боевым качествам намного превосходит русскую, т. к. в войсках Наполеона солдаты служили согласно закону. Именно закон, а также честь, являлись, по мнению авторов статьи, основой дисциплины во французской армии, тогда как в российской – есть «лишь палка и страх»³.

На предложение поселиться в России, высказанное в российской прокламации, «французские гренадеры» реагировали крайне отрицательно. «Как! Мы покинем нашу замечательную страну ради вашего ужасного климата! Мы покинем наши гуманные законы цивилизованного народа ради крепостного рабства! Сейчас мы люди, а станем *вьючными животными*! (выделено в оригинале. – Н. П.). И что вы можете нам предложить, если вся ваша империя стоит одной нашей провинции»⁴.

Несколько раз на протяжении статьи автор возвращается к тому, ради чего ведется война. В тексте делается намек, что одной из целей войны является Москва, куда уже однажды доходили поляки. Еще одна цель войны была уже практически достигнута, герцогство Варшавское объединилось с литовскими губерниями Российской империи, пусть пока это и произошло только на бумаге. Но кроме этих военно-политических целей, автор выдвигал и еще одну – цивилизаторскую. «Французские гренадеры» пишут: «Мы вам говорим, что боремся за ваши права и ваши семьи, и вы должны нам помочь

Moniteur Universel. 1812. № 220.

² Ibid.

Ibid.

⁴ Ibid.

против ваших угнетателей. Рабство противно человеческим правам и религии»¹. Эти аргументы были затем почти дословно повторены известным публицистом Лезюром, который в своей книге приводил схожее обоснование кампании против России. Лезюр писал, что России необходимо выйти из того варварского состояния, в котором она находилась в то время и которое пугало Европу. И война оказывалась единственным возможным средством сделать Россию менее опасной для европейских стран².

Наполеон понимал, что в огромной армии, составленной из представителей самых разных народов, может появиться недовольство этой войной, и не слишком доверял союзным контингентам. В личном письме к маршалу Даву он указывал, что для задач конвоирования нужно использовать части из немецкого контингента, т. к. поручать эти задачи французам – расточительно³. Французы видели, как совсем еще недавно дружественная Россия превратилась в главного врага Франции, поэтому общественное мнение Франции необходимо было уверить в прочности уз дружбы между империей и ее союзниками. Для этого *Moniteur Universel* в начале августа опубликовал российскую прокламацию, обращенную к немцам, находящимся в составе Великой армии, и ответ «немца» (un allemand) на эту прокламацию⁴.

В российском правительстве мысль о необходимости выпуска прокламации, адресованной жителям Германии, а также немецким контингентам в составе Великой армии, появилась еще в начале 1812 г.⁵ В окружении Александра I многие полагали, что мобилизованные насильно немецкие солдаты будут воевать неохотно и при первом удобном случае перейдут на сторону России⁶. Такие листовки через специальную сеть агентов распространялись также и на территории Германии, где вызывали живой интерес у местного населения и в дальнейшем расходились в списках⁷.

Ibid.

² *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 466.*

³ *Чандлер Д. Указ. соч. С. 462.*

⁴ *Moniteur Universel. 1812. № 221.*

⁵ *Абалихин Б. С. Военно-публицистическая деятельность русского командования среди солдат и населения Германии в 1812–1813 гг. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 244.*

⁶ Там же. С. 245.

⁷ *Власкин А. Г. Отечественная война 1812 г. и движение немецких патриотов // Новая и Новейшая история. 1962. № 5. С. 79.*

Авторами первой и наиболее известной российской прокламации, обращенной к немцам, являлись бывший прусский министр Г. Штейн, писатель Э. М. Арндт и Э. Пфуль (Гильсдорф). Издан документ был за подписью военного министра М. Б. Барклая де Толли, однако перед публикацией его тщательно отредактировал лично Александр I¹. Во французской прессе автором воззвания называли исключительно Барклая, во-первых, потому что на прокламации стояло его имя, во-вторых, упоминание о бывшем прусском министре, который теперь поддерживает Россию, могло иметь негативный эффект в Германии. Наполеоновской пропаганде было свойственно по возможности не очернять образ монарха той страны, с которой в настоящий момент идет война, чтобы в дальнейшем было проще заключить мир без лишних объяснений перед обществом. Поэтому Александра I в ответных прокламациях практически не вспоминали, хотя легко можно было догадаться, что подобные документы не появляются без одобрения монарха, и заочный спор шел только с Барклаем. В этом отношении заметна большая разница по сравнению с эпохой Революции, когда именно монархи становились главными объектами критики со стороны французской прессы².

В российской листовке, обращенной к немцам, содержался призыв «объединяться под флагом чести и родины», переходить на русскую службу и вступать в немецкий легион³, за что были обещаны земли на юге России. При этом высказывались уверения в том, что русский народ уже на протяжении нескольких поколений испытывает по отношению к немцам исключительно дружеские чувства⁴.

Следом за этой прокламацией в газете *Moniteur Universel* была опубликована большая статья, в которой от имени анонимного немца рассказывалось о том, за что воюет каждое германское государство. При этом не были упомянуты земли, населенные немцами, но

Абалихин Б. С. Указ. соч. С. 245.

² См. об этом: Митрофанов А. А. Образ России в революционной публицистике и периодической печати Франции периода якобинской диктатуры // Россия и Франция: XVIII–XX века / отв. ред. П. П. Черкасов. Вып. 9. М.: Наука, 2009. С. 73 и далее.

³ Русско-немецкий легион (Russisch-Deutsch Legion) – немецкое добровольческое воинское соединение, создававшееся при участии принцев Ольденбургских. Идея создания такого формирования появилась еще в 1811 г.: фактически к формированию легиона приступили в конце лета 1812 г., в тот момент в него в основном входили немецкие эмигранты на русской службе. Позднее в состав легиона вступило немало пленных из континентов Великой армии из германских государств.

⁴ *Moniteur Universel*. 1812. № 221.

присоединенные к территории Франции (например, Ганзейские города). Вероятно, автор исходил из принципа, что все подданные французского императора – французы, независимо от того, на каком языке они говорят. Кроме того, напоминание об этих завоеваниях могло породить лишние сомнения в прочности империи. Автором этой прокламации также традиционно считается император¹. В письме к Маре от 19 июля Наполеон писал, что отправляет министру прокламацию Барклая де Толли, обращенную к немцам. При этом император называл этот документ беспримечной подлостью, хотя и высказывал опасения, что он может быть подложным, хотя под ним и значится имя русского министра. Далее Наполеон предлагал направить его ко всем немецким дворам с тем, чтобы каждый из них разместил эту прокламацию в газетах и высмеял². Спустя два дня, 21 июля, Наполеон несколько изменил свое мнение и решил сделать пропагандистскую кампанию более структурированной: «Направляю вам ответ на “воззвание к немцам г-на Барклая де Толли. Отдайте необходимые приказы, чтобы два этих документа были переведены на немецкий, польский, русский, французский языки, затем немедленно отпечатаны и распространены повсюду»³. Таким образом, основной ответ на российскую прокламацию был подготовлен в Главной квартире императора французов, тогда как многочисленные статьи от имени германских государств, возможно, уже составлялись ими самостоятельно, хотя и в заданном русле. Некоторые из этих ответов были перепечатаны затем и в парижских изданиях.

Основными причинами, побудившими немецкие государства вступить в войну против России, называются союзнический долг и выгода от дружбы с Наполеоном, который принес «свободу и независимость». В статье также говорилось об угрозе германским государствам со стороны России. По мнению «немца», Российская империя – единственная виновница того, что мир с Англией до сих пор не заключен. Среди поводов к началу войны называется и предательство России. От имени Пруссии в вину Александру I ставились Тильзит и Эрфурт, к тому же именно Россия обвинялась во всех поражениях пруссаков: «В наших несчастиях виновата не битва под Йеной, а союз с вами, и мы смогли узнать истинную цену вашей бесчисленной армии, как ее называют со времен Екатерины II. Император Наполеон держит слово, а вы – нет!»⁴. Австрийцы, а их

Chuquet A. Op. cit. P. 40.

² Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. T. 12. P. 890.

³ Ibid. P. 901.

⁴ Moniteur Universel. 1812. № 221.

автор причислил к немцам, присоединились к французам, чтобы отомстить за войну 1809 г. (забыв, правда, упомянуть, что начала ту войну Франция). Одновременно отмечалась давность франко-австрийской дружбы, которая продолжалась с 1756 г. (при этом опять забыты все войны 1792–1809 гг.)¹. Также вступить в войну австрийцев якобы побудило желание не допустить присоединения Молдавии и Валахии к России: видимо, автор заметки еще не знал условий мира, заключенного между Россией и Турцией, согласно которому Дунайские княжества остались под властью султана.

В концовке статьи рисуется картина возможного будущего Германии в случае победы России. «Разве могут флаги казаков, русских москвитов и татар стать символами свободы Германии?.. Вы говорите о свободе, а что вы хотите для этого сделать? Разрушить правящие дома Австрии, Баварии, Вестфалии и др.? Вы хотите ввести у нас кодекс москвитов для крестьян? Разве те, кто обращается с людьми, как с лошадьми, могут говорить так с немцами?»². В заключение барон де Толли (так российский генерал назван в тексте статьи) обвиняется в подстрекательстве жителей германских государств к бунту. Подобное описание будущего Германии и вообще Европы очень похоже на то, о чем говорилось в «Завещании Петра Великого». Как и в том документе, в данной статье главными характеристиками России являются варварство и рабство.

Официальная пропаганда не ограничилась одной статьей с опровержением прокламации Баркляя, адресованной немецким частям Великой армии. В дальнейшем в *Moniteur Universel* было перепечатано несколько возмущенных откликов на прокламацию из немецкой прессы. Так, 22 августа появилась статья из *Gazette de Francfort*³, а 5 сентября – ответы на прокламацию из Вены и Берлина⁴. Последние ответы особенно важны, т. к. должны были продемонстрировать французским читателям верность заключенным договорам со стороны Австрии и Пруссии, наиболее сильных и потенциально опасных союзников наполеоновской Франции. После этих откликов на страницах *Moniteur Universel* появились и ответы со стороны ближайших сателлитов Наполеона среди германских государств: Вюртемберга⁵, Баварии и Саксонии⁶. Все эти статьи наперебой уверяли читателей в

Moniteur Universel. 1812. № 221.

² Ibid.

³ Ibid. № 235.

⁴ Ibid. № 249.

Ibid. № 252.

⁶ Ibid. № 255.

верности немцев данному слову, выгоды войны с Россией для их государств, т. к. только таким образом можно привести Англию к миру и избавить Европу от «торгового рабства» со стороны Соединенного королевства¹. Также в этих статьях утверждалось, что переселение в Россию, которое предлагалось всем немецким солдатам в прокламации Барклая де Толли, часто не приносило колонистам ничего хорошего, а иной раз оборачивалось кнутом (le Knout. – Н. П.) и Сибирью².

Походная типография русской армии выпустила листовки, обращенные к представителям практически всех наций Великой армии. Одновременно с первой листовкой для французских солдат было распространено аналогичное по содержанию обращение к итальянским солдатам, о чем в своих мемуарах упоминает Ц. Ложье³. Были выпущены листовки для испанских и португальских контингентов наполеоновской армии с описаниями поражений французов на Пиренеях⁴, но эти документы не появлялись на страницах французских газет. Подобное молчание, вероятно, нужно объяснить нежеланием французской пропаганды демонстрировать активность российских коллег.

Для наибольшего охвата аудитории и «ответ французских гренадер», и «ответ немца» без каких-либо изменений были с перерывом в день опубликованы во всех наиболее влиятельных газетах империи⁵.

На протяжении XVIII в. Российская империя становилась все более влиятельной европейской державой. Походы Петра I, войны времен Елизаветы, русско-турецкие войны, разделы Польши – все эти события демонстрировали силу новой империи. Во второй половине XVIII в. во французском общественном мнении широко распространился стереотип русской угрозы, который был связан в том числе с представлением о сильной и многочисленной русской армии. Особенно популярен он стал в 1799 г. во время Итальянского и Швейцарского походов Суворова⁶. Позднее, во время каждого из

Ibid. № 255.

² Ibid. № 235.

³ Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 2005. С. 29.

⁴ См. данные документы в: Листовки Отечественной войны 1812 г. М., 1962.

Там же. С. 29.

⁶ Corbet Ch. L'ère de nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe. P., 1967. P. 35–36.

столкновений с Российской империей, этот стереотип оживлялся французской пропагандой и ему придавались новые краски¹. Накануне похода против России в 1812 г. император Наполеон возродил старое представление о Российской империи как об опасном государстве, но при этом довольно слабом. Однако нужно заметить, что по своему эмоциональному накалу пропагандистские заметки, опубликованные во время кампании 1812 г., заметно уступают ярким текстам 1805–1807 гг., не говоря уже о газетных статьях периода Революции. Такой нейтральный тон заметок был вызван среди прочего тем, что императору требовалось убедить общественное мнение Франции в том, что поход не очень опасен и армии не составит труда одержать победу. Во многом подобная эксплуатация существующих стереотипов о России являлась продолжением предвоенной политики, но теперь внимание сосредоточивалось в первую очередь на слабостях России в целом и особенно русской армии.

Важнейшим недостатком русской армии, по мнению французской пропаганды, был способ ее комплектования. Лезюр утверждал, что рекрутские наборы проводятся в соответствии с потребностями государства и могут очень сильно различаться по числу призываемых воинов: иногда это один из пятисот мужчин призывного возраста, но набор сентября 1811 г. должен был проводиться исходя из соотношения четыре из пятисот. Но чтобы не преувеличить силу русской армии, автор тут же добавляет, что едва ли этот закон будет полностью выполнен и навряд ли удастся собрать всех, кого наметено. Кроме того, помещики часто отправляют в армию худших из своих крепостных – больных и слабых, половина из них одеты в лохмотья, и многие сразу попадают в госпитали².

Надо отметить, что Лезюр здесь был отчасти прав. «Качество» рекрутов, поставляемых для армии, часто оставляло желать лучшего. Русские помещики, как правило, оставляли персональный отбор рекрутов на волю крестьянской общины, которая и определяла, кто конкретно пойдет в армию³. По мирскому приговору из селян, как правило, отбирали для отбывания воинской повинности вора или пьяницу, либо других «неудобных» обществу лиц, но также и тех

Подробнее об эволюции концепции русской угрозы см.: *Промыслов Н. В., Прусская Е. А., Митрофанов А. А.* «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII – начала XIX в. // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. М., 2015. С. 343–391.

² *Lesur Ch. L.* Des progrès de la puissance Russe. P. 404–405.

Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 245.

крестьян, которые должны были платить подати и обрабатывать повинности наравне со всеми, однако фактически имели к тому меньше возможностей (часто страдали таким образом многосемейные отцы и сироты, не имевшие своего имущества). Некоторые помещики пытались мешать такой несправедливости и оказывали давление на общину с тем, чтобы рекрутчина распределялась по семьям более равномерно, и требовали соблюдения всех существующих в законе ограничений на повинность, но не всегда удачно. Стоит добавить, что к 1812 г. во французской армии были сходные проблемы: новобранцы не хотели идти в армию, а количество дезертиров среди них было очень велико¹ и с началом кампании только росло, но Лезюр умолчал об этом по цензурным соображениям.

По своим индивидуальным боевым качествам русские солдаты, как утверждала наполеоновская пропаганда, также уступали французам. Лезюр утверждал, что стойкость русских солдат под огнем проистекает не от их личной храбрости, а от рабской покорности судьбе. «Некоторым генералам, таким, например, как Суворов, удастся зажечь в них фанатизм. Но главная причина их хваленой стойкости в день сражения состоит в том, что они уверены, что будут убиты, если попытаются нарушить свой долг»². Упоминание в данном контексте имени Суворова не случайно, т. к. он был одним из самых известных в Европе генералов, олицетворявших мощь русского оружия. Таким образом, Лезюр пытался уверить своих читателей в том, что все победы русских войск основаны лишь на страхе, а причина такого отношения солдат к службе крылась в крестьянском происхождении большинства из них, которое очень часто сравнивали с рабским.

Одним из стереотипов описания русской армии, демонстрировавших ее силу и опасность для окружающих стран, была ее огромная численность. Например, Лезюр, со ссылкой на французских историков XVIII – начала XIX в. утверждал, что в походе князя Игоря на Константинополь участвовало 400 тысяч воинов, а их жестокость напоминала некоторые современные события из русской истории³. Скорее всего, автор намекал тут на действия Суворова под Измаилом и в Праге. В другой главе тот же Лезюр утверждал, что Иван III в са-

¹ Об этом см., например: *Соколов О. Солдаты Наполеона // Родина. 2002. № 8. С. 22–25.*

² *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 407.*

³ В тексте говорится о походе Игоря 913 г., видимо, автор в этом описании смешал несколько походов русских князей на Константинополь, имевших место в X в. *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 10.*

мом начале XVI в. повел на Ливонию армию в 130 тысяч и потерпел поражение от 12 тысяч ливонцев¹. Но когда повествование дошло до эпохи правления Александра I, он в своем произведении попытался скорректировать эти представления, опираясь на различные источники и не опровергая их полностью. Так, общую численность русской армии автор оценивал в 465 тысяч человек, но подчеркивал, что в отдельной кампании Александр I сможет использовать только около 180 тысяч, т. к. остальные несут гарнизонную службу и охраняют границы государства². В этом вопросе французский автор сильно ошибся, т. к. только в трех русских армиях, стоявших рядом с границей, было более 200 тысяч солдат, а во второй линии и в резерве еще больше. Поскольку Лезюр по закону не имел права публиковать какие бы то ни было сведения о составе Великой армии, он не мог сравнить две воюющие армии, даже если бы это сравнение было в пользу французов.

Подробнее Лезюр остановился на вопросах подготовки и боевых качествах русской армии. О кавалерии, ударной силе армий того периода он писал так: «Кроме императорской гвардии, нескольких полков кирасир и регулярных казаков, русская кавалерия хуже пехоты. Лошади у них плохие и плохо накормлены, а экипировка кавалерии еще хуже их подготовки, большинство не знают основных правил верховой езды»³. Не давая подробной характеристики пехотным частям русской армии, он заметил, что из всех родов войск только артиллерия находится в наименее ущербном состоянии, но и она заметно уступает французской по точности стрельбы и скорости маневрирования⁴.

Офицерскому корпусу русской армии Лезюр также давал весьма нелестные характеристики. По его мнению, часть офицеров хотят лишь получить звание и затем отбыть в свои поместья, а другие мечтают получить под свое командование полк, который станет для них источником богатства. Полковник даже жалеет о чине генерала, поскольку в таком положении у него нет других доходов, кроме жалования⁵. К тому же многие российские командиры получили представление о военной тактике в великосветских салонах.

Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 45. По оценкам современных специалистов, Иван III в 1502 г. отправил против Ливонии 20 тысяч солдат.

² *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 402.*

³ *Ibid. P. 410.*

⁴ *Ibid. P. 410–411.*

Ibid. P. 409.

В какой-то мере Лезюру в своем сочинении пришлось даже опровергать некоторые положения «Завещания Петра Великого», которое было включено в его книгу по личному указанию Бонапарта¹. Ключевым моментом этого «завещания» было описание планов русской монархии по завоеванию Европы. Согласно этому плану «азиатские орды» должны были нанести удар и захватить Италию, Испанию и Францию, а затем конвоировать жителей этих стран в Сибирь². Но если в «завещании» описание этих орд служило запугиванию населения Европы, то в главе, где речь шла о начале XIX в., Лезюру необходимо было показать ничтожность этих орд в военном отношении. «Это воины, из которых многие едва знают имя своего суверена и которые опустошают собственную территорию, когда не могут найти другого объекта для проявления своей кровожадности. В состав таких частей входят недавние бандиты, кочевники или пастухи». При описании их внешнего вида Лезюр использует все традиционные стереотипы, касающиеся варварской одежды, вооружения: воюют они на собственных лошадях, одеты в грубые одежды или шкуры диких животных, вооружены только луком, стрелами, копьем, саблей и иногда двумя пистолетами³. То есть это настоящие варвары, которые сами заботятся о своей экипировке, когда отправляются на войну, а не получают ее из военных складов. Соответственно, они не проходят никакой военной подготовки, не получают жалования и вынуждены заниматься грабежом, чтобы прокормить себя.

Эти отряды располагаются обычно на флангах или перед армией, чтобы вести разведку, уничтожать одиночных солдат противника, а также для того, чтобы убивать оставших и разорять местность, где проходит кампания⁴. Из такого описания можно заключить, что все эти воины представляют угрозу только для мирного населения, но едва ли опасны в боях против кадровой французской армии. Более того, чтобы подчеркнуть их невежество и жестокость, автор указывает, что они не различают территорию собственного и враждебного государств.

Касаясь вопроса численности кочевых орд, Лезюр заявляет, что, хотя русские и смогут выставить до 500 тысяч этих варваров, «это не прибавит им силы. Казаки Украины, Черноморского войска и Дона

Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. С. 173.

² *Lesur Ch. L.* Des progrès de la puissance Russe. P. 179.

³ *Ibid.* P. 413.

⁴ *Ibid.* P. 414.

наиболее ценны из них, но это не те войска, которые решают исход сражений или судьбы империи»¹. О казаках и других иррегулярных формированиях русской армии к тому моменту было написано уже довольно много, и потому Лезюр оказался в сложном положении. Он сам на страницах, посвященных событиям русской истории предыдущих столетий, вполне следовал устоявшимся стереотипам (в том числе потому, что эти главы носили явно выраженный компилятивный характер). Кроме того, в 1812 г. он, по указанию Наполеона, уже писал большую работу о казаках, которая была опубликована только в начале 1814 г.² Тем сложнее ему было убедительно показать читателю, что казаки и другие кочевые орды не так страшны, как об этом принято писать. Интересно отметить, что уже после завершения войны во многих мемуарах о кампании 1812 г. именно казаки будут названы одной из главных действующих сил русской армии, особенно во время отступления французов из России.

В описаниях русской армии и ее иррегулярных частей Лезюр очень часто ссылался на записки путешественников, в частности английских³. Подобные ссылки должны были придать дополнительный вес сочинению самого Лезюра и показать, что даже союзники России, англичане, невысоко ценят боевые качества русских солдат.

На протяжении войны пресса продолжала кампанию по дискредитации русской армии в глазах европейского общественного мнения. Газеты подчеркивали, что русские войска находятся в беспорядке и плохо управляются. Так, в конце августа *Moniteur Universel* сообщал со ссылкой на прусские газеты, что Кутузов отказался принять командование над корпусом Витгенштейна, видя беспорядок, в котором находятся войска⁴. Подобное сообщение преследовало сразу две цели: показать, что один из самых известных в Европе русских вое-

Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 414.

² *Lesur Ch. L.* Histoire des Kosaques (Cosaques), précédée d'une introduction ou coup-d'oeil sur les peuples qui ont habité le pays des Kosaques, avant l'invasion des Tartares. 2 tomes. P., H. Nicolle, Fantin, Arthus-Bertrand, 1814.

³ Brief remarks on the characters and composition of the Russian army, by sir Robert Wilson, Lisbon, 1810; *Clarke's Travels*, in-4; London, 1810; *Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark*, 3 vols. 1784; *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, contenant les principales révolutions de cet empire, et les guerres des Russes contre les Turcs et les Tartares; avec un supplément qui donne une idée du militaire, de la marine, du commerce de ce vaste empire. 1772; Fortia de Piles. Voyage de Deux Français dans le Nord de L'Europe. Voyage de Deux Français en Allemagne, Danemark, Suede, Russie et Pologne*, P 1796; и др.

⁴ *Moniteur Universel*. 1812. № 241.

начальников не принимает участия в войне, а также подтвердить плохое состояние русской армии, что должно было породить надежду на скорое ее поражение. В середине сентября газета еще раз написала о беспорядках в русской армии и недовольстве генералов Барклаем¹. Такое недовольство действительно имело место, но сообщение это датировалось 3 сентября, к тому моменту уже около недели главнокомандующим всеми русскими войсками являлся М. И. Кутузов.

Один из распространенных ранее стереотипов о русской армии – личная храбрость и стойкость ее солдат – также был подвергнут сомнению наполеоновской пропагандой. Так, рассказывая о польском восстании 1794 г., Лезюр приводит описание боя под Рацлавицами: «4 тыс. польских крестьян, вооруженных лишь косами и пиками» против 12 тыс. русских солдат, в результате которого поляки не только одержали полную победу, но и уничтожили до четверти солдат противника². Действительно, атака крестьян, вооруженных косами (т. н. косиньеров) сыграла решающую роль в битве, но автор заметно преувеличил численность солдат генерала Торماسова (на самом деле их было около 5 тысяч), а потери противников в ходе боя были примерно равными – около 500 человек с каждой стороны.

Бюллетени Великой армии были полны сообщений о победах отдельных французских частей над превосходящими по численности российскими войсками³. Самым известным подобным эпизодом стал бой под Витебском, в ходе которого 200 парижских вольтижеров, оказавшись без поддержки других частей, отбили атаки превосходящих сил российской кавалерии, за что каждый из них получил крест Почетного легиона⁴. Позднее многие мемуаристы описывали этот случай примерно в сходных выражениях⁵. Таким образом, Наполеон с помощью пропаганды пытался доказать, что по индивидуальным боевым качествам русские солдаты намного уступают французам. В отсутствии генерального сражения Наполеону приходилось постоянно подтверждать через бюллетени победоносный характер кампании, иногда прибегая для этого к публикации непроверенных слухов. 29 августа войска Великой армии вошли в Вязьму, что было отмечено в 16-м бюллетене: «Покидая Вязьму, русские войска сожгли мост, магазины и самые красивые дома в городе. Перед

Ibid. № 262.

² *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe.* P. 305.

³ См., например: *Moniteur Universel.* 1812. № 228, 248, 255, 302.

⁴ *Moniteur Universel.* № 228.

Подробнее об этом см. в гл. 2 ч. II настоящего издания.

уходом казаки разграбили город, т. к. русские думают, что Вязьма уже не вернется под их власть»¹. С помощью подобных сообщений император французов пытался убедить европейцев, что Россия уже фактически проиграла войну, если в ее армии считают, что не удастся отвоевать город, расположенный примерно в 250 км от Москвы. Русская армия непрерывно отступала более двух месяцев. Такая тактика была, безусловно, продуманной со стороны российского командования, хотя историки до сих пор спорят о том, где предполагалось закончить отступление и перейти к более агрессивным действиям против Наполеона². Но в пропагандистских целях императору французов было совершенно невозможно признавать сам факт осознанной реализации русскими какого-то стратегического плана отступления, поэтому бюллетени старались объяснить европейским читателям, что Наполеон контролирует ход кампании и все вполне согласуется с его планами.

Потери русской армии, согласно французским газетам, после каждого боя заметно превышали потери Великой армии. Так, после взятия Смоленска сообщалось, что один убитый француз приходился на 7–8 погибших русских³. В Бородинском сражении, по версии 18-го бюллетеня, французы потеряли 2500 убитыми, а русские – 12 000–13 000 убитыми и еще 5 тысяч пленными⁴. Общую численность потерь российской армии в битве 7 сентября французская пропаганда оценивала в 50 тысяч человек⁵. Впрочем, подобные преувеличения были широко распространены среди военных всех стран, и российское командование в этом отношении не отставало от французского⁶.

После того как французы начали отступать, *Moniteur Universel* продолжал дискредитировать русскую армию. Теперь газете необходимо было убедить читателей, что положение русской армии намного хуже французской и война по-прежнему идет в соответствии с планами императора Наполеона. Так, при описании Малоярославцевого сражения газета, как всегда, писала о больших поте-

Moniteur Universel. 1812. № 259.

² О планах российского командования на грядущую войну см.: *Lieven D. Russia against Napoleon*. P. 124 и далее.

³ *Ibid.* 1812. № 248.

⁴ *Ibid.* № 271.

Ibid. № 271, 277.

⁶ См., например, донесения Кутузова Александру I о том же Бородинском сражении и операции на Березине: Кутузов М. И. Документы. Т. 4. Ч. 1–2; Т. 5. М., 1955–1956.

рях в русской армии, но специально указывала, что «среди убитых русских солдат много рекрутов, которые не прослужили и два месяца. Прежняя русская пехота уничтожена, русская армия пополняется только казаками с Дона»¹. Поскольку традиционно именно пехота считалась главной силой русской армии, то утверждение о ее уничтожении означало, что у России практически не осталось регулярных войск, т. к. казаки не являлись теми частями, которые решали исход сражений. Позже в заметке, перепечатанной из *Journal de l'Elbe*, утверждалось, что в данный момент большая часть кавалерии русской армии состоит из казаков, башкир и других диких народов². Подобные утверждения имели под собой определенные основания. На тот момент в русской армии действительно было очень много иррегулярных частей, составленных из казаков, а также представителей кочевых народов. Однако кадровая кавалерия по-прежнему оставалась значительной силой³.

Все передвижения Великой армии во второй период кампании назывались не иначе, как «переходом на зимние квартиры», слово «отступление» не употреблялось. Так, в 28-м бюллетене Великой армии от 11 ноября, ставшем предпоследним в данной кампании, Наполеон написал, что «со времени сражения под Малоярославцем (после 24 октября. – Н. П.) авангард (курсив мой. – Н. П.) не видел русских, если только это не казаки, которые, как арабы, рыщут на флангах»⁴. Стоит ли говорить, что авангард отступающей армии и не должен видеть неприятеля. А вот у читателя после прочтения подобной заметки могло сложиться впечатление, что французская армия продолжает преследование русских и не может догнать.

* * *

На протяжении всей кампании 1812 г. французская пресса старалась продемонстрировать читателям слабость нынешних противников императора и многочисленность его друзей. Традиционно, со времени создания т. н. Восточного барьера, поляки выступали одними из главных союзников Франции, а польский вопрос во многом определял отношение французского общественного мнения к России.

Moniteur Universel. 1812. № 322.

² Ibid. № 347.

³ О состоянии русской кавалерии после начала преследования Наполеона см.: *Lieven D. Russia against Napoleon*. 8. Advance from Moscow. P. 242–284.

⁴ Moniteur Universel. 1812. № 334.

Поскольку освобождение Польши было объявлено Наполеоном одной из главных целей войны 1812 г., польская тема активно обсуждалась во французской прессе. Наполеоновская пропаганда в первые месяцы войны довольно много внимания уделяла вопросам объединения герцогства Варшавского и Литовского княжества в конфедерацию, хотя император и не выразил еще точно свое мнение относительно будущего Польши. Косвенным свидетельством планов по отделению от Российской империи ряда ее западных губерний стало то, что сообщения из этих районов начали появляться в газетах с самостоятельным подзаголовком «Литва». До войны сообщения из Вильно появлялись только в рубрике «Россия». Таким образом, читателям давали понять, что данная территория, с еще не до конца определенными границами, стала самостоятельной географической единицей. Формально о восстановлении унии между Польшей и Литвой было объявлено 14 июля на торжественном собрании в Вильнюсском кафедральном соборе. Фактически создание единого государства шло очень медленно, т. к. Наполеон в надежде на скорое начало мирных переговоров с Александром I уклонялся от принятия решения по возрождению Речи Посполитой в границах 1772 г. Несмотря на это, французская пресса писала про объединение двух государств и создание Литовского княжества¹, дабы оказать давление на российское правительство.

Важной задачей французской пропаганды было также показать, что подданные российского императора в западных областях империи добровольно присоединяются к новой власти и готовы ей помогать всеми возможными способами. Французские газеты наперебой сообщали о том, с какой радостью жители Литвы, как горожане, так и крестьяне, поддерживают присоединение к герцогству Варшавскому и благодарят Наполеона за свое освобождение². И практически в каждом сообщении о польско-литовских делах говорилось о скором наборе здесь войск для Великой армии. Именно военную поддержку хотел получить от этих провинций император французов в первую очередь. О начале формирования литовских частей было заявлено впервые в 4-м бюллетене Великой армии от 30 июня: «Примерно 400–500 молодых студентов, которым едва исполнилось 18 лет, представители благородных семей, изъявили желание сформировать собственный полк»³. В том же сообщении утверждалось, что польские

Moniteur Universel. 1812. № 205.

² Journal de Paris. Politique, commercial et litteraire. 1812. № 206; Moniteur Universel. 1812. № 205.

³ Moniteur Universel. 1812. № 196.

провинции России взбунтовались практически целиком. Это была явная выдумка пропаганды. Реальность настолько расходилась с желаниями Наполеона, что в дальнейшем о каких бы то ни было восстаниях уже не упоминалось.

Перед Временной правительственной комиссией (наделенной функциями исполнительной власти в Литве) Наполеон поставил задачу – пополнять вооруженные силы солдатами и снабжать продовольствием. Граф Выбицкий¹, возглавлявший депутацию польского сейма, уверял императора, что его народ приложит все усилия, чтобы помочь французам одержать победу: «Нас 16 миллионов, и любая жертва (во имя восстановления страны. – Н. П.) для нас будет легкой!»²

Через четыре дня *Moniteur Universel* вернулся к теме восстановления Польши. В корреспонденции из Вильно от 15 июля очерчивались и примерные границы будущего государства, по крайней мере, как их представляли себе поляки: от Одера до Днепра и от Днестра до Двины, что означало возврат к границам 1772 г. Влияние России на данные территории описывалось исключительно в негативных тонах: «Они пытались посеять разногласия между знатью и этим добрым народом (se bon peuple), кроме того, они хотели руками наших детей убивать лезгин и сотни других народов, названия которых нам неизвестны, и даже сегодня не хотят ли они вооружить брата против брата и отца против сына. Образованные люди видят, что культура нашего языка приходит в упадок, что грозит потерей в один прекрасный день общей с остальной Европой письменности. Под влиянием России наши крестьяне беднеют. Разврат проникает в наши дома»³. Надо сказать, что в этом описании Юзеф Сераковский, член Временной правительственной комиссии Литовского княжества, был во многом прав. Действительно, поляков, которых подозревали в нелояльности царю, а также участников восстания 1795 г. сослали на Кавказ, однако лояльные новому режиму шляхтичи служили в русской армии и получали чины и награды наравне со всем российским дворянством. Что касается языка и письменности, то в этом граф Сераковский предвосхитил события второй половины XIX в., когда правительство Российской империи предприняло целый ряд мер по ограничению использования польского и литовского языков,

Выбицкий Йозеф (1747–1822) – польский генерал и политический деятель, участник восстания Костюшко 1794 г., автор слов к «Мазурке Домбровского», гимну Польши.

² *Moniteur Universel*. 1812. № 210.

³ *Ibid.* № 214.

в том числе литовский алфавит на основе латиницы был запрещен на протяжении нескольких десятилетий¹.

Негативное влияние России на завоеванные земли должен был подтвердить широко распространенный во французском общественном мнении тезис о варварстве русских, т. к. завоеватель, как считалось, всегда распространял свою культуру на завоеванных землях. И если Александр Македонский и Цезарь несли в побежденные страны свет античной культуры, то Россия не могла, по мнению французских журналистов и публицистов, принести полякам и литовцам ничего, кроме собственного варварства.

Однако западные губернии Российской империи не оказали той поддержки, которой ждал от них император французов. Отсутствие большого желания у местного населения объединиться с поляками герцогства Варшавского стало заметно практически сразу же после захвата Вильно². Уже 1 июля Наполеон отдал приказ – сформировать во всех городах Литовского княжества национальную гвардию. А 5 июля вышло распоряжение начать комплектование на подвластной Временной правительственной комиссии территории пяти пехотных и четырех кавалерийских полков. Кроме того, из шляхтичей-добровольцев начали формировать 3-й шеволежерский-пикинерский³ полк Императорской гвардии. Однако формирование новых частей шло совсем не так, как того ожидал Наполеон: рекрутов было очень мало, да и из тех, кого удавалось привлечь под знамена императора, многие вскоре дезертировали. Для новых соединений не хватало обученных офицеров, обмундирования и оружия. Следуя своему правилу – не сообщать плохих вестей, газета *Moniteur Universel* последний раз вспомнила о литовских союзниках в первой половине сентября 1812 г.⁴

Тема Русской Польши в качестве самостоятельного государственного образования в сентябре исчезает со страниц *Moniteur Universel* как главной газеты французского государства, хотя в других изданиях, в том числе и парижских, заметки о Литве появлялись и позже. Такая тактика выглядит очень логично. Если, как и произошло на самом деле, в польских губерниях Российской империи и далее не наблюдалось бы явных признаков массовой поддержки Наполеона, тема единого польского государства постепенно исчезла бы из сферы

Об этом см., например: *Миллер. А. И.* Империя Романовых и национализм. М., 2006. Гл. 3.

² *Dundulis B.* Napoléon et la Lituanie en 1812. P., 1940. P. 103.

³ От фр. *chevau-léger lancier* – вид легкой кавалерии в Великой армии.

⁴ *Moniteur Universel*. 1812. № 257.

актуальной политики. Но на некоторый период эту тему можно было оставить на периферии пропагандистской политики на тот случай, если в Литве вдруг активизировалось бы протестное движение против России или польско-литовская тематика вдруг понадобилась бы для каких-то других сиюминутных целей французского императора. Поскольку Вильно рассматривался Наполеоном как один из центров возможной зимовки Великой армии, возврат к активному обсуждению восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. был весьма вероятен именно в ходе зимы 1812–1813 гг. *

При вступлении русской армии на территорию, подвластную Временной правительственной комиссии, дезертирство в литовских частях усилилось¹. Литовские войска в составе разных соединений потерпели несколько поражений, но некоторое количество солдат было выведено вместе с остатками Великой армии из пределов Российской империи. В первой половине 1813 г. литовские полки были объединены с другими частями французской армии и перестали существовать как самостоятельные боевые единицы. В целом литовские воинские части не смогли, как на то рассчитывал Наполеон, оказать существенного влияния на исход кампании.

О сплоченности союзников императора французов должны были свидетельствовать многочисленные пропагандистские публикации в прессе. Как уже выше отмечалось, в ответ на российскую прокламацию, обращенную к немцам, воюющим под наполеоновскими знаменами, было опубликовано семь статей, происходивших из всех германских государств². Все они были написаны в одном тоне и яростно опровергали саму возможность измены Наполеону со стороны немцев. Также на протяжении всей кампании 1812 г. в газетах постоянно появлялись сообщения о военных приготовлениях со стороны Турции, что должно было придать дополнительную уверенность французам в своих силах. При этом на страницах французской прессы так и не появилось известий о заключении мира между Россией и Турцией. В действительности, в 1812 г. Османская Порта не собиралась возобновлять военные действия против России.

Одновременно с демонстрацией силы и единства в стане союзников Франции пресса указывала на непрочность отношений между ее противниками. На страницах *Moniteur Universel* довольно часто появлялись перепечатки из английских газет, которые должны были свидетельствовать о подозрительности британцев в отношении

История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 190–191.

² *Moniteur Universel*. 1812. № 221, 235, 249 (две заметки), 252, 255 (две заметки).

России и их неверии в возможность поражения французов. Уже в конце июля в *Moniteur Universel* печатается заметка из Англии, автор которой утверждал, что война скоро закончится в пользу Франции¹. Такие сомнения в силе русской армии ее ближайших союзников должны были укрепить доверие к французской пропаганде со стороны европейцев.

Отношения между Великобританией и Россией на протяжении 1812 г. действительно были сложными. Тяжелое финансовое положение России, только ухудшившееся в результате войны с Турцией и Континентальной блокады, было хорошо известно в Великобритании, а союз со Швецией, как полагали английские политики, являлся слабым противовесом договорам, заключенным Наполеоном с Австрией и Пруссией². Поэтому британская сторона, опасаясь скорого заключения мира между Наполеоном и Александром I, не оказывала своему союзнику практически никакой реальной помощи. По этой же причине договор о создании новой антинаполеоновской коалиции был подписан только в 1813 г.³ В английском обществе в возможность победы России «верили либо очень прозорливые люди, такие как Каннинг и Веллингтон, либо романтики, подобные принцу-регенту и знаменитому писателю В. Скотту»⁴.

В начале октября *Moniteur Universel* поместил небольшую заметку из *Morning Chronicle*, восхвалявшую Наполеона. В этой же статье утверждалось, что войну на севере Франция уже практически выиграла и император французов скоро возьмет Москву и одновременно угрожает Санкт-Петербургу⁵. Подобные высказывания на страницах британской прессы должны были свидетельствовать о том, что даже враги признают силу наполеоновской армии и убеждены в ее скорой победе.

Информация о ходе военных действий в России доходила до Великобритании очень медленно, поэтому о Бородинском сражении в Лондоне узнали только в начале октября из письма английского посла в Петербурге лорда Каткарта. Свое сообщение посол основывал на донесении Кутузова об исходе сражения, в котором российский главнокомандующий заявил о победе русских войск, поэтому и

Moniteur Universel. 1812. № 207.

² Anderson M. S. Britain's discovery of Russia. N. Y., 1958. P. 215–216.

³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия 1. 1801–1815. Т. VI. 1811–1812 гг. М., 1962. С. 770–771.

⁴ Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. С. 221.

Moniteur Universel. 1812. № 276.

донесение дипломата было выдержано в самых радужных тонах. Это письмо было опубликовано в ряде английских газет и даже выпущено отдельным изданием¹. Однако уже через несколько дней в Лондоне получили 19-й бюллетень Великой армии с сообщением о вступлении французов в Москву, после чего некоторые британские газеты выразили сомнения в победе русской армии в битве на Москве-реке, а также по поводу истинного состояния армии после сдачи Москвы. В *Moniteur Universel* эти статьи тотчас же перепечатали². Во французской газете опубликовали и несколько заметок из английской прессы, в которых оценки московского пожара в точности совпадали с описаниями этого события в 19-м и 20-м бюллетенях Великой армии. В чем-то оценки английских газет были даже резче, чем официальной французской пропаганды: «Московский пожар – безумный, варварский акт, который никогда не совершили бы представители цивилизованных народов. В дополнение ко всем ужасам этой катастрофы нужно упомянуть о 30 000 раненых и больных русских, которых бросили умирать в огне по приказу Ростопчина. Такой поступок можно сравнить только с действиями Суворова, который перерезал в Измаиле 70 000 мужчин, женщин и детей и устроил избиение в Праге под Варшавой»³. В устах союзников русских такие обвинения должны были звучать особенно убедительно, кроме того, подобные заявления должны были отделить в представлении французского общественного мнения Россию от остальной Европы. Подобные заметки свидетельствовали также об определенном недоверии, которое существовало в английском обществе по отношению к Российской империи. Соответственно, французские читатели могли усомниться и в прочности англо-русского союза как такового.

Глава 4. Страна и общество в описании французской прессы и публицистики в период войны

Во время войны французская пресса больше всего внимания уделяла боевым действиям и характеристикам российской армии. Однако не были забыты и такие традиционные при описании России темы, как специфика российского социально-политического устройства и климат. В традициях, восходящих к Ш. Л. Монтескье, геогра-

Гуткина И. Г. Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 г. // Новая и новейшая история, 1962. № 5. С. 85.

² *Moniteur Universel*. 1812. № 296.

³ *Ibid.* № 293.

фические особенности, по мнению многих авторов, обуславливали устройство государства. В 1812 г. наполеоновская пропаганда попыталась увязать обе эти темы со спецификой кампании в России.

Распространенное представление о России как о пустынной стране с ужасным климатом неоднозначно использовалось наполеоновской пропагандой во время русского похода 1812 г. На протяжении большей части кампании, материалы, где упоминались погодные условия в России, должны были корректировать или даже опровергать традиционные представления об ужасном российском климате. Однако при необходимости французская пропаганда оживляла это глубоко укоренившееся представление, но не акцентировала внимание на подробностях. Подобная тенденция обозначилась еще перед началом войны, однако более всего проявилась уже в ходе боевых действий.

В тех случаях, когда наполеоновской пропаганде необходимо было подчеркнуть недостатки России по сравнению с Францией, с легкостью использовались традиционные стереотипы. Например, в листовке, обращенной к русским солдатам, нужно было создать в целом отрицательный образ страны, и потому «французские гренадеры» гневно отвергли предложение покинуть «нашу замечательную страну ради вашего ужасного климата»¹. Похожие слова были вложены и в уста «немца», отвечавшего на листовку Барклая де Толли². Но при этом подробности «ужасного русского климата» в текстах отсутствовали. Это объясняется тем, что гораздо больше усилий тратилось на преодоление подобных представлений в общественном сознании, т. к. необходимо было успокоить родственников сотен тысяч солдат Великой армии, воевавших в далекой России.

С целью успокоения родственников солдат пропаганда работала по двум направлениям: французов старались убедить, во-первых, что армия снабжена всем необходимым и никакие погодные условия ей не страшны, а во-вторых, что российский климат не столь суров, как о нем привыкли думать. Причем император французов убеждал в этом не только жителей Франции и остальной Европы посредством бюллетеней и газетных публикаций, но и проводил ту же точку зрения в личных беседах со своими приближенными³.

Новые для Европы представления об умеренности российского климата нашли отражение и на страницах книг Дамаза и Лезюра о России, вышедших осенью 1812 г., отдельные страницы которых так-

Moniteur Universel. 1812. № 220.

² Ibid. № 221.

³ См., например: *Коленкур А.* Указ. соч. С. 219–220.

же посвящены вопросам климата¹ с подробной характеристикой погодных условий в разных частях империи в зависимости от климатического пояса. Правда, у Лезюра такие описания касались только европейской части Российской империи. Подобное ограничение нельзя объяснить недостатком информации о регионах, расположенных за Уралом. К началу XIX в. уже существовало немало публикаций о географии Российской империи, включавших в себя и описание климата всей ее территории. И эти публикации должны были быть известны авторам памфлетов, или во всяком случае найти их им было нетрудно. Например, Лезюр в своем сочинении ссылается на работы немецких географов Генриха Фридриха фон Шторха (на русском языке его работы публиковались под именем Андрея Карловича Шторха)², Иоганна Георга Хасселя³, Иоганна Готлиба Георги⁴, в том числе при составлении таблицы по численности населения Российской империи⁵, а также и в других местах. Эти и другие работы были использованы при составлении для Наполеона статистических обзоров по губерниям Российской империи, подготовленных в начале 1812 г. в том числе в Министерстве иностранных дел, где работал Ш. Л. Лезюр⁶, и содержащих описания климата на всей территории Российской империи разной степени подробности. Более вероятно, что исключение обзоров климата азиатской России из памфлетов 1812 г. связано с нежеланием упоминать о таком «полюсе холода», как Сибирь. Хотя в целом за время правления Наполеона немало газетных статей было посвящено Сибири, Чукотке и Камчатке.

Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 368–369. Damaze de Raymond M. Op. cit. T. 1. P. 228–236, 261–267.

² *Storch H. Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen. Riga, 1795; Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs. Riga, 1797–1803; Rußland unter Alexander I. St. Petersburg, 1803–1811.*

³ *Hassel J. G.H. Statistische Uebersichts-Tabellen der sämtlichen Europäischen und einiger aussereuropäischen Staaten. Goettingen, 1809.*

⁴ *Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп. Изд. 2-е. СПб., Русская симфония, 2007.*

⁵ *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 480.*

⁶ *Михайлова Ю. Л., Промыслов Н. В. Сведения французской разведки о прибалтийских губерниях Российской империи в 1812 году. По материалам Военного архива сухопутных сил Франции // Россия и Балтия. Вып. 7. М., 2015. С. 76.*

Дамаз, судя по обилию данных в его работе, также использовал труды немецких географов. Специальный раздел, посвященный климату, состоит из шести страниц¹ и содержит наряду с конкретной информацией штампы, с помощью которых европейцы описывали российскую погоду на протяжении долгого времени. «В арктическом регионе, который начинается в европейской России с 67-й параллели, а в азиатской – с 62-й, так холодно, что ртуть замерзает в сентябре и становится ковкой»². Также информация о климате фактически содержится и в других разделах, описывающих природные условия в России³. И во всех разделах автор особо останавливается на особенностях погоды в Сибири, на Чукотке и других отдаленных и северных регионах.

Наполеоновские армии традиционно во всех походах снабжались за счет оккупированных территорий. Однако уже при подготовке похода в Россию в личных беседах и переписке с военачальниками император французов неоднократно заявлял, что в этот раз о многом придется позаботиться заранее. И действительно Наполеоном был предпринят целый ряд мер по подготовке больших запасов продовольствия и фуража, а также их транспортировке к границам России. Хотя в целом эти приготовления оказались недостаточными, что сказалось на рационах питания солдат Великой армии уже на территории герцогства Варшавского, т. е. до официального начала войны. Но широким слоям населения незачем было знать об этих отличиях кампании 1812 г. Тема снабжения армии всем необходимым была одной из самых часто встречающихся в бюллетенях Великой армии. На протяжении всего периода наступления и пребывания армии в Москве в прессе неоднократно появлялись заметки о захвате французской армией в России больших армейских магазинов (например, в Борисове⁴). *Moniteur Universel* писал о хороших видах на урожай в западных губерниях Российской империи и герцогстве Варшавском⁵, а также в окрестностях Смоленска и Москвы, где земледелие, по уверениям бюллетеней, сделало за последние годы очень большие успехи⁶. Постоянное перечисление найденных запасов продовольствия должно было убедить французское общество в том, что армия легко переносит тяготы похода.

Damaze de Raymond M. Op. cit. Т. 1. P. 261–267.

² Ibid. P. 261.

Например, см. раздел о почвах: *Damaze de Raymond M.* Op. cit. Т. 1. P. 228–236.

⁴ *Moniteur Universel*. 1812. № 210.

Ibid. № 234, 292.

⁶ Ibid. № 249, 262.

Самое большое количество припасов было найдено в Москве, где каждый дом, если верить 20-му бюллетеню Великой армии, обладал 8-месячными запасами продовольствия¹. Временной период здесь указан неслучайно, согласно распространенному представлению, именно столько длилась зима в России. В преддверии холодов сообщалось также о том, что французские солдаты нашли много мехов. И даже после московского пожара «запасы хоть и уменьшились, но включают в себя еще много всего. Есть в изобилии хлеб, картофель, капуста и овощи, мясо, вино, водка, сахар, кофе и другие продукты»². Упоминание в данном контексте сахара и кофе, обычно не входивших в рацион армии, должно было продемонстрировать богатство запасов.

Без упоминаний о погоде в России не обходился практически ни один бюллетень Великой армии. Так, в первые месяцы кампании в них неоднократно упоминалась необычайно жаркая погода, установившаяся в тот год в России, и даже утверждалось, что в настоящий момент в России жарче, чем в Италии³. В сентябре–октябре российскую погоду сравнивали с французской: «Здесь светит солнце и теплее, чем в Париже в это время года. Незаметно, что это север»⁴, – утверждал бюллетень от 9 октября. Однако в конце войны Наполеон вернулся к традиционным климатическим стереотипам о России. Предпоследний – 28-й – бюллетень от 11 ноября начинался с погодной сводки, написанной характерными для Наполеона краткими фразами: «Погода была хорошей до шестого числа (ноября. – *Н. П.*), но седьмого началась зима, землю покрыл снег. Дороги стали очень скользкими и труднопроходимыми для тягловых лошадей. Мы много их потеряли от холода и усталости. Ночные бивуаки им сильно повредили»⁵. Более точных потерь от наступивших холодов не последовало, так же как не сообщалось о том, насколько тяжело изменение погоды сказалось на людях. Далее следовали краткие сводки о столкновениях, имевших место после Малоярославецкого сражения на разных направлениях, которые должны были убедить читателя в успешности действий французского командования. В заключение сообщалось о том, что император пребывает в наилучшем здравии, таким образом опровергались различные слухи о недомогании Наполеона, которые могли циркулировать в обществе из-за долгого

Ibid. № 278.

² Ibid.

³ Ibid. № 231, 234, 249, 255.

⁴ Ibid. № 302.

⁵ Ibid. № 322.

перерыва между бюллетенями: предыдущее сообщение датировалось 27 октября.

В последнем бюллетене о кампании 1812 г., где сообщалось о катастрофическом отступлении французов из России, император утверждал, что именно неожиданные и очень суровые холода стали главной причиной неудачи Великой армии в России. Позднее, находясь в ссылке на о. Святая Елена и описывая причины неудачи русской кампании, Наполеон опять ссылался на тяжелые погодные условия и, таким образом, стал основоположником теории, согласно которой именно природные стихии победили французскую армию в 1812 г. В мемуарах участников похода такая точка зрения получила дальнейшее развитие¹.

В эпоху Просвещения утвердилась традиция оценивать мощь государства в зависимости от численности населения. Этому фактору в развитии Российского государства уделяли большое внимание многие философы XVIII в. Европейские путешественники, побывавшие в России в этот период, часто описывали всю территорию империи или отдельные ее районы как пустынные, что было для того времени синонимом отсталости и варварства. В период войны 1812 г. в наполеоновской Франции вновь вспомнили об этом стереотипном представлении и использовали его для создания негативного образа России. Большое внимание уровню заселенности территории врага Франции уделил Ш. Лезюр. Он утверждал, что в европейской России плотность населения составляет 405 человек на квадратную милю, тогда как во Франции, Англии и Австрии этот показатель в 5–6 раз выше². И это в самой заселенной и экономически развитой части империи Александра I. Дамаз приводил сходные данные о плотности населения: 119 жителей на квадратную милю во всей России, более 2600 – во Франции³; для Европейской части Российской империи автор приводит показатель 421 человек на квадратную милю⁴. Такая низкая плотность населения должна была свидетельствовать о невысоком уровне цивилизации в стране. Этнический состав населения также подтверждал тезис об отстало-

Подробнее см. Часть 2, Глава 5, параграф 2 настоящего издания.

² *Lesur Ch. L. Des progres de la puissance Russe*. P. 379. информация дается со ссылкой на: *Storch H. Tableau historique et statistique de l'empire Russe*. Trad. franç. P., 1800. Немецкий вариант этой книги выходил несколькими изданиями: *Storch H. Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen*. Riga, 1795; *Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs*. Riga, 1797–1803.

³ *Damaze de Raymond M. Op. cit.* Т. 1. P. V.

⁴ *Ibid.* P. 272.

сти России. Все народы империи, а их Лезюр насчитывал более 80, автор разделял на четыре основные расы: славяне, финны, монголы и татары¹, названия которых традиционно служили синонимом варварства и отсталости.

С суровым климатом и пустынностью территорий традиционно связывались варварство и отсталость русских. Наполеоновская пропаганда использовала этот стереотип, при этом само слово «варварство» практически не появлялось на страницах газет до начала войны и очень редко в ходе боевых действий. Однако описания действий русских как до войны, так и во время ее совершенно определенно побуждали читателей самих вспомнить этот стереотип.

Уровень развития торговли, более всего морской и речной, а также промышленности традиционно служили важными индикаторами цивилизованности общества. «Возможно, достаточно бросить взгляд на состояние импорта и экспорта, чтобы судить об уровне цивилизации в России»². Теперь, в отличие от довоенного времени, когда нужно было подчеркивать успехи российской экономики, основное внимание уделялось ее проблемам. Российская внешняя и внутренняя торговля развиты, по мнению французских авторов, очень слабо³. Виной тому является сильное влияние Англии в развитии внешней торговли России. Такое объяснение можно признать вполне обоснованным, но приводились и эмоциональные аргументы, которые должны были показать цивилизационную отсталость России и его населения и были при этом трудно доказуемы. Так, Лезюр писал, что русские держат мало торговых судов, т. к. испытывают страх перед морскими путешествиями: «Вот почему национальных (русских. — Н. П.) судов в российских портах очень мало. Больше купцов, пересекающих пустыни, разделяющие Россию и Китай, чем проходящих через Зунд и Дарданеллы»⁴. Естественно, автор не стал уточнять, почему у российских купцов возникали сложности с проходом кораблей через Дарданеллы, поскольку гораздо проще объяснить все страхом и индивидуальными качествами россиян, чем вдаваться в подробности взаимоотношений России и Турции по поводу черноморских проливов.

Lesur Ch. L. Des progres de la puissance Russe. P. 372.

² *Ibid. P. 432.*

³ См.: *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 421–427; Moniteur Universel. 1812. № 308.*

⁴ *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe P. 422.*

Успехи промышленности в России также были поставлены под сомнение. Известный французский журналист Пеше¹ обращал внимание на то, что из России в основном экспортируется сырье, причем не всегда лучшего качества: «Русские меха менее ценны, чем американские, поскольку прибывают в меньшей сохранности из-за того, что их портят при изготовлении»². Однако ткацкие и стекольные мануфактуры по-прежнему характеризовались с положительной стороны³.

Об отсталости России должны были свидетельствовать и российские прокламации, опубликованные в *Moniteur Universel*, видимо, только в прошлом была возможна ситуация, когда политик или военный мог призывать подданных другого государства к бунту: «В Европе полагали, что прошли те времена, когда развязные демагоги публично призывали подданных другого государя взбунтоваться против законной власти», – утверждалось в ответе «баварского военного» на российскую прокламацию, обращенную к немецким контингентам и подписанную Барклаем де Толли⁴. Как можно увидеть, в данной заметке российского генерала обвиняют в обращении к политическим практикам прошлого и в нарушении ныне существующих правил ведения войны, что должно было свидетельствовать об отставании в развитии того государства, которое он представляет, т. е. России. Хотя и в прокламациях Наполеона, как уже говорилось, содержались призывы к полякам, находящимся на службе Александра I, переходить под знамена Великой армии, которая якобы боролась за независимость Польши.

Наполеоновская пропаганда довольно четко определяла и тот временной период, на который Россия отставала от европейских стран. Так, по мнению Лезюра, «русские законы эпохи Екатерины II, которые философы XVIII в. провозглашали столь мудрыми, имели следы нашего законодательства XI в.»⁵. Ссылка на устаревшее законодательство – не единственное свидетельство отсталости России, которое Лезюр приводил в своем сочинении. Через несколько страниц он замечал: «Большинство населения России на-

Пеше Жак (1758–1830) – французский публицист и литератор, работал в правительствах Калонна и Ломени де Бриенна, во время революции XVIII в. был близок к монархистам, в период Империи работал в совете по делам торговли.

² *Moniteur Universel*. 1812. № 308.

³ О том, что писали о российской промышленности на страницах *Moniteur Universel* до начала войны, см. выше.

⁴ *Moniteur Universel*. 1812. № 255.

Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 395.

ходится сейчас на том уровне развития, на котором большая часть Европы находилась в XI–XII вв., в начале эпохи освобождения от пут феодального режима»¹. С помощью подобных утверждений автор пытался противопоставить Россию Европе, притом что географические границы последней им определяются очень приблизительно. Расплывчатость формулировок легко объяснима. Если для Франции и Италии XI–XII вв. еще можно признать «началом эпохи освобождения от феодального режима», то в целом ряде германских государств и Польше крепостное право существовало еще в XVIII в. Важнейшей причиной более чем 700-летнего отставания России от Европы Лезюр называл татарское завоевание и многочисленные усобицы в русском государстве на всем протяжении его истории, а также национальный характер русских, которые в отличие от «сильных наций» не смогли «закалиться в политических и религиозных революциях» и не воспользовались своими победами и завоеваниями, чтобы продвинуться на пути цивилизации².

Российское государство описывалось авторами наполеоновской эпохи как европейское государство с азиатскими чертами. Россия включалась в географическое понятие «Европа», но вот в культурном и цивилизационном плане отделялась от нее. Российскому обществу приписывались разнообразные «азиатские» черты. В частности, несомненно восточной, азиатской чертой считались нестабильность политического правления и частая смена правительства. Поэтому Лезюр сравнивал российские государственные перевороты именно с азиатскими: «Здесь (в России. – *Н. П.*), как не раз случалось при деспотических дворах Азии, составлялся заговор за стенами дворца, смещался правитель, нарушался порядок престолонаследия, и вся система правления рушилась за несколько часов»³. При этом автор не упомянул, что государствам Европы перевороты также не были чужды, и в самой Франции на протяжении веков неоднократно составлялись заговоры с целью свержения монархов или первых министров короля, не говоря уже о том, что и Бонапарт в 1799 г. пришел к власти в результате переворота. Признавал Лезюр нестабильность и политического режима Англии: «Несколько лордов, встретившись в лондонской таверне с лидерами народной партии могут принять решение о падении кабинета»⁴. Но назвать британское политическое устройство «азиатским» он все же не рискнул.

Ibid. P. 433.

² Ibid. P. 457.

³ Ibid. P. 384.

⁴ Ibid. P. 463.

Еще одной важной чертой российского общества, также скорее «азиатской», чем европейской, считалось подчиненное, «рабское» положение большинства населения страны. Необходимо отметить, что во многих работах о России, написанных в предыдущие столетия, европейские авторы упоминали крепостное право как одну из важнейших характеристик российского общества, однако именно после Французской революции XVIII в. зависимому положению крестьян стало уделяться столь много внимания.

«Рабское» положение, по уверениям Лезюра, характерное почти для 90 % населения России¹, является большой помехой на пути цивилизации страны. «Рабство», которое противно человеческим правам и религии², «парализует мощь нации, также как и развращает мораль отдельных людей», что, в свою очередь, «мешает развиваться сельскому хозяйству, промышленности и военному искусству»³. Оно консервирует варварские черты российского общества, и правительство во многом вынуждено управлять страной с таким населением деспотически. Подобная организация общества представляет угрозу европейской цивилизации, т. к. если правительству удастся подготовить хороших офицеров, а это, безусловно, усилит нынешнюю российскую армию, «оно сумеет возродить ужас тех нашествий, которые разрушили римскую империю»⁴. Таким образом, на страницах газет и в пропагандистских памфлетах война против России обретала характер превентивной и спасительной для всех европейцев кампании. Поход должен был предотвратить возможное будущее усиление России, которое несло потенциальную угрозу всему континенту.

Не осталась в стороне и роль религии и церкви в жизни российского общества. Но в этих описаниях авторы наполеоновского времени ничего нового не придумали и практически полностью воспроизвели прежние стереотипы. Так, по мнению Лезюра, русские больше внимание уделяли мелочам, обрядовой стороне веры, что превращало христианскую религию в идолопоклонство. «Греческая религия, придя в Россию, дополнилась таким количеством суеверий, что стала настоящим идолопоклонством... Крестные знамения, постоянные падания ниц, строгие посты заменили для них добрые дела. Бога для них больше не существовало, а все их рвение было обращено к св. Николаю, изображение которого было в каждом доме. И это

Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 388 и 451.

² *Moniteur Universel. 1812. № 220.*

Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe P. 395–396.

⁴ *Ibid. P. 459.*

был единственный объект их поклонения и почитания»¹. В результате из-за распространения суеверий, искаживших религию, а также из-за невежества и порочности низшего духовенства на российское население христианская религия не оказала такого благотворного влияния, как на другие народы. При этом важно подчеркнуть, что Лезюр видел причину отсутствия положительного воздействия религии на общество именно в ее искажении, а не в различиях между православием и католицизмом². В этом он во многом повторял выводы авторов эпохи Просвещения, которые также полагали различия в вере между Россией и остальной Европой несущественными. При этом Лезюр считал, что такое положение церкви в стране является отрицательным фактором для ее развития, т. к. не способствует продвижению страны по пути цивилизации. И в этом отношении его сочинение приближается к оценкам, которые спустя тридцать лет даст А. де Кюстин, который утверждал, что именно выбор православного вероисповедания во многом предопределил отставание России от западноевропейской цивилизации.

Важной причиной сохранения России в варварском состоянии, по мнению Лезюра, был низкий уровень, а точнее полное отсутствие религиозного образования в стране. По его словам, немногие служители культа умеют прочесть Евангелие на родном языке³. Не лучше обстоят дела и в области светского обучения: «Существует лишь несколько университетов и гимназий в главных городах и в них недостаточно русских преподавателей, и при этом образование практически полностью запрещено для самого многочисленного класса населения». И тут Лезюр неточен, т. к. в соответствии с реформой народного просвещения, начатой Александром I в 1803 г., как раз была создана внесловная образовательная система, в которой отсутствовали формальные сословные ограничения на получение образования крестьянами и беднейшими горожанами. Кроме того, были приняты некоторые меры, которые помогали проходить обучение тем, кто не имел на это достаточно средств.

Лезюр подверг критике также и распространенное в то время в России домашнее образование. По словам автора памфлета, в учителя молодым дворянам часто берут человека, не имеющего никакого отношения к образованию, при этом наниматели даже не выясняют, кем он был на родине⁴. Такое описание педагога очень напоминает

Ibid. P. 89–90.

² Ibid. P. 435.

³ Ibid. P. 438.

⁴ Ibid. P. 438.

знаменитого месье Бопре из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, хотя, по мнению современных исследователей, положение с домашним образованием далеко не всегда было столь плачевным¹.

Азиатские черты, которые французские авторы находили в российском обществе: заговоры, тираническая власть и всеобщее подчинение вышестоящим и, как следствие, рабское положение всех слоев населения, делали Российскую империю в глазах европейцев «не совсем Европой». Позже за подобными государствами закрепится название «Восточная Европа», пока же на всех ментальных картах Россия – это север. «Азиатские» черты французские авторы находят во всех слоях российского общества. Очень показательна в этом отношении оговорка Лезюра, которую он допустил при описании российского дворянства. «Их блеск, их роскошь, их безмерная расточительность, напоминает Лукулла из Древнего Рима, а в большей степени – сатрапов востока. И не столько в их кажущемся величии, сколько в тех пороках, которые их унижают»². Эта поправка весьма симптоматична. Российскому дворянству не следовало иметь сходство с древнеримской аристократией (Лукулл), т. к. Рим – это прошлое просвещенной Европы. Поэтому российская знать помещается в азиатский контекст путем сравнения с персидскими сатрапами. Кроме того, такое сравнение должно было породить и еще одну ассоциацию: как древняя Персия когда-то пала под натиском просвещенных греков, так и теперь Россия должна быть побеждена просвещенными французами.

Жестокость и варварство русских, по мнению французских авторов, это их национальная черта, проистекающая из-за нехватки образования, непонимания собственных экономических выгод, а также из-за боязни развивать науки и искусства³. Помещики, которые осознают свою выгоду, смягчают положение собственных крестьян. в основном же крестьяне остаются в полной зависимости от их хозяина и его характера⁴. Но большинство российских дворян, видимо, еще недостаточно цивилизованно, поэтому на «Генеральных штатах» (так в XVIII в. европейские авторы еще часто называли

См., например, *Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 318–329; Чудинов А. В. Французские гувернеры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность // Там же. С. 330–340.*

² *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe P. 442–443.*

³ *Moniteur Universel. 1812. № 325.*

⁴ *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 389.*

Уложенную комиссию), которые Екатерина II созывала в том числе для решения крестьянского вопроса, дворяне открыто заявили, что зарежут того, кто первым выступит с предложением освободить крестьян¹.

Важнейшим доказательством того, что русские являются современными варварами, должно было стать сожжение ими собственных городов и деревень и в первую очередь Москвы. При этом французская пропаганда допускала, что все факты уничтожения собственных городов являются частью стратегического плана войны, но такой план могли придумать и реализовать только варвары, незнакомые с современными правилами войны, принятыми среди цивилизованных народов. Кроме того, подобные меры, как утверждала пропаганда, были неэффективны. Так, разрушение мостов и сожжение пригородов Смоленска задержало продвижение французов лишь на один час². Трудно сказать, на какое время в действительности сожжение мостов задержало наступление французов, однако в целом в ходе боев за Смоленск Наполеон не достиг своей стратегической цели: русская армия не вступила в генеральное сражение и не была разбита. Война затягивалась.

Одновременно в бюллетенях Великой армии Наполеон пытался доказать, что Россия теряла больше от таких действий, чем французская армия. В сообщениях подчеркивалась значимость уничтожаемых городов. «Смоленск можно назвать одним из красивейших городов России. Здесь были большие запасы колониальных товаров и различного продовольствия. Земли вокруг Смоленска очень плодородны и могут предоставить многочисленные ресурсы (для армии. — *Н. П.*)». В том же сообщении подчеркивалась и символическая значимость этого города для России: «Собор Смоленска является одной из наиболее важных греческих церквей России»³. В следующем бюллетене, опубликованном через шесть дней, значение этого города для России было подчеркнуто еще раз: «Взятие Смоленска, кажется, имеет пагубные последствия для русского духа. Смоленск называют ключом от Москвы, так говорят крестьяне»⁴. Действительно, в русской армии Смоленск считали первым русским городом, до которого докатилась война, до этого боевые действия шли на так называемой польской территории. Оставление Смоленска было очень болезнен-

Ibid. P. 393.

² Moniteur Universel. 1812. № 255.

³ Ibid. № 249.

⁴ Ibid. № 255.

но воспринято в армии и обществе и послужило, в частности, поводом для обвинений Барклая де Толли в измене¹.

Московский пожар вызвал очень бурную реакцию во французской прессе. За полтора месяца, которые прошли от вступления Великой армии в Москву до полной эвакуации ее из города, сюжет с пожаром возникал на страницах *Moniteur Universel* девять раз, из них шесть раз – в бюллетенях Великой армии². Наполеону было очень важно показать, что его армия непричастна к уничтожению города, что русские сами сожгли его. В бюллетенях, а также частной переписке с Марией-Луизой он постоянно пишет о поджигателях, которые действовали по приказу московского губернатора Ф. В. Ростопчина. Французская пропаганда возложила всю ответственность за пожар на градоначальника, в отличие от многих военнослужащих – очевидцев пожара, которые считали виновным также и Александра I³. Французская пресса, напротив, ни разу не упомянула о возможной причастности российского императора к сожжению Москвы. Сделано это было исключительно из тактических соображений: образ монарха, пусть даже и вражеского государства, должен оставаться незапятнанным. Российский император может ошибаться, но он не должен предстать на страницах газет или официальной переписки варваром, т.к. это косвенно бросает тень и на императора французов, ведь заключать мир с варваром совсем не так почетно, а именно скорейшее замирение было целью Наполеона в этой войне.

Но если Александр – фигура неприкосновенная, то его сановники отнюдь не обладали подобным иммунитетом. На страницах бюллетеней московский губернатор, главный виновник пожара по версии французской пропаганды, предстает не вполне нормальным человеком. В *Moniteur Universel* были опубликованы некоторые из знаменитых «афишек» Ростопчина, в которых он в том числе призывал москвичей подняться всем миром и идти на защиту города, вооружившись образом Пресвятой Богородицы и 150 пушками, чтобы вместе встретить свой конец, защищая Москву⁴. Подобные призывы к безоружным горожанам должны были продемонстрировать религиозный фанатизм губернатора, а это качество считалось отрицательным во

Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 г. С. 309.

² См.: *Moniteur Universel*. 1812. № 277, 278, 281, 284, 288, 293, 296, 302, 308, 321.

³ Об этом см.: Земцов В. Н. Наполеон в Москве (Наполеон, его солдаты и Россия). С. 207–209.

⁴ *Moniteur Universel*. 1812. № 281.

французском общественном мнении начала XIX в. Другим доказательством безумия московского губернатора должен был стать сюжет с сожжением им собственного подмосковного имения в селе Воронове. Заметка об этом была включена в 23-й бюллетень Великой армии. Это сообщение должно было создавать у читателей впечатление, что Ростопчина в его безумных действиях не поддержали даже собственные крестьяне, которые вскоре после сожжения села вернулись на пепелище. Другие дворяне также не стали сжигать свои подмосковные имения¹.

Очень часто на страницах *Moniteur Universel* вместе с темой пожара возникал и сюжет с брошенными ранеными, подтверждавший представления о русских как о варварах. Накануне оставления Москвы в госпиталях города находилось довольно большое количество раненых солдат. Тех из них, кого невозможно было транспортировать из-за тяжести ранения, по обычаю того времени оставили на попечение неприятеля². Согласно данным А. П. Ермолова и Ф. В. Ростопчина, к моменту эвакуации в городе находилось около 22 тысяч больных и раненых, которых собрали здесь по приказу М. И. Кутузова³. Когда стало известно, что русская армия покидает Москву, раненые попытались покинуть город самостоятельно, т. к. ни армейское командование, ни городское управление не предоставило им транспорта. Современные специалисты по-разному оценивают численность оставшихся в Москве раненых: так, А. А. Смирнов полагает, что оставлено было примерно 7 тысяч человек⁴, Н. А. Троицкий, в свою очередь, пишет о 2–15 тысячах⁵, В. Н. Земцов – о 10 тысячах⁶. При этом надо учитывать, что далеко не все из них погибли в огне пожара, т. к. часть госпиталей не была затронута огнем, часть раненых была уведена французской армией в качестве пленных, некоторое количество их было обнаружено русской армией в Москве после ее освобождения⁷.

Ibid. № 302.

² Французы, когда в свою очередь оставляли Москву, поступили точно также, оставив в городе своих раненых, которых нельзя было эвакуировать.

³ Записки А. П. Ермолова. Ч. 1. М., 1865. С. 214.

⁴ Смирнов А. А. Так сколько же их было? (Об оставленных в Москве раненых) // Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2000. С. 104.

⁵ Троицкий Н. А. 1812 – Великий год России. М., 1989. С. 336–337.

⁶ Земцов В. Н. Битва при Москве-реке: армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2001. С. 37.

⁷ Смирнов А. А. Так сколько же их было? С. 110.

Французская пропаганда, как всегда, преувеличивала потери противника, заявляя о 30 тысячах погибших в огне¹. При этом читателю давали понять, что Ростопчин давно задумал этот пожар: он заранее эвакуировал из города всех пожарных и «огнегасительный» инвентарь, подготовил поджигателей, и в этом фанатичном желании его не остановило даже большое количество собственных солдат, которые неминуемо должны были погибнуть в огне.

В XVIII – начале XIX в. воюющие стороны нередко оставляли своих раненых на попечение противника, т. к. транспортировать большое число раненых было затруднительно и могло оказаться губительным для армии. В русской и французской армиях в 1812 г. медицинские службы, по сути, только начинали формироваться, и численность медицинского персонала оказалась явно недостаточной для столь кровопролитной войны. В российской армии в большинстве полков по штату полагалось 2–3 лекаря и столько же фельдшеров, но на практике многие из этих должностей оставались незаняты, справиться с помощью имевшегося персонала с огромным числом раненых после Бородинского сражения было просто невозможно. Сказывалась и острая нехватка медикаментов. В Великой армии медицинская служба была более структурирована и имела более заполненные штаты, но и им не хватало медикаментов, дополнительные сложности создавали большие расстояния, на которых шли боевые действия, из-за чего французские раненые нередко оставались без помощи.

В период отступления Великой армии французские раненые также нередко оставались на милость наступавших русских войск. Часто это происходило просто явочным порядком, без специальных писем с просьбой присмотреть за ранеными, как это было принято в то время. Об этом явлении газеты и бюллетени обычно не упоминали. Конечно же, в прессе не упомянули о том, что в конце кампании командование Великой армии оставило в Вильно не менее 14 тысяч раненых, обессиленных и голодных солдат, понимая, что и русская армия, скорее всего, не сможет их содержать, т. к. все окрестности города были разорены двумя воюющими армиями.

В середине октября *Moniteur Universel* в подтверждение собственной точки зрения относительно Московского пожара перепечатал небольшую заметку из английской газеты *The Statesman*, где пожар назывался безумным, варварским актом, который никогда не совершили бы представители цивилизованных народов. Английская газета упомянула и факт оставления раненых в городе, предназначенном

Moniteur Universel. 1812. № 278.

к уничтожению, сравнивая поступок Ростопчина с действиями Суворова в Измаиле и Праге¹. Подобное сравнение восстанавливало в памяти европейцев, ставшие уже стереотипными, картины русского варварства, которые в устах союзников России должны были звучать особенно убедительно. Не случайно и сравнение московского губернатора с Суворовым, который традиционно был символом жестокости и варварства русских. В другой раз Ростопчина назвали русским Маратом, чтобы подчеркнуть его жестокость по отношению к собственному народу².

Перед тем как оставить Москву, Наполеон принял решение взорвать Кремль, чтобы довершить то, что начал Ростопчин. Но при этом император французов хотел показать отличие варвара от цивилизованного человека. Поэтому он приказал взорвать только Кремль – древнюю цитадель, являющуюся символом России, чтобы нанести, таким образом, ущерб российскому государству, но якобы отверг предложение об уничтожении всех оставшихся в городе домов, а также всех деревень на 20 лье вокруг города. Сделал он это, как утверждал *Moniteur Universel*, из чувства жалости к местному населению, которое и без того оставлено в нищете в результате действий «русского Марата»³. Таким образом, Наполеон попытался еще раз подчеркнуть, что небольшая часть российской элиты своими неразумными действиями, вызванными непониманием пользы собственного государства, приносит огромный вред всем жителям России.

Наполеон пытался доказать, что главная цель московского пожара не была достигнута. Французская армия практически не пострадала и припасов в городе осталось достаточно для долгой зимы⁴. Да и сама задумка губернатора – уничтожить Великую армию в огне горящей столицы – была изначально неосуществима. Французская пропаганда приписывала Ростопчину и другой, еще более фантастический план – уничтожение Великой армии с помощью «адской машины» на воздушном шаре, найденной в пригороде Москвы в селе Воронцово⁵. На самом деле работы по созданию этого летательного аппарата, который должен был забросать армию неприятеля разрывными снарядами с воздуха, изобретатель Франц Леппих проводил по личному указанию Алекснадра I.

Ibid. № 293.

² Ibid. № 321.

³ Ibid. № 321.

⁴ Ibid. № 278.

В литературе за этой машиной закрепилось название воздушного шара Леппиха.

Во всех сообщениях о пожаре подчеркивалось значение Москвы в хозяйственной жизни страны и экономические последствия пожара: «Москва столь же велика, как и Париж. Город очень богат, здесь множество дворцов высшей знати империи», – гласил 19-й бюллетень Великой армии от 16 сентября¹. В 20-м бюллетене, написанном уже на следующий день, когда стал ясен масштаб пожара и возможных потерь для города, император французов сосредоточил внимание читателей на том значении, которое Москва имела для экономики всего государства. При этом Бонапарт не жалел эпитетов при описании богатства и красоты города, чтобы показать масштаб потерь и уровень варварства того, кто это сделал. «Москва – кладовая Европы и Азии, здесь огромные магазины и все дома содержат запасы на восемь месяцев. Москва – один из прекраснейших и богатейших городов мира... Неисчислим ущерб для России, для ее торговли, ее знати, которая оставила здесь все. Потери исчисляются многими миллиардами»² Явное преувеличение суммы ущерба должно было служить для усиления эффекта.

В следующем бюллетене, выпущенном 20 сентября, когда пожар практически закончился, были сделаны выводы о потерях всей российской экономики: «Пожар закончился (в городе. – Н. П.), осталась едва четверть всех зданий. Мануфактуры, начинавшие процветать в Москве, уничтожены. Московский пожар отбросил Россию на 100 лет назад»³. Таким образом, Россия, если верить бюллетеню, вернулась едва ли не в допетровскую эпоху. Этот пожар перечеркнул все достижения России за последнее столетие. Риторика бюллетеней была подхвачена журналистами *Moniteur Universel*, и в рецензии на книгу Дамаза Жак Пеше писал: «Пожар Москвы разрушил одну из красивейших столиц мира, что на столетие отбросит искусства и промышленность империи». В следующем абзаце автор статьи отмечал, что Россия едва столетие идет по пути цивилизации⁴, следовательно, этот пожар вернул всю страну в эпоху варварства.

В период подготовки кампании против России, так же, как и во время самой войны, французская пропаганда конструировала образ России, используя для этого стереотипы, созданные в предыдущие

Moniteur Universel. 1812. № 277.

² Ibid. № 278.

³ Ibid. № 281.

⁴ Ibid. № 284.

эпохи, но одновременно и оспаривая некоторые из них. Император французов пытался тем самым оправдать необходимость войны, а саму Россию представить в качестве общеевропейского врага, чье усиление на протяжении последнего столетия несло угрозу Европе.

За время, пока Франция и ее союзники готовились к войне, не было опубликовано ни одного антироссийского документа, ни одной газетной статьи или какого-нибудь более крупного сочинения открыто антироссийской направленности, т. к. Наполеон не хотел, чтобы его считали виновником конфликта. Однако французское общественное мнение постепенно подводило к пониманию того, что Россия не является подлинным союзником Франции и война с ней неизбежна. Для этого в прессе публиковались различные материалы, которые должны были продемонстрировать читателям нарастающую мощь Российской империи и, в первую очередь, – развитие ее экономики, а следовательно, и потенциальную угрозу с ее стороны по отношению к Франции. Одновременно подобные статьи должны были в будущем стать основой для обвинений России в недальновидности, т. к. все эти успехи, явно или опосредованно, связывались французскими журналистами с соблюдением Россией Континентальной блокады. Поэтому, когда война началась, российское правительство стали обвинять в политической близорукости, т. к. восстановление торговых отношений с Англией, по мнению французских журналистов и памфлетистов, наносило ущерб самой России.

С началом кампании риторика в отношении Российской империи изменилась. В газетах начали весьма активно публиковать антироссийские статьи, и уже в ходе конфликта было выпущено два пространных сочинения о России. В первых же сообщениях об объявлении войны бывшего союзника стали обвинять в несоблюдении условий Континентальной блокады, что, как считали французские авторы, противоречило интересам самой России. В нарушениях Россией своих обязательств по Тильзитскому договору видели происки Британии, которая единственная была заинтересована в сохранении нынешнего полуварварского положения державы Александра I. В связи с этим одной из заявляемых целей войны стало возвращение Российской империи на путь «правильного» развития, что означало также и возвращение ее в лоно европейской цивилизации.

Эти пропагандистские усилия имели конечной целью сплочение европейского континента против внешних врагов. Для Наполеона на протяжении всей его карьеры главным внешним врагом была

Англия¹, но поскольку до нее было трудно добраться, чтобы нанести ей поражение военным путем, врагом объявляли того континентального союзника Великобритании, против которого воевать было удобнее. Поэтому в 1812 г. врагом номер один для Европы стала Россия. Ее стали изображать как главную угрозу мирному развитию европейских государств. Для укрепления этой точки зрения в общеевропейском и в первую очередь во французском общественном мнении очень удобным оказалось использовать некоторые из тех стереотипов о Российской империи, которые получили распространение в предыдущие эпохи. При этом французские авторы пользовались почти исключительно отрицательными характеристиками. На страницах их произведений Россия представляла отсталой варварской страной, угрожавшей всем соседям и стремившейся поработить окружающие страны. «Русский мираж», созданный в эпоху Просвещения, оказался забыт. Время правления Екатерины II описывалось, скорее, в рамках тех трактовок, которые были выработаны в период Французской революции XVIII в., хотя и признавалось по-прежнему одним из самых успешных в российской истории².

Усилия наполеоновской пропаганды в этом направлении оказались достаточно успешны, поскольку соответствующие идеи и риторика в отношении России пережили империю Наполеона. Уже когда он был повержен, и великие державы собрались для обсуждения судеб Европы, Россия вновь стала для некоторых из них политическим противником. На Венском конгрессе английский представитель лорд Каслри в меморандуме от 12 октября 1814 г. пытался изобразить Россию европейским пугалом: «План русского императора присоединить герцогство Варшавское... распространил волнение и ужас при дворах австрийском и прусском, наполнил страхом все государства Европы... Россия, уже увеличенная Финляндией, Бесарабией, землями персидскими, стремится на запад, в сердце Германии»³. В состав недовольных расширением России в Европе Каслри включил даже Пруссию, которая единственная на Венском конгрессе поддерживала притязания России, о чем он должен был

Парсамов В. С. Священный союз Александра I: на перекрестке войны и мира // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. М., 2005. С. 93.

² *Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russe. P. 214.*

³ Цит. по: *Троицкий Н. А. Александр I и Венский конгресс // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Право. Международные отношения. Саратов, 2005. Т. 5. Вып. 1/2. С. 7–8.*

знать лучше, чем кто бы то ни было. Однако ему для усиления эффекта было необходимо подчеркнуть это противостояние России и всей остальной Европы.

В ходе кампании уже имевшийся у французского общественного мнения образ России использовался в пропагандистских целях, отдельные элементы его подвергались порою определенной коррекции со стороны властей для достижения сиюминутных целей. На протяжении большей части кампании император старался доказать европейскому общественному мнению, что климат в России не столь суров, как об этом привыкли думать. Таким образом, Наполеон надеялся успокоить население Франции и союзных государств относительно судьбы солдат, отправленных на эту войну. Аналогично наполеоновская пропаганда пыталась опровергнуть представление о бедности России. Для этого Наполеон постоянно писал в бюллетенях о хорошей погоде и отличном снабжении армии. Но в конце кампании, когда поражение французов стало очевидным, император возродил прежние стереотипы и фактически назвал российский климат главным виновником своего поражения. Другие же традиционные представления о России, такие как варварство населения, использовались в пропагандистских сочинениях эпохи 1812 г. для оправдания войны и корректировке не подвергались.

Часть II

ВОЙНА 1812 г. В МЕМУАРАХ И ПИСЬМАХ СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ АРМИИ. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Наполеоновская пропаганда оказала большое влияние на формирование образа России во время похода 1812 г. Другим важным источником формирования этого образа одновременно с происходящими событиями стали письма участников кампании из армии во Францию своим родственникам, друзьям или знакомым. Впервые в России оказалось так много французов из самых разных слоев общества (по оценкам современных историков, до 300 тысяч), и многие из них старались поделиться своими личными впечатлениями о далекой стране, в которой они оказались. После завершения Наполеоновских войн многие из участников похода решили опубликовать воспоминания об этой эпохе и в том числе о событиях 1812 г. Уникальность кампании в ее влияние на судьбу Первой империи и лично Наполеона побуждали к написанию многочисленных сочинений о ней. К мемуарам можно отнести также работы Ф. П. Сегюра и А. де Коленкура, заявленные авторами как исторические исследования. Популярность темы стимулировала появление и подложных сочинений, каковыми, например, являются «Мемуары сержанта Р. Гийемара»¹, написанные на самом деле Ш. О. Барбару и А. Лардье, не участвовавшими в войне 1812 г.² Многие произведения подобного рода переводились на другие европейские языки и неоднократно переиздавались. После пропагандистских материалов и частных писем мемуары стали третьим по времени создания, но не менее важным для французов комплексом материалов о кампании 1812 г. и о России вообще.

Mémoires de Robert Guillemard, Sergent en retraite: suivis de documents historiques, la plupart inédits, de 1805 à 1823. P., 1826. Т. 1–2.

² Подробнее о «Мемуарах Гийемара» см.: *Земцов В. Н.* Необычайные и удивительные приключения Робера Гийемара, сержанта 9-го линейного полка, или пленные французы в уральской глуши в 1812–1814 гг. // Уральский исторический вестник. 2008. № 1 (18). С. 116–125.

Глава 1. Письма и мемуары солдат Великой армии как источники формирования образа России

Частные письма являлись в начале XIX в. важным источником знаний об окружающем мире для представителей самых разных слоев общества. В период военных действий именно из писем можно было узнать о судьбе своего родственника или знакомого, т. к. официальные бюллетени редко упоминали даже имена героев, не говоря о погибших и раненых. Во Франции начала XIX в. было еще распространено коллективное чтение писем, поэтому многие послания солдат и офицеров были фактически адресованы всей семье, хотя на лицевой стороне и могло стоять имя какого-то одного члена семьи¹. Выбор того, кто указывался в качестве адресата (мать, отец, жена или кто-то из братьев и сестер), скорее всего, зависел от традиций конкретной семьи, кому поручалось вести переписку. Иногда письма с театра военных действий могли иметь и более широкий круг читателей – вплоть до целой деревни или тех семей этой деревни, выходцы из которой служили в одном полку². В наполеоновскую эпоху грамотными были еще далеко не все жители Франции, поэтому иногда письма были адресованы местному кюре, как наиболее доверенному лицу³. Содействовала сохранению традиции коллективного чтения также и неаккуратность в работе почтовой службы, которая нередко теряла корреспонденцию или доставляла ее с большими (до нескольких месяцев) задержками, поэтому каждый получивший письмо старался поделиться новостями со всеми, чьи родственники и знакомые находились в армии.

Письма представителей высшего общества также часто читались не одним человеком, т. к. в послании могли содержаться вставные куски, адресованные тому или иному родственнику либо знакомому. Кроме того, многие авторы упоминали всех знакомых сослуживцев, о ком они имели сведения, чтобы проинформировать их родственников и знакомых. Содержание и эмоциональный фон письма нередко зависели от того, в каких именно родственных или дружеских связях находились автор и адресат письма. Письма одного и того же автора жене, знакомой или возлюбленной, с которой он не состоял в браке, матери и отцу, детям и друзьям заметно отличаются по количеству

La Correspondance. Les usages de la lettre au XIXe siècle / Sous la dir. de Roger Chartier. P.: Fayard, 1991. P. 288.

² Ibid. P. 288.

³ См., например, письмо солдата Маршала кюре г-ну Тюнье: *Lettres interceptées par les Russes*. P. 34.

используемых эпитетов, подробности изложения тех или иных событий. Подобные отличия хорошо видны на примере переписки А. Бейля, некоторых других военных, в которой сохранились близкие по датам письма или даже датированные одним и тем же днем. Сравнение писем одного автора разным адресатам дает дополнительный материал для выявления процесса формирования образа России.

В ходе войны 1812 г. русские войска нередко перехватывали почтовые кареты Великой армии и императорские эстафеты. Такая почта сохранялась и доставлялась в особую комиссию, возглавлявшуюся А. А. Аракчеевым. Наиболее интересные, с точки зрения министра, письма переводились и отправлялись Александру I для ознакомления¹. Перевод делался, скорее, для удобства чтения, т. к. почерк солдат и офицеров, а особенно представителей высшего командования, часто был труден для чтения, перевод и переписывание депеш писарским почерком делали их более удобочитаемыми. В настоящий момент значительные комплексы перехваченной корреспонденции Великой армии хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и в Российском государственном архиве древних актов². Значительная часть этой коллекции была опубликована на французском языке в начале XX в. директором Государственного архива иностранных дел С. М. Горяиновым³. Публикация была приурочена к столетию Отечественной войны 1812 г., и в рамках подготовки к юбилею была проведена большая работа по расшифровке писем, а также идентификации авторов и упомянутых в корреспонденции лиц. Примерно тогда же часть перехваченной корреспонденции вместе с некоторыми письмами из архивохранилищ Франции была издана французским историком Артюром Шюке⁴. Его подборка включала как отдельные письма из сборника Горяинова, так и ранее не публиковавшиеся документы. В преддверии столетнего юбилея кампании 1812 г. письма из Российского императорского архива переводились и печатались в отечественной периодике⁵. В начале XXI в. небольшая подборка пе-

Русская старина. Т. 131. 1907. Сентябрь. С. 459–478.

² ОР РГБ. Ф. 41. Карт. 165. Ед. хр. 25–26; РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. № 239–243, 245–267, 269.

³ *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812* / Publ. par S. E. M. Goriaïnow. P., 1913.

⁴ *Chuquet A. 1812. La guerre de Russie*. P., 1912. Т. 1–3.

См., например: К истории 1812 г. Сообщение Н. Затворницкого // Русская старина. Т. 131. 1907. Сентябрь. С. 459–478; и продолжение публикации:

рехваченных писем была опубликована автором этих строк¹. В преддверии 200-летнего юбилея кампании 1812 г. была подготовлена большая публикация этого же комплекса писем на русском языке². Однако ценность этой большой работы несколько снижена некоторой небрежностью ее подготовки. Так, не очень удобной является компоновка публикуемых писем – в соответствии с архивными фондами, а не по хронологии, в результате упоминания об одних и тех же событиях разбросаны по всему тексту книги. Остались неучтенными многие атрибуты из публикации С. М. Горяинова, что иногда может ввести в заблуждение читателя. В раздел, посвященный генералу П. Дарю, включены письма интендантского чиновника А. М. Бейля, будущего писателя Стендаля³. Они не раз включались в собрания сочинений и писем писателя на русском и французском языках, и потому их публикация с любой другой атрибуцией или совсем без таковой требует как минимум специального комментария.

Наибольшее число перехваченных писем солдат армии Наполеона датируется периодом с начала сентября до середины ноября 1812 г., то есть с момента вступления в Москву и до ухода главных сил Великой армии из Смоленска. Именно тогда в тылу французов активно действовали летучие отряды русской армии, не раз прерывавшие коммуникационную линию неприятеля. К более раннему периоду относится небольшое число документов, изъятых по всей видимости у пленных или убитых французских солдат. Корреспонденции более позднего периода в российских архивах не сохранилось, видимо, из-за того, что последние полтора месяца кампании французы находились в столь тяжелых условиях, что писать письма стало практически невозможно⁴. В публикации А. Шюке писем за период с середины ноября до конца декабря, когда остатки войск оказались в Пруссии и герцогстве Варшавском, также очень немного.

Русская старина. Т. 132. 1907. Ноябрь. С. 305–318; 1907. Декабрь. С. 563–575.

¹ *Промыслов Н. В.* Отступление Великой армии от Москвы до Смоленска в письмах ее солдат. Публикация документов: Письма военнослужащих Великой армии (октябрь–ноябрь 1812 г.) // Французский ежегодник 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М., 2010. С. 312–376.

² *Петерс Т. П.* С полей сражений 1812–1815 гг.: трофейные письма маршалов, генералов, чинов Великой армии императора Наполеона I и переписка генерал-лейтенанта князя Д. В. Голицына. М., 2012.

³ Там же. С. 94–97.

⁴ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 302.

В период войн написание писем становится важной потребностью участников боевых действий, поскольку позволяют сохранять их связь с домом, родными и знакомыми, узнавать важные новости как общегосударственного, так и в первую очередь семейного масштаба. Характер переписки, когда одна из сторон находится постоянно в условиях угрозы жизни и здоровью, накладывает определенный отпечаток на содержание посланий, написанных как в действующую армию, так и из нее. Способ транспортировки писем и наличие черного кабинета, про существование которого было известно, также влияли на содержательную сторону корреспонденции.

Наполеон уделял много внимания скорости передачи информации как внутри страны, так и за ее пределами, поэтому почтовая служба за время его правления была заметно усовершенствована. Внутри страны все почтовые отправления осуществлялись через общую почтовую службу (*Direction général des postes*). Воинские части, дислоцированные за пределами империи, пользовались услугами специально созданной армейской почтовой службы, которая на границе передавала все отправления общей почтовой службе. Согласно регламенту от 31 августа 1809 г., французы не должны были использовать для доставки своей корреспонденции имевшуюся на оккупированной территории местную почтовую инфраструктуру. Армейская почта создавала свои промежуточные станции с собственным персоналом. В штат каждой станции входили один обычный и один чрезвычайный курьер для доставки корреспонденции.

В целом армейская почтовая служба была жестко централизована. Почтовые канцелярии имелись в каждой дивизии, но они не могли отправлять письма напрямую во Францию, а обязаны были пересылать их в главную почтовую канцелярию при Главной императорской квартире, и только оттуда, собранная со всей Великой армии, корреспонденция транспортировалась во Францию¹. По регламенту почтовые курьеры из действующей армии должны были отправляться каждый день, что на практике соблюдалось далеко не всегда². Армейская почта подчинялась интендантской службе и потому имела возможность осуществлять переводы денежных средств³. Еще одним способом доставки писем с 1805 г. стала служба императорских эстафет, специально организованная Наполеоном для максимально быстрого сообщения с Парижем на период его отсутствия в столице.

Pigeard A. Le service de la post à la Grande Armée. Tradition magazine. N 223. 1er Empire – Restauration – 1870. Juin 2006. P. 18.

² *Pigeard A.* Dictionnaire de la Grande Armée. P., 2002. P. 478.

Tulard J. Dictionnaire Napoléon. P. 1380.

а также для связи с удаленными центрами империи. Императорская эстафета являлась частью почтовой службы и была доступна для частных лиц по тройному тарифу¹. Отправка писем почтой стоила довольно много, т. к. тарификация происходила из расчета веса отправления и расстояния до адресата, но для писем военных и отправленных в действующую армию существовала система сниженных тарифов.

На организацию сообщения между Францией и углубившейся в Россию Великой армией было затрачено немало усилий. В целом почта работала четко, а эстафеты в первую половину кампании приходили практически по часам. В то же время из-за скорости наступления и удаленности отдельных частей от Главной квартиры солдаты иногда подолгу оказывались лишены связи с домом. Так, рядовой Ж. М. Пари в письме матери, написанном 18 сентября, сообщал, что с того момента как его часть покинула свои казармы, он еще ни разу не писал домой², при этом он объяснял свое молчание скоростью передвижения войск и отсутствием почтового сообщения³. Но если проблемы связи рядового Пари с родными были вызваны более или менее преходящими обстоятельствами (а возможно, и просто нежеланием писать), то фланговые корпуса Великой армии под Ригой, Полоцком и на Волыни испытывали в данном отношении перманентные трудности. Почта туда должна была поступать через Главную квартиру, которая удалялась от них все дальше на восток. Это дало основание майору инженерной службы Мариону заявить, что его 10-й корпус, осаждавший Ригу, «полностью отрезан от общения с Францией и французами, а новости поступают только с офицерами, доставляющими приказы маршалу [Макдональду]»⁴. Хотя понятно, что возможностей для отправки личной корреспонденции у майора инженерной службы было явно больше, чем, скажем, у рядового линейного полка.

В период пребывания Великой армии в Москве начались задержки даже с доставкой императорских эстафет, с началом же отступления французов ситуация усугубилась. Участники похода отправляли

Chabron P. Quelle belle invention que la poste. P., 1991. P. 61.

² Третья пехотная дивизия Великой армии, в которую входил 12-й линейный полк, где служил Ж. М. Пари, была сформирована в апреле 1812 г. на Эльбе, откуда и начала свой путь к границам России. Таким образом, можно предположить, что к сентябрю Пари не писал матери уже около пяти месяцев.

³ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 16.

⁴ *Ibid.* P. 332.

личную корреспонденцию либо с армейской почтой, либо старались пристроить ее с императорской эстафетой. И в том, и в другом случае письма подлежали проверке военной цензуры, которую осуществлял так называемый черный кабинет, и могли из-за этого не попасть к адресату. В первую очередь вскрывались письма министров и высокопоставленных генералов¹. Даже члены императорской фамилии не освобождались от цензуры. Так, письмо королевы Гортензии к брату Евгению Богарне от 13 ноября было задержано и попало затем в архив Министерства иностранных дел².

Трудности связи с родиной после занятия французами Москвы и особенно в период отступления Великой армии были вызваны как действиями легучих отрядов русской армии на коммуникациях неприятеля, так и недостатком лошадей для почтовой службы. Находясь в Смоленске, Оноре де Ларибуазьер сообщал матери в Париж, что работа почты осложнена нехваткой лошадей, и просил не беспокоиться, если письма запаздывают³. Раздачу адресатам писем, пришедших по официальной почте, могли задерживать и по иным соображениям. Так, получив 6 ноября известия о заговоре К. Ф. Мале, Наполеон распорядился не раздавать никаких частных писем, исключения не было сделано даже для высших армейских чинов⁴. Лишь через несколько дней, убедившись в неудаче заговора, император снял запрет, и люди получили свою корреспонденцию⁵.

Как уже отмечалось, фланговые корпуса получали почту с изрядной задержкой, ибо все письма сначала доставлялись в Главную квартиру и лишь оттуда рассылались по корпусам⁶. Задержки с доставкой корреспонденции могли происходить также из-за неточного указания адреса. Если на конверте указывался номер корпуса, наименование дивизии, то почтальон мог доставить отправление в штаб соответствующего воинского соединения, тогда как в ходе боевых действий полки нередко меняли принадлежность к корпусу и дивизии в зависимости от военной обстановки. Пока армия находилась в походе к границам России, идентификация по крупным воинским

Vaillé E. Le Cabinet noir. P.: P.U.F., 1950. P. 307–308. Например, было задержано письмо генерала Э. Груши жене от 16 сентября, см.: *Lettres interceptées par les Russes*. P. 339.

² *Lettres interceptées par les Russes*. P. 345–346.

³ *Ibid.* P. 277.

⁴ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 269.

Письма солдатам были, по-видимому, розданы 8–9 ноября. Свидетельства тому см., например: РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 8, 51, 79 и др.

⁶ *Pigeard A.* Le service de la post à la Grande Armée. P. 17–18.

соединениям была достаточной, и потому капитан А. М. Дюпен предлагал отцу адресовать ему письма во вторую дивизию¹, однако после начала кампании такого указания часто уже было недостаточно. В качестве адреса на письмах в армию указывались номер корпуса, наименование дивизии и наименование или номер полка. Часто воинская часть именовалась по фамилии командующего, что могло служить дополнительным источником путаницы, ибо командиры менялись довольно часто, и некоторыми дивизиями за время кампании успели покомандовать несколько генералов². Кроме того, менялся и состав воинских соединений: полки нередко передавались из одних дивизий и корпусов в другие.

Таким образом, из-за деятельности цензуры и постоянных задержек по самым разным причинам срок доставки корреспонденции армейской почтой мог составлять несколько месяцев. Например, солдат Маршал писал 25 сентября, что всего лишь несколько дней назад получил письмо от 26 июля³, а некто Кудер сообщал жене 27 сентября, что был очень рад получить ее письмо от 12 июня⁴. Из-за подобных задержек участники похода нередко повторяли важные для них новости в нескольких письмах. Капитан Дюпен 26 декабря писал из Эльбинга отцу: «Я не знаю, получили ли вы мое последнее письмо из Москвы, в котором я сообщал, что Его Величество декретом от 5 октября наградил меня орденом Почетного Легиона»⁵.

Неудивительно, что офицеры и чиновники Великой армии искали также иные пути доставки писем на родину, помимо армейской почты. Наиболее быстрым способом передачи личной корреспонденции были императорские эстафеты. Они доходили из Парижа до Смоленска за 12 дней⁶, а до Москвы – за 14–15 с точностью до нескольких часов⁷. Адьютант маршала Бертье Альфред де Ноайль с

Du Niémen à la Bérézina: lettres et temoignages de soldats français sur la campagne de Russie / édition scientifiques par M. Roucaud et Fr. Houdecek. P., 2012. P. 53.

² Так, например, Пятой пехотной дивизией Великой армии только за время Бородинского сражения руководили четыре генерала.

³ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 34.

⁴ *Ibid.* P. 51.

Du Niémen à la Bérézina. P. 63.

⁶ Стендаль писал Ф. Фору 24 августа: «Твое письмо шло 12 дней, хотя ему пришлось преодолеть 800 миль, как и всему, что мы получаем из Парижа». *Стендаль. Собрание сочинений*: В 15 т. Т. 15. Письма. М.: Правда, 1959. С. 107.

⁷ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 184. В письме барона Луи Сопранси, полковника 7-го драгунского полка, также говорится о том, что он получает письма

гордостью сообщал жене, что его письмо она прочтет, может быть, даже раньше, чем бюллетень¹. А Генерал Брюйер, командир 1-й дивизии легкой кавалерии, писал жене из Смоленска, что отправляет письма только через императорские эстафеты². Граф М. Дюма на своих личных письмах иногда ставил рядом с адресом пометку «*par estafettes*»: видимо, непосредственной отправкой его корреспонденции занимался один из адъютантов, и эта надпись, вероятно, предназначалась для него³. Такое примечание есть на всех деловых письмах из того комплекса, который отложился в РГАДА, но в отличие от личной корреспонденции, оно могло ставиться как рядом с адресом на конверте⁴, так и в заголовке⁵.

Однако отправка корреспонденции с императорскими эстафетами имела и свои недостатки. Курьер ехал из Главной квартиры в императорскую канцелярию в Париже, соответственно, отправителю и адресату письма желательно было находиться в непосредственной близости от той или другой точки маршрута, иначе послание могло затеряться или как минимум быть отложено «в долгий ящик». По маршруту следования курьер не мог брать дополнительных писем или что-то выкладывать. Его портфель был опечатан и вскрывать печати могли только строго оговоренные должностные лица. Поэтому А. Бейль жаловался аудитору Государственного совета г-ну де Ну (Noüe), что после назначения в Смоленск, скорее всего, не будет получать никаких вестей из Франции, так как курьеры будут мчаться мимо, не оставляя ему ни единой весточки⁶. Видимо, до этого назначения будущий писатель использовал свое близкое знакомство с герцогом Дарю для ускорения доставки и получения корреспонденции. Удаление от Главной квартиры было чревато потерей доступа к курьерам эстафеты. Командир 1-й дивизии императорской гвардии генерал граф А. Ф. Делаборд писал жене 14 октября, что снова, как и 9 октября, отправляет ей письмо через эстафету и надеется, что таким способом она получит новости о нем быстрее. И далее он сообщал, что скоро выступит со своей дивизией в поход, а потому, вероятно, не сможет больше отправлять свои письма с эстафетой и про-

по эстафете через 14 дней после их написания. См.: *Lettres interceptées par les Russes*. P. 139.

¹ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 119.

² *Ibid.* P. 244.

³ Среди писем М. Дюма дочери Корнелии такая помета есть на письме (РГАДА. Ф. 30. Д. 249. Л. 5), в то время как на л. 3, 9 подобных надписей нет

⁴ Там же. Л. 26, 30, 37, 45 об., 47 об., 50, 54.

Там же. Л. 24, 25, 27, 32, 46, 51.

⁶ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 127.

сит ее не беспокоиться¹. Однако еще как минимум в Смоленске граф сумел воспользоваться таким способом отправки корреспонденции², но и это его письмо, как и ранее упомянутое от 14 октября, не дошло до адресата.

Иногда письма, поступившие с эстафетой в Главную квартиру, могли проследовать довольно причудливым маршрутом. Так, Коленкур в письме от 5 ноября к вдове маршала Ланна сообщает, что только теперь смог передать ее письмо от 11 сентября адъютанту Л. Гувиона Сен-Сира³. Можно предположить, что это послание проделало путь от Парижа до Москвы с императорской эстафетой (вдова любимого маршала императора, очевидно, имела возможность пользоваться таким способом доставки корреспонденции), где его получил Коленкур. Затем оно поехало с ним в обратном направлении, и только в Дорогобуже было передано адъютанту, который, возможно, сумел доставить его по назначению – в корпус маршала Гувиона Сен-Сира, находившийся под Полоцком на довольно большом удалении от основной армии и ее коммуникаций.

Эстафеты были ориентированы в первую очередь на передачу официальных известий из армии и личных писем императора, поэтому отправка курьера, хотя и была регламентирована, могла произойти в любой момент по устному указанию Наполеона. Поэтому важно было, чтобы до момента опечатывания портфеля письмо оказалось внутри него, иначе оно опять-таки могло затеряться. Так что для использования этого канала связи необходимо было иметь близких и надежных знакомых в Главной квартире, которые не забыли бы вложить письмо в портфель с документами для курьера. Майор императорской гвардии Луи Мишель Лефорт писал жене в Париж, что при передаче писем может доверять только адъютанту императора Луи де Нарбонну, ибо все остальные могут забыть вложить его письмо в эстафету⁴. Такими знакомствами могли похвастаться далеко не все, и те офицеры, которые не имели непосредственного отношения к Главной квартире, очень дорожили связями с офицерами наполеоновского штаба. Например, некто Жорж пишет своей жене, что к счастью нашел *способы* (выделено в оригинале. – Н. П.) для ускорения их переписки, но нужно быть осторожными и не злоупотреблять ими⁵. И даже командующий 3-м корпусом кавалерийского резерва

Ibid. P. 104–105.

² Ibid. P. 250.

³ Ibid. P. 199.

⁴ Ibid. P. 186.

Ibid. P. 62.

генерал Груши просил свою жену отправлять через эстафету лишь не очень большие письма, а для более пространной корреспонденции пользоваться обычной почтой¹.

Кроме армейской почты и эстафет, любой офицер или военный чиновник, отправлявшийся с поручением из Франции в Россию или в обратном направлении, получал от родственников и знакомых пачки писем, которые предстояло на месте раздать адресатам. При такой доставке писем можно было рассчитывать на то, что цензура их не коснется, но срок получения корреспонденции мог растянуться на неопределенное время, ибо человеку, выполнявшему функцию курьера, далеко не сразу удавалось добраться до адресата, к тому же он мог и просто забыть о чем-нибудь письме. Однако такой способ нередко все же оказывался быстрее официальной почты. В письме уже упоминавшегося Жоржа от 30 сентября читаем: «Вчера я получил сразу три твоих письма. Два – от 23 и 30 августа – через генерала Б. и одно – от 6 августа – по почте. Из этого ты можешь понять, что пересылка почтой занимает на 24 дня больше времени, чем другой способ»². Существование цензуры по отношению к письмам солдат и офицеров Великой армии дополнительно стимулировало поиск okazji для отправки личной корреспонденции. Капитан Дюпен в письме от 5 февраля 1813 г. признается, что только теперь выскажет отцу свои истинные чувства к кампании: «Это письмо было бы, без сомнения, вскрыто и отправлено в огонь при пересечении Рейна (речь идет о пересечении границы Первой империи, где происходила передача писем из военной почты в общеимперскую и, возможно, работали сотрудники черного кабинета. – *Н. П.*), но, находясь в кармане одного из моих друзей, будет доставлено без затруднений»³. Централизация системы сообщений оказалась не очень эффективна в стране таких размеров, как Россия, даже для служебной переписки на оккупированной территории. А. Бейль, получив пост начальника заготовок провианта для складов в Смоленске, предвидел затруднения в общении со своими новыми подчиненными – интендантами Могилева и Витебска, а потому советовал могилевскому коллеге, А. Л. Феске, пользоваться услугами чиновников интендантского ведомства, которые ездили каждые семь дней с донесениями из Вильно в Главную квартиру по главной транспортной артерии, которая связывала Великую армию с Литвой и как раз проходила через Могилев⁴.

Lettres interceptées par les Russes. P. 136.

² Ibid. P. 62.

³ Du Niémen à la Bérézina. P. 63.

⁴ *Стендаль*. Собрание сочинений. Т. 15. С. 120.

Поскольку официальная информация из России поступала нерегулярно, а сведения о погибших и раненых доходили и вовсе фрагментарно, нередко именно из частных писем во Франции узнавали о судьбах родственников и знакомых. Зная об этом, Коленкур специально написал 5 ноября герцогине Монтебелло, вдове маршала Ланна, о судьбе ее брата – барона Шарля Геенека, раненного под Полоцком 20 октября, и обещал при первой возможности написать ей снова, как только узнает что-нибудь-новое о его состоянии¹. Позже он также упомянул Ш. Геенека в письме своему бывшему адъютанту, а в тот момент полномочному министру при саксонском дворе барону Н. де Сент-Эниону².

Смерть полковника Александра Лебрена в окрестностях все того же Полоцка нашла отражение в семи перехваченных письмах³. В бою под Лепелем 26 октября полковник 3-го шеволежерского полка А. Лебрен был убит ядром во время одной из атак. Столь пристальное внимание к этому событию можно объяснить происхождением погибшего, который был младшим сыном Шарля Франсуа Лебрена, архиказначея Империи, и братом дивизионного генерала Анн Шарля Лебрена герцога де Плэзанса, адъютанта Наполеона. В Главной квартире узнали о произошедшем, судя по всему, только после прибытия в Смоленск. Письма, в которых рассказывается о случившемся, датированы 9–11 ноября, в то время как находившийся в Ульяновичах (также в районе Полоцка) А. де Верженн упоминает о гибели полковника Лебрена еще 4 ноября. Анн Шарль сообщал о гибели брата в трех коротких письмах: отцу, своей жене и тестю Александра, вероятно, он также написал и своему тестю – графу Ф. Барбе де Марбуа, на что намекает в послании к отцу. Интересно отметить, что он называет брата по имени только в письме к жене. Отцу же он так сообщил о случившемся: «Его больше нет. Он не пережил ранения»⁴.

Иногда во Францию писали и о судьбе родственников, проживавших в России до начала войны. Так, чиновник Государственного секретариата Жюбиналь сообщает нотариусу Куфилю в департамент Верхние Пиренеи о том, что дядя того, Ж. Б. Трассен де Виси, служивший в России учителем, был обнаружен им в списках граждан-

Lettres interceptées par les Russes. P. 199.

² Ibid. P. 291.

³ См.: письмо А. де Верженна отцу: *Lettres interceptées par les Russes*. P. 197; письма герцога Ш. де Плэзанса, брата погибшего, отцу, собственной жене, а также г-ну Берару, тестю погибшего: Ibid. P. 245–246; письмо Б. де Каstellана отцу: Ibid. P. 206; письмо Ж. Дюрока жене: Ibid. P. 274; письмо Коленкура барону Н. де Сент-Эниону: Ibid. P. 291.

⁴ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 245.

ских лиц, которым по приказу императора выделялась помощь как пострадавшим от московского пожара. Самого господина де Виси Жюбиналю повстречать не удалось, о чем он и сообщил с сожалением¹. По сведениям родственников, г-н Трассен служил учителем в Риге, но в ходе кампании оказался в Москве, поскольку иностранных подданных, и в том числе французов, депортировали из приграничных и прифронтовых районов вглубь страны. Из Москвы, видимо, он уезжать уже не захотел или не смог и остался здесь, где и встретил Великую армию. Отправился ли он с ней в отступление или остался в Москве, осталось неизвестно.

Самыми популярными темами для переписки были описания боевых действий и участие в них авторов и их знакомых. Однако никакие тяготы войны не могли заставить участников похода забыть о личных финансовых и семейных делах и даже об увлечениях. Как только удавалось выкроить немного времени для написания более или менее пространныго послания домой, такие темы сразу же появлялись на страницах писем из армии. Инспектор смотров Жозеф Делекур за всеми трудностями похода не забыл подать прошение императору о предоставлении его сыну бесплатного места в лицее, о чем и сообщал в письме к жене². Письмо к некоему Кристиану³, перешедшему в четвертый класс, видимо, от бывшего учителя целиком посвящено вопросам учебы и наставлениям⁴. Неизвестный автор в том числе требовал от своего бывшего ученика писать ему регулярно, чтобы эти письма продолжили «историю их обучения». Во время нахождения в Смоленске полковник 7-го драгунского полка барон Сопранси подробно описывал, какие переплеты необходимо заказать для его новой библиотеки, которой он решил обзавестись, при этом подбору конкретных изданий он уделял гораздо меньше внимания, чем их внешнему виду⁵.

Писали французы домой с разной периодичностью: так, в одном письме автор пенял своей дочери, что пишет ей регулярно, а в ответ за всю кампанию получил только одно письмо⁶, другой сетовал, что не имел возможности писать в течение трех дней, но высказывал на-

Lettres interceptées par les Russes. P. 189.

² Ibid. P. 187.

³ Возможно, речь идет о Кристиане Дюма, сыне М. Дюма. О чем может свидетельствовать и приписка в этом письме отца молодого человека с подписанием М.

⁴ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 81–82.

Lettres interceptées par les Russes. P. 208.

⁶ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 67.

дежду, что на следующий день напишет снова¹, а третий извинялся, что не писал уже несколько недель².

Переписка с родными была очень важна всем участникам кампании: от рядовых солдат до генералов. Во многих письмах можно найти упоминания о том, с каким нетерпением их авторы ждут вестей от родственников и знакомых и какие усилия предпринимают для поддержания непрерывного сообщения с ними. Безусловно, у разных участников похода были разные для того возможности, иногда те, кто служил в частях, удаленных от Главной квартиры, совершали специальные экспедиции, чтобы получить вести из дома. Так, комиссар дивизии генерала Л. Партуно Плейоль де Бриа собирался направить в Главную квартиру нарочного с кавалерийским эскортом, чтобы переслать письмо жене во Францию и поискать ее письма, если они вдруг затерялись³. При этом де Бриа понимал, что подвергает своего гонца большому риску, но все равно шел на это, оговаривая, что, в случае необходимости, приложит все усилия для вызволения его из беды.

Армейская почтовая служба в наполеоновской армии была организована довольно эффективно для того времени, однако во второй половине кампании из-за протяженности коммуникаций и трудностей с транспортом начались регулярные задержки с доставкой писем адресатам. Аналогичные трудности постигли и тех привилегированных участников похода, которые могли позволить себе пользоваться услугами императорских эстафет. Все это оказывало негативное воздействие на настроение солдат и офицеров Великой армии, что нашло отражение в содержании писем.

Вплоть до конца XVIII в. написание мемуаров в Европе было делом немногих. Своими воспоминаниями в печатной форме старались поделиться преимущественно либо представители политической и военной элиты, либо литературные деятели, т. е. те, кто был связан каким-либо образом со значительными событиями, оказавшими влияние на страны и народы. Сам по себе жанр известен примерно со Средних веков, и с тех пор мемуары и автобиографии были очень популярны среди читателей⁴. Слово «мемуары» появилось в

Там же. Д. 266. Л. 54.

² Там же. Л. 24–24 об.

³ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 209–210.

⁴ *Dwyer Ph. G. Public remembering, private reminiscing: French military memoirs and the Revolutionary and Napoleonic wars // French historical studies*. Vol. 33. № 2. Spring 2010. P. 231.

XV в. для обозначения разновидности исторического рассказа¹ Пережитые на рубеже XVIII–XIX вв. Европой бурные события, связанные с Французской революцией и почти непрерывными войнами, в которые были вовлечены все без исключения европейские страны, а также ряд азиатских и африканских государств, вызвали к жизни невиданную прежде волну печатных воспоминаний, посвященных эпохе. Только в первой половине XIX в. и только во Франции появилось более 500 публикаций, которые можно отнести к жанру мемуаров². Люди, жившие в ту эпоху, понимали ее уникальный характер. Для того чтобы те или иные мемуары обрели популярность у читателей, уже необязательно было принадлежать к элите общества. Тот факт, что человек жил во времена Французской революции, Наполеона и тем более ходил с ним в поход на Россию, был уже сам по себе достаточной причиной для написания воспоминаний. Литературный талант мог играть столь же значимую роль в популяризации мемуаров, как и близость к сильным мира сего.

Обилию печатных мемуаров способствовало не только значительное число людей разных слоев общества, переживших и принявших участие в громких событиях, но и появившееся у многих ощущение сопричастности этим событиям. Устные рассказы ветеранов о великом и недавнем прошлом, которые велись в более или менее узком кругу, часто предшествовали написанию мемуаров³. Масштаб событий, затронувших множество стран, а также финальное поражение Наполеона способствовали популяризации сперва устных, а позже письменных рассказов ветеранов. Нередко авторы не ставили в заглавие своих сочинений слово «воспоминание» (*souvenir* или *mémoire*), утверждая, что пишут историческое сочинение об эпохе. Например, Ф. П. Сегюр, автор одного из самых известных и влиятельных произведений о походе Наполеона 1812 г., назвал свою книгу «История Наполеона и Великой армии в 1812 г.»⁴, которую традиционно также причисляют к мемуарам. В этом исследовании мы будем считать мемуарами как те произведения, в названии которых есть указание на то, что это воспоминание, так и те, в которых авторы описывают события 1812 г. с точки зрения очевидца, независимо от точной формулировки названия. Мемуарист – не историк в совре-

Petiteau N. Écrire la mémoire. P. 7.

² *Nora P. Les mémoires d'Etat: de Comynnes à de Gaulle // Les lieux de mémoire, ed. Pierre Nora, 3 vols. P., 1984–1986. Vol. 2. P. 356–359.*

³ *Petiteau N. Écrire la mémoire. P. 86.*

⁴ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. P., 1824.*

менном понимании этого термина, но скорее свидетель исторических событий, который предлагает вниманию читателя персонифицированную хронику, наполненную личным отношением к описываемому¹.

Авторы воспоминаний о наполеоновской эпохе происходили из всех слоев общества, и тем интереснее этот источник. Если люди из политической и культурной элиты и в прежние времена довольно активно ездили по свету, то под знаменами наполеоновской армии впервые сотни тысяч представителей «низов» общества смогли побывать в таких удаленных от их постоянного проживания местах, как Египет и Россия. При этом нужно отметить, что после введения всеобщей воинской повинности ветераны гораздо чаще, чем во времена королевской армии, возвращались туда, где жили до призыва, и конечно же их устные рассказы оказывали влияние на восприятие исторических событий и формирование представлений об окружающем мире у широких слоев французского общества². Ветераны Революционных и Наполеоновских войн еще на протяжении многих лет при любом удобном случае рассказывали о былых походах и победах, часто добавляя к известным описаниям все новые подробности. Вопрос о том, насколько им верили слушатели, остается открытым, однако очевидно, что, так или иначе, подобные повествования влияли на представления о прошлом у весьма широких слоев населения, многие из которых могли и не читать исторических сочинений; тем самым ветераны своими воспоминаниями влияли и на представления французов о себе³, становясь, по словам Ж. П. Берто, «рассказчиками о Великой Нации» (*conteurs de la Grande Nation*)⁴. Для придания своим сочинениям большей достоверности мемуаристы старались описывать события кампании как увиденные собственными глазами, независимо от того, где они в тот момент находились и могли ли быть очевидцами происходящего.

Среди авторов мемуаров можно найти маршалов, генералов, интендантов и даже солдат. Большинство опубликованных воспоминаний принадлежит офицерам. Всего в настоящий момент насчитывается 129 воспоминаний сугубо о кампании 1812 г. и еще несколько сотен, авторы которых посвятили ей часть своих более обширных

Petiteau N. Écrire la mémoire. P. 79.

² *Dwyer Ph. G. Public remembering, private reminiscing. P. 235.*

³ *Ibid. P. 237.*

⁴ *Bertaud J. P. La vie quotidienne des soldats de la Révolution, 1789–1799. P., 1985.*

мемуаров¹. Первые издания начали выходить еще в наполеоновский период, однако настоящую волну публикаций мемуарного характера породили смерть императора на Св. Елене в 1821 г. и вышедшие вслед за этим «Мемориал Святой Елены»², книга Ф. П. Сегюра и др., с которыми в дальнейшем многие мемуаристы вступали в заочный спор по поводу тех или иных событий 1812 г. Следующую волну публикаций породило становление наполеоновского культа в период Июльской монархии. Популярности тематики способствовало также то, что в первой половине XIX в. заметно возросла численность читающего населения: к 1830 г. число грамотных во Франции достигло 12 млн, а количество только легальных изданий – 7 тыс. Однако самым обильным по численности публикаций мемуаров о Наполеоновских войнах стал период 1870–1914 гг., когда после поражения от Пруссии Франция нуждалась в героических примерах из прошлого, чтобы укрепить патриотический дух. Большая часть этих воспоминаний выходила не более одного раза, но были и своеобразные «бестселлеры», как, например, сочинения капитана Ж. Куанье, сержанта А. Ж. Бургоня, Ф. П. Сегюра и др., оказавшие большое влияние на отношение французов и европейцев в целом к наполеоновской эпохе и конкретно к кампании 1812 г.

Поскольку охватить все мемуарные сочинения о походе Наполеона в Россию в 1812 г. физически невозможно, для настоящего исследования необходимо было отобрать достаточное количество источников мемуарного характера с тем, чтобы получающаяся картина адекватно отражала сложившиеся во Франции после кампании 1812 года представления о России. Выборка производилась прежде всего так, чтобы среди авторов были представлены выходцы из разных социальных слоев, родов войск и военных профессий. Поэтому наряду с представителями аристократических родов, таких как Э. Груши, Б. де Кастеллан, А. де Коленкур и Ф. П. де Сегюр, в данном исследовании используются сочинения сержанта А. Бургоня (сын торговца тканями), лейтенанта Р. Вьейо (по происхождению буржуа из Руана), капитана Ж. Р. Куанье (выходец из крестьян). Также среди авторов мемуаров, отобранных для исследования, есть представители практически всех званий, должностей и военных профессий. Кроме происхождения и профессии, при отборе мемуаров учитывался и тот факт, имеются ли в распоряжении автора данной монографии частные письма тех или иных мемуаристов. Такой подход к вы-

Dwyer Ph. G. Public remembering, private reminiscing. P. 239.

² *Las Cases A. E. D. M. Mémoires de St.-Hélène.* 5 vols. L. et P., 1823. Далее в исследовании используется издание 1842 г.

борке позволяет проследить эволюцию взглядов того или иного участника кампании на Россию с течением времени. В том числе и по этому критерию были привлечены мемуары капитана Л. Бро, генерала Ж. Булара¹, будущего маршала Кастеллана, генерала Э. Груши.

Также как дополнительные и демонстрирующие распространенность ряда стереотипов восприятия России среди европейцев используются мемуары представителей других народов, участвовавших в войне 1812 г. на стороне французов: врача Г. Рооса, лейтенанта Х. Л. фон Иелина, адъютанта итальянской гвардии Ц. Ложье.

Воспоминания самого Наполеона, опубликованные Г. Гурго и Ш. Т. Монтолоном², а также «Мемориал» Лас Каза использовались в работе лишь фрагментарно, т. к., несмотря на значительное влияние на всю мемуаристику о наполеоновской эпохе, в отношении взглядов на Россию эти сочинения лишь продолжают и развивают те пропагандистские установки, которые были заявлены Наполеоном еще в бюллетенях Великой армии в ходе кампании 1812 г.

В качестве источников информации по событиям прошлого мемуаристы использовали личные письма и записки. Например, генерал Булар довольно регулярно писал родителям и жене из всех своих кампаний, и сохранившаяся корреспонденция позволила ему воссоздать атмосферу эпохи³. В мемуарах он нередко приводил цитаты из собственных писем. Сержант Бургонь также использовал собственные письма матери при написании мемуаров. Тогда как люди, вроде маршала Л. Г. Сюше или генерала М. Дюма, использовали в своих сочинениях копии официальных армейских документов, которые получали по долгу службы в период карьеры⁴. Кроме личных и служебных документов, многие мемуаристы при составлении воспоминаний активно использовали вышедшие ранее сочинения, бюллетени Великой армии и газеты как источники информации по конкретным событиям войны. Так, известно, что Куанье в работе над своими воспоминаниями часто обращался к «Истории Консульства и Империи» А. Тьера, «Мемориалу» Лас Каза и бюллетеням⁵. Многие, писавшие воспоминания о походе 1812 г., читали сочинение

Жан Франсуа Булар в период кампании 1812 г. носил звание майора, в 1813 г. стал бригадным генералом и в этом чине вышел в отставку и написал мемуары.

² *Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagés sa captivité.* Т. 1–8. Р., 1822–1825.

³ *Petiteau N. Écrire la mémoire.* Р. 95.

⁴ *Ibid.* Р. 97.

Dwyer Ph. G. Public remembering, private reminiscing. Р. 248.

Ф. Сегюра и заимствовали часть информации из его книги, одновременно пытаясь спорить с ним. Например, немецкий мемуарист Х. Ф. фон Иелин специально подчеркнул, что Сегюр ошибочно назвал избу под Малоярославцем, где до Иелина останавливался император со своим штабом, ткацкой, только из-за того, что в ней был один крестьянский ткацкий станок, поскольку, по мнению немца, в этой местности подобные станки есть во многих избах¹. Подобные заочные споры возникали часто из-за желания авторов опровергнуть в чем-нибудь известные сочинения и таким образом повысить ценность своего труда. Споры о незначительных деталях в целом приводили к утверждению и все большему распространению наполеоновского мифа о войне 1812 г., потому что, как правило, не затрагивали основную концепцию хода войны оспариваемого произведения.

Источники мемуарного характера о войне 1812 г. выходили обычно спустя много лет после описываемых в них событиях, и поэтому в них, безусловно, отразилось также и восприятие России в период написания самих мемуаров, однако это более позднее наслоение, как представляется, не столь значительно, т. к. большинство мемуаристов писали не столько о России, сколько о Наполеоне и злоключениях его и его армии в этой стране. И поэтому можно считать, что образ России, нашедший свое отражение в их сочинениях, в значительной степени восходит, часто опосредованно через другие произведения, использованные как источник информации, именно к впечатлениям от кампании 1812 г., а также иным источникам того же периода, прежде всего частной переписке, которая не всегда доступна нам сегодня, а также бюллетеням Великой армии.

Фактический материал, который содержится в сочинениях мемуарного характера, всегда нуждается в очень тщательной проверке на достоверность, т. к. подобные сочинения писались многие годы спустя после описываемых событий. Переписывая друг у друга, а также пересказывая газетные материалы наполеоновской эпохи, мемуаристы не всегда задавались вопросом, они воспроизводят события кампании 1812 г. или повторяют чьи-то выдумки? Задачей любого автора было сделать свой текст популярным, а для этого важнее было, чтобы он легко и интересно читался, а также необходимо было следовать одной из распространенных традиций описания Русского похода Наполеона. Тем ценнее выявить стереотипы и литературные клише, используемые в описании России, русского общества и армии, которые и формируют образ страны, изложенный в том или ином

Иелин Х. Ф. фон. Записки офицера армии Наполеона // Роос Г. У. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. С. 160–161.

произведении. И если описания конкретных боев и отдельных фактов о войне 1812 г., содержащиеся в мемуарных источниках, требуют в каждом конкретном случае подробной верификации, то общий эмоциональный фон описаний является авторской картиной событий, которая и становится важным объектом изучения в настоящем исследовании.

Таким образом, использование сочинений мемуарного характера о кампании 1812 г. позволяет рассмотреть влияние пропагандистских материалов, созданных во время войны,^а также личного опыта мемуаристов на закрепившийся в исторической памяти французов образ России.

Глава 2. Повседневная жизнь Великой армии в России как часть образа страны

§ 1. Продовольствие и снабжение

Одной из самых популярных в письмах и мемуарах была тема описания быта Великой армии в России. Это объясняется особенностями жанра: воспоминания и особенно частная корреспонденция в первую очередь посвящены личным переживаниям и событиям из жизни авторов, тогда как великие события нередко выступают фоном для личных историй. Но если в мемуарах боевые действия довольно часто могут конкурировать по числу страниц, посвященных их описанию, с армейской повседневностью, то в письмах она, безусловно, выходит на первый план. Подавляющее большинство участников похода писали во Францию о насущных проблемах: самочувствии, питании, условиях ночлега и состоянии собственного гардероба. Сообщения на подобную тематику присутствуют в большей части посланий, тогда как сведения о боевых действиях встречаются заметно реже. Видимо, авторы писем, далеко не всегда обладая подробной информацией о ходе кампании, оставляли эту тему для официальных сообщений и в первую очередь для бюллетеней. Например, барон де Бомон в письме к жене писал почти исключительно о личных делах, а при упоминании Бородинского сражения и московского пожара прямо ссылался на бюллетени¹.

Фразы о том, что у автора письма все в порядке, становятся своего рода заклинаниями в корреспонденции из армии. Отправляя послание из России, участники похода хотели успокоить родственни-

Lettres interceptées par les Russes. P. 102.

ков и друзей относительно своей судьбы, для этого из письма в письмо повторялись стандартные словосочетания, ставшие своего рода заклинаниями, вроде «у меня все в порядке», «мои дела хороши», «я совершенно здоров и бодр» и т. п. И даже в тех случаях, когда автор упоминает о трудностях, с которыми он сталкивается в повседневной жизни, он пытается создать общий положительный тон послания. Почтовый чиновник Итасс в письме от 14 октября своему коллеге, директору эстафет Колинкампу, так описывал свое положение в Москве: «Должен вам сказать, что нам здесь не очень хорошо. Слишком часто у нас нет ни хлеба, ни мяса, и мы едим все, что только можем. Тем не менее чувствую себя хорошо». И далее автор еще раз подчеркивал, что «у нас тут совсем нехорошо»¹. В посланиях семье стремление успокоить близких выражено ярче. В письме к своей кухне от того же числа Итасс практически повторяет это описание: «В остальном у меня тут все хорошо: мне не хватает всего, часто даже хлеба»². Полковник инженерных войск Пюни де Монфор-Булар писал 1 ноября жене: «Хоть и не очень здорово ночевать на бивуаке при 6 градусах мороза, уверяю тебя, что это не так плохо, совсем не так плохо, как ты это себе представляешь»³. Подобные фразы также могли использоваться и для отвлечения внимания цензоров. Поскольку никто в армии не знал наверняка, прочитают его письмо или нет, авторы оставляли подобные маркеры положительного отношения к событиям в тексте. Едва ли чиновники «черного кабинета» подробно вчитывались в содержание каждого письма, и поэтому фразы вроде «je suis fort bien ici», «je suis aussi assez bien», «je me port bien» и т. п. могли притупить их внимание и удержать от более внимательного прочтения.

Подготовка к войне против России заняла больше года, хотя первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1810 г., когда в крепостях Германии и герцогства Варшавского начали создаваться крупные склады продовольствия, как утверждалось, на случай нападения России. Все приготовления были хорошо продуманы: осуществлены огромные закупки военных материалов, продовольствия и фуража по всей Европе. По указанию Наполеона были созданы значительные запасы продовольствия, транспортных средств, лошадей для кавалерии и артиллерии, позаботились также о поставке в армию ручных мельниц, чтобы в походе солдаты могли сами молотить муку из запасенного или купленного на месте зерна. Были заключе-

Lettres interceptées par les Russes. P. 102–103.

² Ibid. P. 109.

³ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 1–2.

ны специальные договоры с Великим герцогством Варшавским и Пруссией по снабжению армии на протяжении всего будущего похода. Наполеон и его штаб приложили громадные усилия к тому, чтобы хорошо обеспечить систему снабжения, исходя из того, что в России будет затруднительно жить ресурсами завоеванной территории, как в прежних кампаниях. При каждом из армейских корпусов были организованы специальные транспортные батальоны, предназначенные исключительно для транспортировки продовольствия. Согласно приказу императора каждый солдат должен был к началу боевых действий иметь в своем распоряжении рацион на 24 дня, из них на 20 дней в повозках, а на 4 – в ранце¹.

Однако все эти мероприятия оказались недостаточно эффективны. Трудности начались еще до открытия кампании, когда Великая армия находилась на территории герцогства Варшавского и Пруссии. Несмотря на договоры с этими государствами о поставках и наличии довольно больших сумм на закупку продовольствия у командующих корпусами, не все из них сумели грамотно распорядиться имеющимися ресурсами и запастись к моменту открытия боевых действий продовольствием и фуражом на 24 дня, как было оговорено в приказе Наполеона². После начала наступления интендантские службы часто не успевали доставлять необходимое количество продовольствия из-за того, что армия быстро удалялась от основных баз снабжения. Обозы двигались слишком медленно и часто застревали на грунтовых дорогах, которые становились непроезжими после каждого дождя. Ресурсы оккупированной территории были весьма невелики и не позволяли прокормить почти полумиллионную армию Наполеона³. Э. Мунье уже менее чем через неделю после начала кампании жаловался жене, что его завтрак состоял только из хлеба и воды, к чему он смог добавить кусок колбасы, которым его угостил знакомый инженер. Вечером в тот же день, правда, ему удалось попасть в императорскую квартиру и поесть досыта⁴. Пленные солдаты из корпуса Даву уже в июне 1812 г. сообщали, что хлеба и сухарей у них было мало, часто они получали только муку, реквизируемую у местного населения, мало в их распоряжении было и водки, а вот мяса достаточно. Также пленные в один голос подтверждали недостаток фуража: лошадей часто приходилось кормить свежескошенным зеленым овсом или хлебом, от чего общее состояние кавалерии было

Correspondance de Napoleon I... Т. 23. № 18622. P. 351.

² Чандлер Д. Указ. соч. С. 464–465.

³ Там же. С. 475.

⁴ *Chuquet A.* 1812. La Guerre de Russie. Т. 2. P. 64–65.

неудовлетворительным. Пленные поляки вообще утверждали, что питаются только тем, что удастся взять «грабежом и реквизицией»¹ Капитан Дюпен 10 июля признавался, что после 15 июня, «когда началась подготовка к массовой переправе через Неман, мы испытывали крайний недостаток в хлебе, мясе и даже воде»².

При этом даже имеющееся пропитание часто было не лучшего качества. В первые месяцы кампании довольно много солдат страдали от различных желудочно-кишечных заболеваний. Свидетельство такого положения находим в письме мадам Улиак (Ulliac) мужу Анри, полковнику генерального штаба 8-го корпуса, от 29 июля, в котором она высказывает сожаление, что «его желудок часто страдает, а нечистоплотность мучает его» и высказывает надежду, что в остальном здоровье супруга не пострадало³. То есть, несмотря на весьма завидное положение при штабе корпуса, Анри Уллиак питался недостаточно хорошо, о чем и сообщил жене. Жалобы на невысокое качество хлеба на протяжении всей кампании можно найти в письмах помощника главного интенданта А. Ф. Варне⁴, А. Бейля⁵, неизвестного, подписавшегося R. S.⁶, генерала Л. Барагэ д'Ильера⁷ и др. В этих письмах речь идет преимущественно о солдатском «пайковом» хлебе (*pain de munition*), которым не привыкли питаться люди из привилегированных слоев, каковыми, без сомнения, являются все перечисленные авторы. Неидентифицированный нами R. S. также, судя по содержанию писем, принадлежал к состоятельным людям. Возможно, поэтому мы не находим подобных жалоб в письмах представителей нижних чинов, не имевших в мирной жизни доступа к изыскам высокой кухни.

В мемуаристике тема русского хлеба была продолжена и развита. В воспоминаниях участников похода 1812 г. из нижних слоев нередко можно найти рассказы о том, как они покупали или брали силой готовый хлеб у русских крестьян и горожан: «То, что выглядело как торф, при ближайшем осмотре оказалось черствым, кислым черным хлебом, в котором было много овсяной шелухи. Хлеб был нарезан кусочками, высушен в печке и таким образом получилось нечто вро-

Показания пленных французов и поляков, взятых в плен генерал-майором Дороховым в июне месяце 1812 г. // Русская старина. Т. 131. 1907. Август. С. 330–332.

² Du Niémen à la Bérézina. P. 62.

³ Lettres interceptées par les Russes. P. 4.

⁴ Ibid. P. 76.

Ibid. P. 242, 269, 270, 272.

⁶ Ibid. P. 81.

⁷ Ibid. P. 345.

де сухарей. Наш был внутри белый не от плесени, а от химического разложения»¹.

Бюллетени Великой армии не раз утверждали, что французы захватывали в России большие склады с продовольствием², однако в письмах можно найти прямо противоположные свидетельства. Артиллерийский офицер Ришар, служивший в корпусе маршала Удино в районе Полоцка, писал 22 сентября: «Со времени начала кампании мы не встретили ни одного склада продуктов или фуража», и лишь несколько дней назад такие склады, по его словам, начали организовываться в тылу самими французами³. Уже упомянутый R. S. писал 13 октября, что с самого начала кампании был ввергнут в самую ужасную нищету, страдал от усталости и голода. Последние три месяца он питался только хлебом, «таким черным и таким плохим, что им впору кормить собак», при этом он утверждал, что у многих его товарищей положение еще хуже, так как они по неделе, а то и две не имеют и такого⁴.

С течением времени растянутость коммуникаций наполеоновской армии и ограниченность ресурсов оккупированной ею территории все сильнее влияли на качество снабжения французской армии. Положение наполеоновских войск усугублялось тем, что русская армия старалась вывозить или уничтожать запасы продовольствия, а в некоторых случаях уничтожала посевы. В донесении от 31 августа маршалу А. Бертье командующий 4-м корпусом кавалерийского резерва генерал М. В. Латур-Мобур докладывал, что все деревни между Юхновым и Вязьмой разграблены и не могут предоставить никакого пропитания ни для людей, ни для лошадей⁵. И хотя далеко не всегда русским удавалось вовремя эвакуировать даже военные припасы, подобная тактика все же вела к ожидаемым результатам. Более всего от недостаточного снабжения страдал авангард Великой армии и кавалерия. С самого начала кампании передовые части постоянно передвигались ускоренными маршами и часто вступали в столкновения с противником, в результате интендантские части до них, как правило, не добирались, а времени на сбор припасов у этих частей было немного. Коленкур, по должности отвечавший, в частности, за императорские конюшни, так описывал состояние парка лошадей

Наполеон в России глазами иностранцев. Книга вторая. Отступление. М., 2004. С. 474.

² См., например, бюллетень № 7 в *Moniteur Universel*. 1812. № 210.

³ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 333.

⁴ *Ibid.* P. 81–82.

Chuquet A. 1812. *La Guerre de Russie*. T. 1. P. 68.

Великой армии во время ее нахождения в районе Витебска: «...наши кавалерия и артиллерия терпели большие лишения. Пало очень много лошадей. Многие лошади еле тащились за корпусами, для которых они были обузой, не приносящей никакой пользы. Не хватало трети лошадей; в строю оставалось никак не больше половины от того числа лошадей, которые были налицо в начале кампании»¹.

При этом те части, входившие в основную действующую группировку, находились в лучших условиях, чем те, кто оказался в тылу, поскольку они могли рассчитывать только на ресурсы ближайших окрестностей, тогда как все централизованно собираемые интендантами запасы отправлялись главным силам Великой армии. Особенно страдали раненые, которым не хватало не только медицинских материалов², но и продовольствия. Рядовой Ж. М. Пари писал матери, что после ранения под Смоленском 17 августа постарался достать лошадь и на ней, не дождавшись выздоровления, отправился следом за своей частью, ибо «продовольствия мало, и в полку мне будет гораздо лучше»³. Обозы следовали в первую очередь к боевым частям, в то время как тыловые соединения должны были обеспечивать себя самостоятельно. Зная такое положение в тылу и госпиталях, заместитель командующего вюртембергским контингентом генерал-лейтенант И. Г. фон Шелер в середине сентября в Москве собрал «две большие повозки с продовольствием и медикаментами» и отправил их в Можайск в госпитали⁴. Скорее всего, они были предназначены исключительно для раненых из вюртембергских частей.

Снабжение Великой армии осложнялось еще и тем, что для охраны обозов использовались либо союзные контингенты, либо батальоны резервистов. Среди тех и других было весьма сильно нежелание воевать, поэтому они оказывались не очень полезны и в качестве конвойных войск. Кроме того, по мере активизации действий армейских летучих отрядов и кордонной стражи на охрану обозов приходилось выделять все больше солдат. О пропитании охраны обозов не особо заботились, а передвигались они по уже полностью разоренной ранее прошедшими войсками дороге. В результате отряды охраны вынуждены были очень много времени тратить на поиск пропитания, а для этого отходить от конвоя на довольно большое расстояние, подвергая тем самым опасности и самих себя, и весь конвой.

Коленкур А. де Указ. соч. С. 113–114.

² *Чандлер Д.* Указ. соч. С. 465.

³ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 16.

⁴ *Chuquet A.* 1812. *La guerre de Russie.* Т. 3. P. 27.

Подобное положение описал лейтенант гвардии Мервиль, сопровождавший транспорт из 105 повозок от Смоленска до Москвы. Для охраны этого обоза был выделен маршевый батальон в 500 человек и эскадрон кавалерии. Поскольку разные части конвоя двигались с разной скоростью, и равномерно обеспечить охрану и пропитание было сложно, командир конвоя майор Бруссар решил разделить обоз и каждой части придать свой эскорт. Лейтенант Мервиль командовал ротой солдат, которая, по его словам, «к концу третьего дня исчезла, а люди разбрелись по дороге. За несколько дней до вступления в Москву у меня не было ни одного человека охраны, кроме канониров, которые входили в состав парков, из которых большая часть были больны. Майор прилагал все силы, чтобы обеспечить охрану, но люди, которых он собирал днем, исчезали ночью. Кавалерия, охранявшая наши фланги, была вынуждена отдалиться, чтобы добыть фураж»¹. Подобным образом складывалось и путешествие А. Бейля из Москвы в Смоленск во второй половине октября. В письмах к графине А. Дарю² и отцу³ он жаловался, что питался в этом «путешествии» хуже, чем при основной армии в Москве. Правда, в Москве его положение благодаря близости к П. Дарю было лучше, чем у большинства в армии.

В период наступления Великая армия питалась хотя и недостаточно, но еще вполне сносно. Раздачи провианта происходили не регулярно, но все-таки имели место, да и на захваченной территории удавалось найти какое-то продовольствие. После вступления в Москву положение даже несколько улучшилось. Жители не успели вывезти из города весь провиант, часть из которого уцелела и после пожара. Кроме того, некоторые обозы смогли, наконец, догнать армию. Младший помощник хирурга М. Ф. Шакан 29 сентября так описывал свое положение: «Наша обычная еда состоит из хлеба, который у нас, к счастью, есть, иногда мяса, которое нам раздают, овощей из наших запасов, но они практически истощились, как и все остальное»⁴. Полковник Ф. Парге писал жене, что ему удалось позаботиться о собственном пропитании и у него даже есть небольшой запас кофе и сахара, но подчеркивал, что запасы надо увеличивать, так как приближается зима⁵. Подобные сообщения можно найти во множестве писем, отправленных из Москвы. В Смоленске Великая

Ibid. Т. 1. P. 80–81.

² Lettres interceptées par les Russes. P. 241–244, 269–270.

³ Ibid. P. 270–271.

⁴ Ibid. P. 59.

Ibid. P. 61.

армия также нашла некоторое количество провианта, который смогли собрать интенданты, да и крестьяне из ближайших деревень, видимо, были не против продать кое-что из своих запасов голодным французским солдатам. Тем более что в Москве те стали обладателями внушительных сумм денег, соответственно, цены на многие товары заметно возросли по сравнению с мирным временем. Почтовый служащий А. Гено так описал эту ситуацию: «...здесь (в Смоленске. – Н. П.) много крестьян, которые возвращаются в течение последних двух месяцев, у них много провизии и они продают хлеб солдатам, которые хорошо за него платят, поскольку у них много денег. Здесь есть 8000 бутылок вина и 1000 бутылок водки, которые продаются по 10, 12 и 15 франков»¹.

Многие солдаты и офицеры в ходе кампании критиковали интендантскую службу и утверждали, что вынуждены обеспечивать себя пропитанием самостоятельно. Генерал Шелер жаловался в начале октября Вюртембергскому королю, что приходится самим заниматься поиском пропитания, которого хотя и достаточно, но пополнение запасов фуража и скота связано с дальними поездками в леса, что представляет большую опасность. От французов они получили пока только небольшое количество боеприпасов. О раненых также необходимо заботиться самостоятельно². Упреки интендантской службе были, видимо, отчасти справедливы, что подтверждает и письмо А. Бейля, занимавшего с момента вступления армии в Москву высокий пост при Малой императорской квартире. Он писал Ф. Фору в начале октября, что во время нахождения в Москве рядом с местом, где он остановился, были найдены склады муки и овса, и он приказал своим подчиненным «взять и того и другого с собой. Они очень старались и делали вид, что берут помногу, но оказалось, что взяли совсем пустяки. Так они действуют во всем и везде в армии, это раздражает»³.

Офицеры интендантской службы иногда пытались оправдаться в глазах общественного мнения. В связи с этим представляет интерес письмо А. Ф. Варне, помощника главного интенданта Великой армии, от 12 октября своему коллеге в Париж, в котором он, признавая недостаточность снабжения армии, пытается опровергнуть все обвинения в адрес интендантской службы. Он полагал, что слухи о плохом положении с пропитанием в армии проистекают от недовольства солдат, которые испытывают некоторые тяготы (*condamnés à des*

Lettres interceptées par les Russes. P. 283.

² *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. Т. 3. P. 29.

Стендаль. Собрание сочинений. Т. 15. С. 113.

privations un peu dures) и потому ищут, кого бы обвинить в своем положении, обращая свои жалобы против интендантства. Их поддерживают также некоторые офицеры, не нашедшие овса для своих лошадей. При этом ни те ни другие не приняли во внимание сложность нынешних обстоятельств. Но император знает, что недостатки в администрации носят локальный характер. И постоянно демонстрирует полное доверие генералу М. Дюма. Далее в этом же послании Варне упомянул, что сам лично испытывал определенные лишения, но после выхода из Вильно главный интендант принял его за свой стол, после чего его пропитание обеспечено¹. То есть большую часть кампании Варне питался за счет своего начальника, и потому, возможно, ему и казалось, что сложности с продовольствием в армии не столь уж значительны.

Впрочем, надо отметить, что интендантская служба развернула активную деятельность и изо всех сил старалась наладить снабжение Великой армии. Во время нахождения в Москве, когда стало понятно, что мир вряд ли будет заключен в скором времени и необходимо позаботиться о продовольствии для солдат на ближайшие несколько месяцев, было отдано множество распоряжений на этот счет. Одним из главных действующих лиц начавшейся в середине октября кампании по организации регулярного снабжения должен был стать А. Бейль, которого назначили главным интендантом трех округов: Могилевского, Витебского и Смоленского. Будущий писатель сразу же после назначения написал своим новым подчиненным – интендантам Могилева и Витебска о том, что необходимо сделать в кратчайшие сроки. За месяц он рассчитывал собрать на складах 100 тысяч квинталов муки и овса и «какое-то количество быков»². Кроме того, он требовал присылать ему отчеты каждые пять дней. Однако в письме интенданту Витебска А. Пасторе Бейль отмечал и возможные трудности с выполнением возложенной на него миссии. Он опасался, что от него могут потребовать приобретать муку по 6–7 франков за квинтал, тогда как, по его сведениям, во Франции цена на нее в удаленных от Парижа районах составляет 18–20 франков. Кроме того, он опасался, что исполнение всех распоряжений будет задерживаться из-за медлительности курьеров и отсутствия коммуникаций³. Но такими соображениями А. Бейль делился далеко не со всеми. В письмах графине Дарю он ни разу не пожаловался на возможные трудности, поскольку ее муж был одним из главных его покровите-

Lettres interceptées par les Russes. P. 75–76.

² *Стендаль*. Собрание сочинений. Т. 15. С. 119.

³ Там же. С. 121.

лей. В письме могилевскому интенданту А. Л. Феске, с которым ранее знаком не был, он также не высказывал таких мыслей.

Недостатки в работе интендантской службы участники похода до определенной степени компенсировали грабежом местного населения. Б. Бростаре в письме отцу в департамент Ло и Гаронна писал: «Нас снабжают примерно на одну двадцатую [от того, что должно быть], как это понимают аудиторы». Однако при этом он не жаловался на голод и даже, наоборот, утверждал, что с начала кампании «мы редко испытывали недостаток в продовольствии, а в Москве у нас было изобилие»¹. Свидетельством этого относительного изобилия должен был служить тот факт, что полученные им от некоей мадам Р. два фунта шоколада он старается сберечь на случай битвы, что вряд ли было бы возможно в случае голода. Такое несоответствие между количеством получаемых припасов и реальными потребностями в продовольствии, которые, видимо, в тот момент еще вполне удовлетворялись, могло быть преодолено только с помощью мародерства, о котором автор письма умалчивает. Другой же участник похода – Бастие, например, прямо признавался в необходимости мародерства: «Приходится мародерствовать и для этого удаляться на 6–8 лье, чтобы найти что-нибудь, что не даст умереть (с голоду. – Н. П.), и часто этот поход оказывается кратчайшей дорогой к смерти»².

Кроме того, в распоряжении отступающих наполеоновских солдат, по крайней мере до Смоленска, было довольно большое количество павших лошадей, мясо которых попадало на стол даже к таким видным участникам похода, как барон Д. Ж. Ларрей, главный хирург Великой армии³. Недостаток продовольствия дошел до того, что в пищу шли даже животные, для того обычно не использовавшиеся в пищу. Лейтенант Ж. Лоренсан, служивший в инженерных частях, писал 9 ноября из Смоленска, что в Вязьме они с товарищами «отвели неплохое рагу из кошки. На пятерых мы съели трех больших кошек, которые великолепны»⁴.

В мемуарах тема продовольствия также нашла свое отражение, и поскольку у авторов воспоминаний не было необходимости успокаивать читателей относительно собственной судьбы, а скорее, наобо-

РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 83.

² *Lettres interceptées par les Russes*. P. 173.

³ *Ibid.* P. 301.

⁴ РГАДА Ф. 30. Д. 266. Л. 39 об.

рот, их целью было привлечь их внимание к своему произведению, эта тема обрела большую яркость. Кампания 1812 г. ассоциировалась у многих ее участников с весьма разнообразными, приятными и неприятными, гастрономическими экспериментами, которые подпитывали образ России как страны весьма необычной, разительно отличающейся от Европы. На протяжении большей части кампании из-за недостаточного снабжения участники похода жили впроголодь, но во время нахождения армии в Москве многие солдаты приобщились к изыскам высокой кухни, отведав деликатесы из подвалов московской знати. Описания различного рода курьезов питания являются для мемуаров о войне 1812 г. общим местом, и редкое сочинение обходится без упоминаний о том, как солдаты готовили конину, о богатых запасах продовольствия, найденных в Москве, и т. д.

Мемуары подтверждали, что трудности со снабжением начались еще до открытия кампании. Так, Сегюр писал, что от Одера и Вислы до Немана продуктов еще было достаточно, но фуража, который труднее перевозить, уже не хватало¹. В первые месяцы похода из-за его недостатка и быстрых переходов очень сильно страдал конский состав Великой армии. Булар утверждал, что уже к 30 июня его часть потеряла 90 тягловых лошадей и 70 маленьких крестьянских лошадок; этого удалось бы избежать, если бы он смог захватить из Торна запасы овса². Под Витебском, по утверждению Коленкура, не хватало не только фуража, но и практически всех припасов, вследствие того, что тяжелые повозки не успевали за передвижениями армии³. Уже в августе трудности с продовольствием стала испытывать даже гвардия, элита наполеоновских войск, всегда снабжавшаяся в приоритетном порядке⁴. Во время пребывания в Москве ситуация со снабжением несколько улучшилась, и к этому периоду относятся приятные гастрономические эксперименты участников похода. Именно здесь Куанье, например, впервые попробовал чай с ромом; правда, он не указал, насколько такой напиток ему понравился. Кроме того, он каждый день пил там хорошее бордо и шампанское⁵.

С первых дней отступления Великой армии из Москвы централизованное снабжение оказалось практически полностью дезорганизовано, и армия перешла на самообеспечение. Больше других повезло

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 86.

² *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 243–244.*

³ *Caulaincourt A. Mémoires. T. 1. P. 380.*

⁴ *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 251.*

Les cahiers du capitaine Coignet (1799–1815) / publ. par Lorédan Larchey. P., 1883. P. 323, 326.

тем, кто смог захватить с собой из Москвы значительные запасы продовольствия, но таких было не очень много. Кроме того, как мы видели из переписки, обозы снова, как и в период наступления, начали отставать и подвергаться нападением со стороны летучих отрядов русской армии, в результате чего даже имевшимися запасами стало трудно пользоваться. Одним из самых распространенных блюд рациона стала конина. При этом в пищу шло не только мясо павших лошадей, но и «всех тех, которых солдатам удастся зарезать»¹, такие действия наносили заметный урон парку лошадей, что ухудшало и без того тяжелое положение всей армии.

После битвы за Малоярославец французская армия повернула на Старую Смоленскую дорогу, и здесь недостаток продовольствия и фуража стал ощущаться еще сильнее. Ж. Ф. Булар утверждал, что продовольствия ему хватило до 6 ноября, и только после прихода армии в Дорогобуж начались ее «подлинные несчастья»². Через пару страниц он уточнил, что по пути в Смоленск долгое время на завтрак у него были сухари с сахаром, но к концу пути не было уже ни того, ни другого, и он жил впроголодь, питаясь одним лишь хлебом, если тот удавалось за большие деньги купить у солдат-мародеров³. Если уж майор гвардейской артиллерии, одной из привилегированных частей, находился в столь тяжком положении, что же говорить о рядовых участниках похода.

На протяжении всей кампании гвардейские части снабжались в приоритетном порядке по сравнению с остальными, и в период отступления эта разница стала еще заметнее. Так, по свидетельству Каstellана, на подходе к Смоленску в корпусе маршала Нея «солдаты падали от усталости и умирали. В тот день (7 ноября) 50 человек остались на дороге, а на бивуаке – 200». После того как Каstellан доложил в Главную квартиру о подобном положении в Третьем корпусе, туда «была отправлена водка и несколько быков из запасов гвардии (курсив мой. – Н. П.)»⁴.

Но даже в элитных частях и Главной квартире положение ухудшалось с каждым днем. Тот же Каstellан, служивший при Малой императорской квартире, то есть постоянно находившийся в непосредственной близости к императору, не был полностью избавлен от проблем с пропитанием. Он особо отмечал, что у того же маршала

Castellane, Boniface de. Journal... Т. 1. Р. 181.

² *Boulart J. F. Mémoires militaires.* Р. 266–267.

³ *Ibid.* Р. 268.

⁴ *Castellane, Boniface de.* Journal... Т. 1. Р. 184.

Нея хорошо пообедал с малым количеством хлеба. А через несколько дней – 11 ноября – записал, что ему удалось «выманить» у комиссара мешок муки¹. Как именно ему удалось это сделать, мемуарист не рассказал. По утверждению Бургоня, во время перехода к Смоленску ужин маршала Мортье состоял из куска лошадиной печенки, сухаря и глотка водки².

Но самым страшным свидетельством голода, постигшего Великую армию, стали случаи каннибализма, о которых упоминают многие мемуаристы. Правда, и тут не обходится без несколько странных совпадений. Так, в мемуарах Бургоня впервые упоминается о том, что солдаты едят своих товарищей, применительно к иностранным контингентам, а точнее хорватам. Далее автор подчеркивал: скорее всего, «подобное случалось не раз в течение этой бедственной компании, хотя сам я, признаюсь, никогда этого не видал», и даже заявил, что и сам мог бы до этого дойти, если бы в какой-то день не раздобыл конины³. То есть первыми под подозрение в каннибализме попали представители покоренных народов, а не цивилизованной Франции.

Смоленск представал на страницах мемуаров едва ли не землей обетованной. Здесь надеялись получить отдых, пропитание, а возможно, и зимние квартиры. Кроме того, большие надежды связывались со свежими частями из корпуса Виктора. Каstellан писал, что 30 октября болтал с сослуживцами и все выражали надежду на то, что скоро встанут на зимние квартиры на Днепре и Двине⁴. 7 ноября он записал, что общее желание прийти как можно быстрее в Смоленск, практически полностью сгоревший, показывало, сколь они были несчастны⁵. Те же настроения можно найти и у Бургоня: «8 ноября мы должны были подойти к Смоленску в надежде найти там продукты и отдых, говорили также, что там мы должны получить подкрепление»⁶.

Но Смоленск, с которым армия связывала окончание своих страданий, стал лишь их началом, писал Сегюр⁷. В городе армия получи-

Ibid. Т. 1. P. 185.

² *Bourgogne A. J. B. Mémoires*. P. 81.

³ Ibid. P. 78.

⁴ *Castellane, Boniface de. Journal...* Т. 1. P. 179.

⁵ Ibid. Т. 1. P. 184.

⁶ *Bourgogne A. J. B. Mémoires du sergent Bourgogne*. 1812–1813. P., 1910. P. 79.

⁷ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon*. Т. 2. P. 146.

ла только небольшую передышку, а произведенные раздачи были крайне невелики. Бургонь отмечал, что гвардии выдали немного муки и «капельку» (онсе) сухарей¹. По утверждению Булара, продукты, полученные 9 ноября в Смоленске, к 15-му числу уже практически закончились. А в Лядах (т. е. примерно 18 ноября) он питался сухарями, твердыми, как камень, и сахаром. Эта сухая пища портила ему зубы и «оставляла десны голыми»². Еще раз подчеркну, что Бургонь и Булар писали о положении в гвардии, то есть элитных войсках. Многие же части не имели и этого. Продовольствие получали только те солдаты, которые находились в строю, поэтому все отставшие и бросившие свои части продолжили добывать себе пропитание самостоятельно. Запасы, которые были собраны в городе для всей армии, распределялись крайне неэффективно, а частью просто разворовывались. «Тягловые лошади, которые ожидали нас в Смоленске, были съедены солдатами», – отмечал Сегюр³. Такое развитие событий дало ему основание назвать Смоленск городом дважды роковым для Великой армии⁴.

Чтобы придать своему сочинению увлекательности, некоторые авторы добавляли совсем уж фантастические подробности. Так, Ф. П. Сегюр поведал, что во время прохождения Великой армии через Бородинское поле, там был найден выживший солдат, которому в битве раздробило оба колена. Этот несчастный вынужден был 50 дней жить внутри разорванного артиллерийским ядром тела лошади, питаться ее мясом и пить мутную воду из канавы, заполненной мертвыми телами⁵. Тот же рассказ практически слово в слово воспроизводит и Бургонь⁶.

Но если Сегюр в силу своего высокого положения сам практически всегда мог питаться лучше, чем большинство участников похода, то Бургонь не раз оказывался в очень плохих условиях. Накануне прихода в Смоленск он поужинал, к примеру, только куском лошадиной печени, запивая ее талой водой⁷. То есть к плохому питанию прибавлялась еще исключительно российская специфика – здесь зимой так холодно, что приходится топить снег для получения питьевой воды. Правда, по воспоминаниям Сегюра, в теплое время года им

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 87.

² *Boulart J. F. Mémoires militaires.* P. 274.

³ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon.* Т. 2. P. 163.

⁴ *Ibid.* P. 164.

Ibid. P. 115.

⁶ *Bourgogne A. J. B. Mémoires.* P. 61.

⁷ *Ibid.* P. 81.

приходилось пить грязную и мутную воду¹, так что растопленный снег, возможно, был не худшим вариантом.

Другая еда, которую отступающие солдаты Великой армии добывали у местного населения, также имела «русские черты». Так, в окрестностях реки Березины Бургонь после продолжительных поисков нашел в одном из домов три картофелины размером с грецкий орех². В день вступления в Москву он же получил в подарок от одной дамы кусок хлеба, черного, как уголь, с длинными кусками соломы³. Во время отступления, по словам того же автора, французы не раз добывали краюхи черного, как уголь, хлеба, замешанного с мякиной и соломой в палец длиной и зернами ржи. Вдобавок этот хлеб был настолько жестким, что его невозможно было кусать, тем более что губы у всех были изъязвлены и потрескались от мороза. Свидетельством бедности русских было отсутствие в деревнях крупного и мелкого скота, о чем упоминал все тот же Бургонь⁴. Правда, надо отметить, что к октябрю–ноябрю 1812 г. у крестьян затронутых войной губерний действительно не оставалось практически никаких запасов, а скот уничтожался, уводился и прятался в первую очередь. Поляки, у которых во время отступления сержант на какое-то время нашел прибежище, долго извинялись перед ним, что вынуждены были предложить ему выпеченный русскими хлеб очень низкого качества, но это было единственное, что они смогли достать⁵. Упоминание поляков в данном случае должно было дополнительно свидетельствовать об отличии русских от остальных европейцев.

Еще одним специфическим русским продуктом, который был особо отмечен в мемуарах, стала русская водка. «В этой стране вино и виноградную водку заменяют водкой, которую перегоняют из хлебных зерен и к которой примешивают наркотические растения. Наши молодые солдаты, истощенные от голода и усталости, полагали, что этот напиток поддержит их силы. Но предательский жар, вызванный ее употреблением, сменялся полным упадком сил, во время которого солдаты легко подвергались действию болезней», – писал Сегюр⁶. При этом мемуарист приписывал наступивший у солдат «упадок сил» действию именно *русской* водки, а не тому факту, что после длинных переходов, сопровождавшихся тяжелыми боями и плохим

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 154.

² *Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 217.*

³ *Ibid. P. 16.*

⁴ *Ibid. P. 125.*

Ibid. P. 189.

⁶ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 222.*

снабжением, употребление любого крепкого алкоголя могло иметь такой же эффект.

Во время походов солдаты наполеоновских армий нередко жили в очень стесненных бытовых условиях и питались очень скудно¹, но именно при походе в Россию голод стал столь заметным явлением, что о нем писали все без исключения мемуаристы.

§ 2. Особенности ночлега Великой армии в России

Примерно так же часто, как и тема питания, в переписке участников похода обсуждался ночлег. Большинство из них на протяжении кампании чаще ночевали на бивуаках под открытым небом, чем в помещениях, что доставляло им большие неудобства. Причем такие ночлеги начались еще до открытия боевых действий. Солдат 21-го линейного полка Ф. Пулашо сообщал 27 сентября жене, что уже семь месяцев спит на бивуаках, не заходя в дома². Даже если Пулашо несколько преувеличил срок своих испытаний, очевидно, что начались они еще до перехода через Неман, так как едва ли он спутал бы февраль с июнем.

Старшим офицерам и чиновникам Великой армии чаще доводилось ночевать в тех или иных помещениях, и в начале кампании они еще довольно часто высказывали недовольство условиями ночлега под крышей, особенно если останавливались в городах. Э. Мунье писал жене из Ковно 25 июня: «Мы остановились в городе у одного русского чиновника. Ты не можешь себе представить, насколько это грязный дом. От подвала до чердака здесь царит вонь»³. Подобное описание оказалось вполне в традиции стереотипов о России, распространенных в прежние эпохи, которые относили страну к варварскому миру. Важно подчеркнуть, что это письмо относится к самому началу кампании: через два месяца ночлег даже в крестьянской избе вызывал у Мунье уже гораздо меньше недовольства: «Дома в деревнях немногим лучше польских – хижина без трубы для печи, где все расположено в одной комнате»⁴.

Если до вступления в Москву, т. е. летом, ночевать на бивуаке было вполне сносно, а в Москве даже после пожара большинство солдат все же могли ночевать под крышей, то с началом отступления спать

Petiteau N. Guerriers du Premier Empire. Experience et memoires. P., 2011. P. 44, 60.

² *Lettres interceptées par les Russes. P. 51.*

³ *Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. T. 2. P. 64.*

⁴ *Ibid. P. 69.*

под открытым небом стало уже не только неприятно, но и опасно для жизни, поскольку начались холода. Некто Баллар в письме к жене от 3 ноября утверждал, что уже 20 дней ночует посреди поля на льду толщиной 6 дюймов¹. В то же время каких-либо зданий, где можно было организовать ночлег, осталось на подконтрольной французам территории немного, ибо в первый период кампании многие города и деревни были сожжены русскими при отступлении, да и сами завоеватели нередко разбирали деревянные дома местных жителей на дрова для костров. По этим причинам после выхода Великой армии из Москвы ночевать на бивуаках вынуждены были лица самых разных званий и должностей. Интендантский чиновник Э. де Рибо, племянник государственного секретаря П. Дарю, писал в начале ноября отцу, что спит каждую ночь под открытым небом, земля служит ему матрацем, а шинель – подушкой, и это при том, что, по его же словам, «уже десять дней стоят заморозки и очень холодно». Причем в конце письма Рибо признается, что его положение еще лучшее из возможных, так как он находится среди друзей своего дяди². Уже упоминавшийся А. Ф. Варне сообщал: «От Кенигсберга до Вильны и от этого последнего города до Москвы я забыл сладость сна на матрасе. Солома, сорванная с крыши, принимала мои уставшие члены, когда мне удавалось ее достать, а это происходило в одном случае из четырех. Но завернувшись в шубу и повернув ноги к огню, можно не бояться ночного холода»³. Ночевать под открытым небом, несмотря на снег и мороз, вынужден был и генерал А. Жюно, один из близких друзей императора⁴. И даже главный интендант Великой армии генерал М. Дюма во время отступления Великой армии к Смоленску в письме к дочери жаловался на «неудобства бивуаков», и это несмотря на то, что за болевшим в то время Дюма был организован очень хороший уход⁵.

В лучшем положении считали себя те офицеры и чиновники, кто мог ночевать в повозках или колясках, ибо они, по крайней мере, были укрыты от ветра, дождя или снега. Э. Мунье в письме к жене от 22 августа вспоминал, что когда они находились в Бабиновичах, ему удалось закрыться в коляске и хорошо выспаться⁶. Позже, 10 сентября, он еще раз упомянул о ночлеге в коляске и о том, что выспался

Lettres interceptées par les Russes. P. 192.

² Ibid. P. 194–195.

³ Ibid. P. 76.

⁴ Ibid. P. 223, 224.

⁵ Ibid. P. 203.

⁶ *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. T. 2. P. 68.

несмотря на мороз¹. Если во время похода на Москву можно было относительно неплохо поспать и под открытым небом, то после того как французская армия покинула Москву и нехватка лошадей стала ощущаться все сильнее, уже и ночь, проведенная в повозке, карете или коляске, стала казаться большой удачей. В письме от 3 ноября аудитор Государственного совета А. Феске признавался, что очень счастлив, имея в своем распоряжении замечательную коляску. Видимо, в том числе и по этой причине он чувствовал себя снабженным (всем необходимым), как князь².

Необходимость ночевать под открытым небом или в повозках, отсутствие привычных постелей вызывали у участников похода недовольство, которое они охотно выражали в переписке. Чиновник Государственного секретариата Рейон жаловался, что «не спал в постели с тех пор, как выехал из Меца, так как я не считаю за постель то, что нам предложили в Германии, где спят между двумя перинами без белья. В лучшие дни или, точнее, в лучшие ночи холщевый мешок служил мне простыней. Сафьяновые подушки дополняли мою постель в Москве. В качестве покрывала я использовал кусок толстого сукна в два локтя длиной»³. Пребывание Великой армии в Москве и ее окрестностях предоставило многим участникам похода возможность после долгого перерыва отдохнуть в более комфортной обстановке. «Не могу передать, как я обрадовался, когда получил крышу над головой, возможность сидеть на стульях, обедать за столом и на тарелках, ведь четыре месяца мы спали под открытым небом и питались, как свиньи, прямо на земле»⁴, – писал лейтенант голландской гвардейской артиллерии Ф. Ш. Лист 22 сентября.

Особенно радостно солдаты наполеоновских войск стали воспринимать возможность провести ночь в доме, будь то помещицья усадьба или крестьянская хижина, в период отступления, когда холода становились все сильнее. Капитан Старой гвардии Луи Бро писал жене 5 ноября: «По счастливому случаю сегодня в качестве жилища у меня крестьянский дом или, точнее, хижина. Я укрылся от снега и ветра, и мои пальцы отогреваются»⁵. Днем ранее капитан А. де Верженн высказался более критично о том жилище, где остановился на ночлег вместе с генералом Ж. П. Думерком: «С позавчера мы расположились в крестьянской лачуге, а в этой милой стране сельские

Chuquet A. 1812. *La guerre de Russie*. T. 2. P. 71.

² *Lettres interceptées par les Russes*. P. 188.

³ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 17–18.

⁴ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 26.

Ibid. P. 200.

жители живут в печах, едва открытых свету дня». Но и он признавал, что найти на ночь даже такое место было большой удачей¹. После холода бивуаков возможность отогреться около печки, сменить одежду и, может быть, даже написать письмо воспринималась как огромное благо. Неизбежная при этом теснота – любое помещение до отказа забивалось страждущими – не казалась большим неудобством. «Вчера и сегодня я ночевал с товарищами в плохой комнате, где была какая-то печь. Нас было двенадцать, и нам было немного тесно. Но мне никогда не было так хорошо и в лучших спальнях мира. Провести ночь спокойно и в тепле, когда под тобой немного сена и когда можно снять ботинки, которые тебе жмут, – это удовольствие, которого не испытаешь во Франции в лучшей постели», – писал 11 ноября Ф. Френель, первый паж императора².

На пути следования Великой армии время от времени встречались богатые помещичьи усадьбы. Попасть на ночлег туда было особенно приятно, так как там можно было найти более или менее удобные условия, пропитание, средства для ухода за ранеными, а иногда и приятное общество. Генерал Моран писал жене, что в Москве его дивизия расквартирована в большом доме и у него лично есть все необходимое³. Неизвестный хирург писал из Толочина, что находится в замечательной усадьбе, хозяева которой очень к ним добры, а ему самому помогли оправиться от небольшого заболевания⁴.

Но чаще приходилось останавливаться в крестьянских и мещанских домах либо на бывших почтовых станциях. Подобные здания вызывали у французов множество отрицательных эмоций. Интендантский служащий 4-го армейского корпуса Ф. Л. Рео писал из Дубровны 10 ноября, что в сей момент он расположился в грязной лачуге у «отвратительных евреев», единственных обитателей города; лежит на соломенном тюфяке, укрывшись в темноте медвежьей шкурой и слушая, как в эту в ужасную снежную погоду зимний ветер заывает по всем углам деревянного дома. Рео ждет, когда бестолковый и грязный слуга приготовит ему суп, который он съест из деревянной миски, закусит мясом и запьет все это стаканом водки, отвратительной, но необходимой⁵. Из описания следует, что 10 ноября Рео еще не испытывал крайней нужды, если к обеду у него был суп, мясо и водка, однако он все равно высказывал общее недоволь-

Ibid. P. 197.

² Ibid. P. 295.

³ Ibid. P. 66.

⁴ Ibid. P. 250.

Ibid. P. 254.

ство происходящим. В будущем подобные замечания будут развиты в мемуарной литературе, и нужда и неудовольствие окажутся связанными именно со страной, где авторы пережили такие эмоции.

В мемуарах можно найти сходные описания условий ночлега Великой армии в России. Сержант Бургонь вспоминал, что к концу кампании уже любой дом, имеющий крышу, казался счастьем, особенно если в нем можно было найти еще и немного соломы на подстилку¹. Булар считал удачным свой ночлег в Орше, где он спал во дворе большого дома между двумя стенами в снегу². Видимо, основная усадьба была занята более знатными или более удачливыми участниками похода. Каstellан вспоминал, что во время отступления бывал счастлив, когда удавалось провести ночь в одной комнате с несколькими офицерами и лошадьми на полу на соломе³. Сегюр в своем сочинении не забыл упомянуть, что бараки, построенные солдатами корпуса Сен-Сира под Полоцком, были просторнее жилищ русских крестьян и столь же теплыми. Это могли бы быть хорошие военные поселения, достаточно защищенные как от суровой зимы, так и от нападений русских солдат⁴. Подобное заявление должно было демонстрировать превосходство цивилизованных французов, которые даже в условиях тяжелого военного похода успевают построить здания лучше, чем местные жители.

Не очень подробные описания участниками похода жилищ, в которых довелось провести ночь, во многом соответствовали тому образу России, который распространился в Европе в предыдущие эпохи. В стране потрясающее богатство и роскошь помещичьих усадеб и городских домов высшей знати соседствовали с ужасающей бедностью крестьянских хижин. Для многих жилых помещений основными характеристиками стали грязь, темнота и вонь. Правда, ближе к концу кампании такие особенности российских домов все меньше беспокоили солдат Великой армии.

§ 3. Мародерство, костюмы и лошади

Мародерство для войн начала XIX в. было явлением вполне обычным и широко распространенным, хотя формально считалось преступлением. Кодекс о наказаниях за военные правонарушения (*Le Code pénal militaire*) был принят во Франции еще 19 октября

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 299.

² *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 274.*

³ *Castellane, Boniface de. Journal... T. 1. P. 180.*

⁴ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 154.*

1792 г., в период Революции и впоследствии неоднократно дополнялся. Постановлением от 21 брюмера V года Республики (11 ноября 1796 г.) Директория определила перечень военных преступлений и наказания за них, в том числе и за мародерство. С этого момента во всех солдатских книжках были напечатаны список правонарушений (в алфавитном порядке) и меры наказания за них. Так, мародерство (*marauder*) подразделялось на три ступени: обычное, в этом случае пойманный мародер отдавался на суд своих же товарищей; постоянное мародерство, или рецидив, наказанием за которое были 3 года в кандалах; и мародерство в отношении товарищей по оружию, за которое полагалось наказание в 6 лет каторги. За кражу имущества у хозяина дома во время пребывания на постое предполагалось наказание в 10 лет каторги¹. Кроме того, мародерство на своей территории или на территории союзных государств каралось строже, чем на территории враждебного государства. Однако эффективность этих установлений была не слишком велика. Наполеон еще со времен Итальянской кампании 1797–1798 гг. не раз утверждал, что армия должна кормить сама себя за счет покоренных территорий, и его ближайшие подчиненные активно следовали этому правилу. Существовало также негласное разрешение изымать на оккупированной территории хлеб и фураж у населения, если в самой армии их регулярные выдачи не производятся.

Система снабжения армии предполагала также закупки всего необходимого у населения покоренной страны, однако на практике такие закупки мало отличались от грабежа. Нередко интенданты скупали продовольствие по установленным либо верховным командованием, либо ими же самими ценам, которые могли значительно уступать рыночным². В России для расчетов с продавцами могли использоваться фальшивые рубли ассигнациями, которые в большом количестве были отпечатаны накануне кампании 1812 г.

Однако в России для французов сложилась ситуация, отличная от всех прежних наполеоновских кампаний. Поскольку русские войска во время отступления старались увозить с собой или уничтожать на месте все, что могло оказаться полезным для неприятеля, а население с уходом армии бежало из своих домов, те припасы, которые французам удавалось найти на занятой ими территории, часто не имели хозяина, что подталкивало солдат, нуждавшихся буквально во всем, к присвоению этого «ничейного» имущества. А если законные владельцы и присутствовали, их интересы некому было защищать: в

Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 576.

² Стендаль. Собрание сочинений. Т. 15. С. 121.

оккупированных областях не осталось российских властей. Кроме того, частые пожары в захваченных французами поселениях служили дополнительным оправданием грабежам, поскольку если имущество не забрать, оно все равно погибнет в огне.

Накануне начала войны против России специальным декретом от 22 июня 1812 г. были организованы «превотальные комиссии» из пяти человек, игравшие роль специальных трибуналов для ускоренного суда над мародерами. В начальный период кампании эти комиссии заседали очень часто и выносили крайне суровые приговоры. В соответствии со специальными декретами императора и командующих корпусами мародеры, застигнутые в момент грабежа, подлежали расстрелу. Такое ужесточение наказания по сравнению с ранее установленными нормами было вызвано, в частности, тем, что земли бывшей Речи Посполитой, где начиналась кампания, считались территорией союзного государства. По-видимому, наиболее четко следовал этим указаниям и наиболее активно боролся за соблюдение дисциплины командующий 1-м корпусом Великой армии маршал Л. Н. Даву. Он по несколько раз в неделю отправлял Бертье рапорты с перечислением случаев мародерства, за которые виновные понесли наказание¹. В других корпусах также достаточно активно боролись за соблюдение дисциплины.

По мере продвижения французской армии вглубь страны становилось все сложнее организовывать снабжение, и солдаты все чаще были вынуждены самостоятельно добывать себе пропитание. Несмотря на все предыдущие решения и нормы военного кодекса, Наполеон теперь уже сквозь пальцы смотрел на грабежи, которыми занимались солдаты его армии. А в период нахождения в Москве император начал уже вполне открыто поощрять грабежи. Согласно его приказу от 15 сентября воинские части, стоявшие за городской чертой, должны были регулярно направлять в Москву наряды для поиска съестных припасов, кожи, сукна, мехов². Наличие такого приказа подтверждают письма лейтенанта П. Паради от 25 и Кудера от 27 сентября³. Наполеон в посланиях Марии-Луизе и императору Александру I подтверждал, что фактически санкционировал грабежи в Москве, так как у солдат не было другой возможности снабжения себя всем необходимым⁴. Такими замечаниями он косвенно подтверждал распространенные в Европе стереотипы о варварстве рус-

Соколов О. В. Армия Наполеона. С. 338–339.

² *Gardier L.* Journal de la Campagne de Russie en 1812. P., 1999. P. 53. Lettres interceptées par les Russes. P. 24, 52.

⁴ *Земцов В. Н.* 1812 год. Пожар Москвы. С. 132–133.

ских, которые ведут войну «не по правилам»: население бежит от завоевателей, все припасы по возможности вывозятся, как следствие нормальное снабжение армии за счет закупок у местного населения налажено быть не может. По окончании большого пожара император французов попытался было остановить грабежи, о чем упомянул сулейтенант П. Беснар в своем письме к жене от 23 сентября¹, но все императорские приказы, как и приказы генералов и маршалов по их частям, не имели особого эффекта. Тем более что в начале октября Наполеон приказал начать собирать трофеи в Москве для их вывоза во Францию, и этот процесс прикрыл продолжавшееся мародерство всей Великой армии в городе и окрестностях. О тщетности усилий по прекращению грабежей свидетельствует, например, упоминавшийся курьер императорской квартиры Бастие, который писал 17 октября из Гжатска, что солдаты вынуждены мародерствовать, так как «у нас нет ни дома, где можно было бы найти приют, ни соломы, чтобы устроить бивуак»².

В эпоху Наполеоновских войн грабеж местного населения всегда являлся важным источником провизии для французской армии³, однако во время похода на Россию он стал фактически основным, а иногда и единственным таким источником. Еще с начала кампании многие части, включая гвардейские, были вынуждены мародерствовать, чтобы добыть себе самое необходимое. Гвардейский артиллерист Булар еще в августе, когда армия продвигалась от Смоленска к Гжатску, писал, что каждый день вынужден отряжать людей на поиски пропитания⁴. При описании московского пожара все без исключения мемуаристы упоминают о том, что именно и в каком количестве они сами, их друзья и знакомые раздобыли в городе за время его оккупации.

В Москве одновременно с французами грабежами занималось и оставшееся русское население города, а также раненые и отставшие от своих частей солдаты русской армии. Порой россияне оказывались первыми, кто пытался поживиться имуществом, оставленным без присмотра⁵. Судя по всему, грабежи в Москве приняли небывалый размах, наряду с индивидуальными поисками имели место и ор-

¹ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 30.

² *Ibid.* P. 173.

³ *Forrest A. Conscripts and Deserters: The Army and French Society During the Revolution and Empire*. New York, 1989. P. 105.

⁴ *Boulart J. F. Mémoires militaires*. P. 251.

Подробнее см.: *Земцов В. Н.* 1812 год. Пожар Москвы. Гл. 2. § 2.2, 2.3; Гл. 3. § 3.1.

ганизованные экспедиции по городу и его окрестностям, санкционированные армейским начальством. Роль грабежей в снабжении армии росла, поэтому в воспоминаниях участников похода можно найти множество подробных описаний соответствующих эпизодов. Бургонь писал, что 17 сентября получил от своего капитана приказ взять команду в 10 человек и отправиться на поиски пропитания. Одновременно была отправлена еще одна команда в 20 человек. В тот момент, по словам мемуариста, грабежи и мародерство были уже разрешены, но командование рекомендовало проводить их с максимально возможным соблюдением порядка¹. Мародерством занимались представители самых разных чинов и званий. Куанье упоминал полковника, служившего при генеральном штабе в Малой императорской квартире, который каждый день выходил на промысел с тремя слугами, чтобы купить или украсть что-нибудь ценное².

Возвращаясь со свитой императора в Москву из Петровского. Ф. Сегюр видел, сколько сокровищ удалось добыть армии в городе за время пожара. В военных лагерях, через которые он проезжал, «прямо посреди грязного и холодного поля были устроены огромные костры из мебели красного дерева, из резных наличников и дверей. Вокруг этих костров на грязных соломенных подстилках, дополненных лишь несколькими досками, мы видели солдат и офицеров, всех в грязи и почерневших от дыма, сидевших в креслах или валявшихся на канаве. У них под ногами или просто в кучах лежали кашемировые шали и самые редкие сибирские меха, вышитые золотом персидские ткани и серебряные блюда, с которых у них была возможность есть только черное тесто, запеченное в золе, и наполовину прожаренную конину с кровью»³. При этом, как можно понять из описания, московские богатства вскружили французским солдатам голову. Из города выносили все самое ценное, даже если транспортировка найденных предметов явно была затруднительна (как, например, мебели), в то время как продовольствия, которого армии явно не хватало, находили или набирали недостаточно, о чем свидетельствовал скудный рацион солдат и офицеров, мимо которых следовал кортеж Наполеона.

Важнейшим фактором успеха или неудачи в войнах всегда была мобильность армии. В начале XIX в. мобильность обеспечивалась в

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 31.

² *Les cahiers du capitaine Coignet.* P. 326.

Séjour Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 44.

первую очередь лошадьми, без которых была невозможна разведка, преследование, быстрые атаки, транспортировка грузов на большие расстояния. Именно поэтому Д. Ливен назвал лошадь, а не человека величайшим героем российской военной эпопеи 1812–1814 гг.¹ Превосходство русской армии в части скорости и четкости передвижений во многом обеспечивалось именно превосходством в конском составе, который оказался более многочисленным, чем у французов, лучше подготовлен к условиям войны в России. Имевшиеся резервы российской экономики позволили армии быстрее восстанавливать потери в конском составе, что стало особенно значимо в ходе кампаний 1813–1814 гг. Важным фактором стал также массовый падеж лошадей Великой армии, который начался уже с первых дней кампании и только усиливался из-за недостатка фуража и ускоренных маршей, а удаленность коммуникаций с основными конными заводами Европы не позволяла эффективно восполнять потери.

Позднее мемуаристы будут утверждать, что Великая армия уже в первые дни кампании потеряла тысячи лошадей, подчеркивая таким образом эпический масштаб всего предприятия. Описывавший в большей степени собственные переживания и не склонный к масштабным обобщениям Булар много писал о трудностях своей части (гвардейской артиллерии), но и он отмечал, что уже к 30 июня потерял 90 тягловых лошадей и 70 маленьких крестьянских лошадок. Этого можно было бы избежать, если бы он запасся фуражом в достаточном количестве².

Как уже отмечалось, после ухода из Москвы Великая армия испытывала крайнюю нехватку лошадей для кавалерии, артиллерии и транспорта. Дефицит фуража и отсутствие надлежащего ухода за лошадьми вынудили уже в Москве формировать сводные части из спешенной кавалерии, а четыре корпуса кавалерийского резерва, находившиеся в составе Великой армии к началу кампании, были объединены в два. Трудности с фуражом были очевидны, и даже те, кому довольно долго удавалось содержать своих лошадей в порядке, предчувствовали будущую их гибель. М. Ф. Шакан отмечал в письме от 29 сентября, что у него есть две лошади, упитанные и резвые, но он уверен, что из-за нехватки соломы ему рано или поздно придется их убить³. В ноябре 1812 г. строевых лошадей осталось уже так мало, что для охраны императора Наполеона пришлось формировать так называемый Священный эскадрон, куда вошли преимущественно

Lieven D. Russia against Napoleon. P. 7.

² *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 243–244.*

³ *Lettres interceptées par les Russes. P. 59.*

старшие офицеры Великой армии, оставшиеся к тому моменту без подчиненных. Артиллерия также постоянно теряла лошадей и потому становилась все менее мобильной. В письме, которое, вероятно, было написано генералом Л. Фуше де Кареем¹, командующим артиллерией 3-го корпуса, говорилось: «Никогда кампания не была столь тяжелой для артиллерии, очень трудно сохранить лошадей живыми, и нет никаких возможностей заменить павших»².

Между Москвой и Смоленском еще иногда удавалось купить лошадей у местного населения или у мародеров. Но после того как по этим территориям в конце лета – начале осени прошли две армии, лошади, годные к службе, оказались в большом дефиците. Возможно, поэтому Бонифаций Кастеллан в письме от 6–13 ноября четко различал тех лошадей, которых привел из Франции (их он называет исключительно по кличкам), и тех, которых купил в России: последние презрительно обозначались в его корреспонденции собирательным словом *konia*. Впрочем, похоже, эти лошади действительно были не лучшего качества. По утверждению Кастеллана, две из них, купленные в Дорогобуже, не дошли даже до Смоленска, прослужив, таким образом, хозяину менее пяти дней³. Несколько иначе описывал местных лошадей Э. Рибо, который в письме к дяде утверждал, что сейчас есть единственный способ путешествия по этой стране – на ослах или на *les konia*, маленьких российских лошадакх, которых никогда не подковывают и которые питаются соломой с крыш и всем, что могут найти. И только с их помощью можно надеяться преодолеть российские дороги⁴. Скорее всего, разница в оценке качества купленных лошадей связана с личным везением покупателя: вероятно, Рибо достались более выносливые животные, чем Кастеллану. Подобное наименование русских крестьянских лошадей, видимо, было достаточно широко распространено и даже перекочевало в мемуары сержанта Бургоня⁵, став частью специфики похода в Россию.

В период отступления от наличия или отсутствия лошади нередко зависела жизнь участника похода. Уже находясь в Кенигсберге, А. Бейль констатировал: «Лошадь в то время означала жизнь»⁶. Те, кому удалось сохранить средства к передвижению, ощущали себя в большей безопасности. Так, упоминавшийся Э. Рибо писал отцу, что

Lettres interceptées par les Russes. P. 169. Примеч. 2.

² Ibid. P. 170.

³ Ibid. P. 204–205.

⁴ Ibid. P. 231–232.

Bourgogne A. J. V. Mémoires. P. 197.

⁶ *Стендаль.* Собрание сочинений. Т. 15. С. 135.

у него «хорошая лошадь, что важно, если останешься в этой стране один, поскольку могут напасть казаки – легкие всадники, которые “порхают” вокруг армии»¹. А вот те, кто по каким-либо причинам не имел верховых или гужевых лошадей, были настроены весьма пессимистично относительно своего будущего. Уже упоминавшийся Жорж писал жене еще 30 сентября, что потерял лошадей и многие теплые вещи, а потому ему будет трудно выдержать начинающуюся зиму². Сходные настроения 7 ноября высказывал и граф П. Межан, секретарь штаба Е. Богарне, добавляя, что в настоящий момент не в состоянии купить новых хороших лошадей взамен погибших, так как не настолько богат. Инженер-географ Ж. Лоренсан писал, что в Смоленске лошадь стоила не менее 500 франков³, что для подавляющего большинства участников кампании было запредельной суммой.

Больше всего от мародерства страдало местное население, но нередко были во французской армии и случаи грабежа своих товарищей. Угроза наказания не удерживала солдат от присвоения имущества своих товарищей, тем более что при постоянном перемещении крупных воинских соединений поймать виновников было сложно. Так, А. Бейль еще по пути в действующую армию потерял свою коляску, которую, как он полагал, разграбили мародеры. В результате этого он лишился имущества на 4 тысячи франков⁴. Особенно сложно стало поддерживать дисциплину в войсках после вступления в Москву и большого пожара, когда солдаты оказались в покинутом большинством жителей огромном и все еще богатом городе. Шеф эскадрона конных егерей императорской гвардии П. Ла Биф писал матери 15 октября, что в то время, пока он нес службу при императоре, у него украли все, включая форму и белье, а всего он, по его подсчетам, потерял имущества примерно на 100 луидоров и едва ли сможет возместить эту утрату, так как в городе уже не осталось никаких ресурсов⁵. Вполне вероятно, что ограблен он был кем-то из сослуживцев, так как бивуак императорской гвардии должен был охраняться, и проникнуть туда постороннему было бы непросто. Маркиз Биллиотти в письме жене от 1 ноября также упоминал о ма-

Lettres interceptées par les Russes. P. 193.

² Ibid. P. 62.

³ РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 40.

⁴ *Стендаль*. Собрание сочинений. Т. 15. С. 108.

⁵ Lettres interceptées par les Russes. P. 156.

родерах, которые доставляли много неприятностей армии, хотя больше вреда, по его мнению, все же приносили холода и недостаток продуктов¹. Под словом «мародеры» он имел в виду именно солдат Великой армии, так как «сторонники врага» упомянуты им отдельно.

Помимо вполне объяснимого в такой ситуации присвоения брошенного населением имущества, грабеж начался в рядах самой армии. Мемуаристы также не раз упоминали о случаях воровства в Великой армии. Еще в начале сентября Каstellану едва удалось пресечь попытку одного из солдат украсть у него шесть бутылок вина². Видимо, именно из-за боязни воровства некоторые младшие офицеры при выходе из Москвы, по свидетельству Бургоня, надевали на себя сразу все имевшиеся у них теплые вещи, хотя в середине октября еще не было настолько холодно³. Однако в отношении погодных условий под Москвой в середине октября мемуарист может быть не вполне точен, т. к. из писем мы знаем, что в это время уже случались заморозки⁴.

В период отступления в записях Каstellана почти каждый день можно найти перечисление того, что у него украли. И даже в Главной квартире никто не был застрахован от воровства товарищей по оружию. В результате беспечно оставленная им в вестибюле дворца, где остановился император, сумка стала добычей мародеров⁵. Воровство, судя по всему, достигло такого размаха, что один из друзей Каstellана вынужден был поставить свою лошадь рядом с собой на ночлег в комнате, хотя это и доставило изрядные неудобства как ему самому, так и окружающим. Однако на слуг, по словам мемуариста, уже нельзя было надеяться, а иметь лошадь для офицера в тот момент было жизненно необходимо⁶. О том, что такая предосторожность не была лишней, свидетельствует то, что у самого Каstellана именно на бивуаке 10 ноября украли лошадь⁷. Правда, у него она была не единственная, так что потеря не повлекла для него катастрофических последствий. Бургонь писал, что при проходе армии через Смоленск, в окрестностях которого было немало тел погибших в боях в августе и ноябре и много замерзших, солдаты останавливались у

Lettres interceptées par les Russes. P. 182.

² *Castellane, Boniface de. Journal...* T. 1. P. 144.

³ *Bourgogne A. J. B. Mémoires.* P. 55.

⁴ См. подробнее в настоящем издании: Ч. II. Гл. 5, § 2.

Castellane, Boniface de. Journal... T. 1. P. 179.

⁶ *Ibid.* P. 180.

⁷ *Ibid.* P. 184.

трупов не для того, чтобы их похоронить, а чтобы забрать их одежду и вещи¹.

Награбленное у местного населения имущество распределялось среди обладателей самых разных чинов и должностей. Кто-то лично участвовал в грабежах, а кто-то скупал награбленное или иным образом приобретал меха, драгоценности и прочее. Так, генералу Компану удалось добыть (*j'ai pu me procurer*) довольно много мехов, которые он подробно перечислил в письме к жене и упомянул, что собирается отправить их к ней при первой возможности². Служащий топографического бюро Великой армии М. Ж. Гийяр писал, что у него «в двух сумках немало прелестных вещей: много столового серебра, купленного по хорошей цене, 800 отличных жемчужин, украшения, одежда, очень красивые меха и среди прочего двое золотых часов, за которые я заплатил 24 франка и которые я не отдам даже за 25 луйдоров, цепочки и печатки»³. Солдаты, по свидетельству Стендаля, также являлись обладателями большого числа украшений и драгоценностей. В письме из Смоленска он отмечал: «Солдатам живется хорошо, у них полные чашки бриллиантов и жемчуга. Это счастливая часть армии, а поскольку их большинство, то, значит, так и надо»⁴. У солдат награбленное имущество было заметнее, так как они в массе своей происходили из небогатых семей и не могли принести с собой в Россию особых драгоценностей. Кроме того, у них обычно не было личного транспорта, где можно было бы спрятать от посторонних глаз награбленное. При этом те, кто по каким-либо причинам не раздобыл себе дополнительных средств в Москве, в большинстве своем оказались в весьма стесненных обстоятельствах, так как жалование в ходе кампании выплачивалось нерегулярно, о чем писал, например, шеф батальона 30-го полка Н. Вита, который вынужден был даже продать лошадь, чтобы обеспечить себя наличными средствами⁵.

В Москве, вскоре после окончания пожара, сложился импровизированный рынок, на котором можно было купить еду и различные предметы обихода. В корреспонденции из Москвы, отправленной в период с 20 сентября по 16 октября, можно найти множество упоминаний о покупках, которые совершали представители различных чинов и воинских подразделений. Так, упоминавшийся уже П. Беснар

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 87.

² *Lettres interceptées par les Russes. P. 97.*

³ РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 57.

⁴ *Стендаль. Собрание сочинений. Т. 15. С. 132.*

Lettres interceptées par les Russes. P. 28.

смог купить «сахару, кофе и прочей ерунды, но немного», а чиновник интендантской службы Проспер приобрел медвежью шкуру за 50 су¹. Именно меха и теплая одежда стали в тот период одним из наиболее популярных товаров, что говорит о некоторой прозорливости участников похода, понимавших, что в ближайшем будущем наступит «суровое время года», когда на зимних ли квартирах, или в походе придется постоянно спасаться от холода. Однако, несмотря на кажущееся обилие припасов, обнаруженных в оставленной жителями Москвы, постепенно товар на рынке начал иссякать. Тот же Проспер утверждал, что купить меха в первые дни было легко, но сейчас ситуация изменилась. Его слова подтверждал военный комиссар Ж. Досон, высказывавший жене опасения в письме от 15 октября, что упустил свой шанс запастись мехами по доступной цене, как сделали его товарищи. «Женских вещей, – писал он – практически нет, мужские есть, но по завышенным ценам»². Другой интендантский чиновник Ш. А. Лами был доволен тем, что достал хотя бы женскую шубу из лисы с белым атласом, тогда как у одного его товарища шуба тоже женская и к тому же розового цвета³. Поэтому надеждам моголевского интенданта барона Феске на то, что из Москвы к ним привезут меха хорошего качества⁴, не суждено было сбыться. Из текстов писем следует, что мехами участники похода запасались с двумя целями: утеплиться самим и довести эти богатства до родного дома, где они послужат подарками родным и близким, а также могут считаться заработком участников похода.

Из Москвы Великая армия вышла с большим обозом, везя в нем не только необходимые запасы продовольствия и одежды, но и награбленные в городе и его окрестностях богатства. Однако, уже подходя к Смоленску, наполеоновские войска лишились большей части своей добычи. Многие отставшие повозки были захвачены русской армией, а остальные обозы по ходу следования постоянно подвергались нападению русских летучих отрядов. Кроме того, из-за общей неразберихи многие владельцы оказывались в неведении относительно судьбы своих повозок. В переписке можно найти множество свидетельств того, что к приходу французской армии в Смоленск многие солдаты и офицеры лишились сменной одежды. Сотрудник топографической службы М. Ж. Гийяр писал 10 ноября: «Мы все потеряли, у меня осталась только рубашка, которая на мне. Видел Огюста, он в таком же положении, как и я. Он сражался пять часов».

Lettres interceptées par les Russes. P. 149.

² Ibid. P. 155.

³ Ibid. P. 168.

⁴ Ibid. P. 188.

защищая конвой, но все его вещи были захвачены казаками»¹. А вот первый конюший графа Нарбонна О. Кастеллан еще не терял надежды найти свою повозку, в которой была запасная теплая обувь, что было ему совершенно необходимо, так как у его башмака отвалилось полподшвы². К концу похода уже практически все его участники потеряли свое имущество. Маршал Бесьер, командовавший императорской гвардией, просил маршала Бертье выделить ему денег на необходимые закупки для его корпуса, ибо офицеры потеряли все свои вещи и лошадей, а полки – свои повозки³.

Во многих мемуарах авторы вспоминали о «братстве» участников похода и о том, что армия была одной большой семьей⁴. Так, Сегюр, рассказывая о подготовке французов к Бородинскому сражению, писал, что «Наполеон выставил портрет Римского короля на всеобщее обозрение; он хотел показать своей военной семье свою гражданскую семью и заставить этот символ надежды засиять перед лицом великой опасности»⁵. Примером такого «братства» и готовности жертвовать всем необходимым ради товарищей может служить история о том, как под Смоленском гвардейцы полка, где служил Бургонь, во главе с полковником оказали посильную помощь маркитантке мадам Дюбуа, когда у нее начались роды⁶.

Однако в период наиболее тяжелых испытаний это «братство» развалилось: участники похода начинали заботиться в первую очередь о себе. Бургонь писал, что с конца октября каждый стал беспокоиться о своем пропитании, не делясь найденными продуктами с товарищами⁷. Сам Бургонь, не стесняясь, рассказывал о том, что, отыскав как-то некоторое количество картофеля, не только не поделился с сослуживцами, но и тщательно спрятал находку, стараясь есть, только когда его никто не видел⁸.

Понятно желание каждого автора воспоминаний сделать свой текст более интересным для читателя, а потому мемуаристы обычно стремились заострить внимание на специфике собственных переживаний и особом личном опыте. В случае с походом Наполеона в Россию важной частью этого уникального опыта стало именно падение дисциплины и распространение мародерства в Великой армии.

РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 57.

² *Lettres interceptées par les Russes*. P. 271.

³ *Chuquet A.* 1812. *La Guerre de Russie...* Т. 3. P. 162.

⁴ *Petiteau N.* *Guerriers du Premier Empire*. P. 27 и далее.
Ségur Ph. P. *Histoire de Napoléon*. Т. 1. P. 278.

⁶ *Bourgogne A. J. B.* *Mémoires*. P. 66–67.

⁷ *Ibid.* P. 61.

⁸ *Ibid.* P. 72.

И даже те авторы, которые, по их собственным утверждениям, не участвовали в общих грабежах, отвели немало страниц описанию таковых, нередко осуждая такие случаи. Личные переживания авторов и их отношение к описываемым событиям связывались в их сознании прежде всего с местом действия и таким образом косвенно влияли на формирование образа страны.

Еще одной бытовой проблемой, с которой столкнулась Великая армия в России, был недостаток теплой одежды, который стал сказываться уже в сентябре, что заставляло участников похода использовать для утепления самые разнообразные, часто не подходящие для военных, способы. «Если бросить взгляд на то место, где стоял наш полк, мне кажется, можно было увидеть собрание всех народов мира, поскольку наши солдаты были одеты как калмыки, китайцы, казаки, татары, персы и турки, и в то же время они были одеты в самые дорогие меха. Некоторые наряжались по моде французского двора со шпагами, украшенными бриллиантами», – описывал сержант Бургонь московский бивуак своего полка¹. Французы, видимо, и сами ощущали некоторую ирреальность происходившего, что подтверждает их частная переписка того времени, о чем говорилось в предыдущей главе. Бургонь вспоминал, что в конце сентября его сослуживцы нашли множество дорогих женских и мужских костюмов самых разных народностей, в том числе относящихся к эпохе Людовика XVI, и потому вечером решили устроить бал².

Желание приобрести меха испытывали с приближением зимы все солдаты Великой армии. Представители всех званий и сословий стремились купить или выменять для себя шубы либо отдельные меховые вещи. При этом многие были вынуждены надевать на себя не изящные меховые изделия, пошитые в соответствии с модой того времени, а все, что смогли достать. Часто это была довольно грубо сделанная одежда, предназначенная для низших слоев. Придя в «варварскую» страну, завоеватели и сами приобрели поистине варварский вид. Они кутались в изделия из волчьих³, медвежьих⁴ и овечьих⁵ шкур, всегда считавшихся одеждой варваров. Полковник Ф. Парге не только заказал себе теплые сапоги из медвежьей шкуры, мехом внутрь, но и, как шутил он в письме к жене, размышлял о том, как бы подбить мехом свой нос⁶.

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 22.

² *Ibid.* P. 49–50.

³ *Lettres interceptées par les Russes. P. 111.*

⁴ *Ibid.* P. 61, 149, 254 и др.

Ibid. P. 190.

⁶ *Ibid.* P. 61.

Уходя из Москвы, армия, по свидетельству Бургоня, выглядела столь же карнавальными: многие младшие офицеры носили, как паши, меховые изделия из горностая и куницы, а также шкуры львов и медведей, надевая по нескольку зараз, курили дорогие трубки и добавляли в пунш ямайский ром¹. Сам Бургонь уносил с собой из Москвы женский капот орехового цвета² и на протяжении большей части отступления на бивуаках и даже на марше кутался в медвежью шкуру³.

В Москве у многих участников похода была возможность пополнить свой гардероб теплой одеждой, которой там даже после пожара оставалось в изобилии. По словам Коленкура, в первые дни после вступления в Москву в городе постоянно находили склады или скрытые подвалы с мехами, тканями и т. п., поэтому каждый имел возможность подготовиться к зиме, как он считал нужным⁴. Как и письма, мемуары пестрят упоминаниями о самых разных фасонах верхней одежды из различных материалов, которой удалось разжиться солдатам Великой армии. Награбленное часто тут же пускали в продажу. Куанье пишет о том, что солдаты предлагали ему купить соболью шубу и шкуру медведя по сорок франков каждая⁵. Несколькими страницами позже он упоминал о замечательной сибирской лисе, которую ему демонстрировал некий полковник генерального штаба⁶. Но самым популярным меховым изделием, если судить по мемуарам, была все же медвежья шкура (как правило, упоминалась именно шкура – *peau d'ours*, а не шуба). Она, как уже говорилось, спасала от холодов сержанта Бургоня, майор Булар ночевал на такой же вместе с маршалом Лефевром⁷. Собственная медвежья шкура была и у Каstellана: он особо отмечал, что 31 октября один из поляков забрал ее себе⁸. И даже обер-штальмейстер императора А. Коленкур купил медвежью шубу, хотя и жаловался, что та была довольно тяжелой⁹. По утверждению Куанье, и у императора Наполеона была в распоряжении одна медвежья шкура¹⁰.

В начале XIX в. немногие французы в обычной жизни носили меха, а тем более шубы, что объяснялось особенностями климата

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 55.

² *Ibid.* P. 57.

³ *Ibid.* P. 72, 137

⁴ *Caulaincourt A. Mémoires.* T. 2. P. 26.

⁵ *Les cahiers du capitaine Coignet.* P. 324.

⁶ *Ibid.* P. 327.

Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 274.

⁸ *Castellane, Boniface de. Journal...* T. 1. P. 178.

⁹ *Caulaincourt A. Mémoires.* T. 2. P. 73.

¹⁰ *Les cahiers du capitaine Coignet.* P. 320.

Франции, относительной дороговизной мехов в Европе и тенденциями моды (как правило, мех шел как дополнительное украшение; иногда его использовали на подкладку, в то время как шубы в Европе практически не носили). Поэтому для многих мемуаристов такое количество разнообразных по качеству и стоимости меховых изделий стало специфической чертой российской действительности, о чем они не преминули написать в своих сочинениях. Употребление прилагательного «сибирский» при характеристике мехов (*сибирская лиса* у Куанье и других), а также постоянное упоминание о медвежьих шкурах делали меха атрибутом варварского мира, а не просто особенностью России, как страны с более холодным, чем во Франции, климатом. Тот факт, что меха используются в виде шкур и не всегда перешиваются в верхнюю одежду, соответствующую моде, служил дополнительным доказательством варварства русских. Хотя в действительности шкуры часто использовались в России в качестве покрывал, что было оправданно особенно при дальних зимних поездках в санях. Но об этом факте мемуаристы, как правило, забывали. Облачаясь в местную одежду, Великая армия сама приобретала некоторые варварские черты.

Многочисленные сравнения французских войск во время их пребывания в Москве и в начальный период отступления с различными восточными народами (китайцами, татарами, турками, персами и т. п.) превращали армию просвещенных завоевателей в варваров и одновременно придавали всему происходившему несколько карнавальныи характер. Об этом прямо написал в своих воспоминаниях немец фон Йелин: «Французская армия после выхода из Москвы походила скорее на толпу, нагрянувшую в беспорядке из неведомой страны, наряженную во всевозможные одежды и теперь уже напоминающую собой маскарад»¹. С помощью подобных картин мемуаристы пытались оживить повествование и сделать его более увлекательным для читателя.

Пестрый внешний вид солдат Великой армии способствовал падению дисциплины и превращал солдат в разношерстную толпу. Поэтому в Главной квартире придавали большое значение внешнему виду и, по словам Каstellана, только в конце октября разрешили носить «меховые колпаки»². Булар утверждал, что необычный внешний облик французской армии сообщал всему походу несколько дикий характер. Эта дикость, по его мнению, выражалась в том, что с первыми холодами каждый облачился в ту одежду, которая казалась

Йелин Х. Ф. фон. Записки офицера армии Наполеона. С. 159.

² *Castellane, Boniface de. Journal...* Т. 1. Р. 178.

ему наиболее теплой. Офицеры без разбора натягивали шубы и пальто на меху всех цветов и фасонов, невзирая на то, что некоторые вещи были женскими. Головные уборы были не менее разнообразны¹. Но в отличие от Бургоня, который, похоже, старался скорее развлечь читателя, из-под пера Булара вышло мрачное и отталкивающее описание облика Великой армии: «В эти одежды были облачены человеческие фигуры с грязными и обожженными волосами, со зловещими и подавленными взглядами, с длинными и густыми бородами, с еще более длинными усами, завернутые в грязные и прокопченные шкуры. Представьте себе сосульки, свисающие из-под носа до пальто или шубы; иней, покрывающий ресницы, усы и волосы... одежды, подвязанные веревками... и вы будете иметь примерное представление о том зрелище, какое мы из себя представляли. Солдаты являли собой еще более ужасающее разнообразие. Самые оборванные нищие вызывают жалость, а наш вид, скорее, навевал ужас»². Необычный внешний вид солдат Великой армии во время отступления, о чем писали почти все мемуаристы, превращал французских солдат немного в варваров.

Картины «варваризации» французов часто соседствуют с описаниями героического преодоления участниками похода выпавших на их долю трудностей. Бургонь, с одной стороны, писал о том, что прятал от товарищей найденный провиант, с другой – рассказывал о старом гвардейце, который на бивуаке под Смоленском ругал императора Александра, страну и русского бога, обвиняя их во всех несчастьях Великой армии, а потом спросил, раздавали ли уже солдатам водку. И когда узнал, что не раздавали и вряд ли будут, то кротко вымолвил: «Что ж, придется помирать». Эти слова произвели такое впечатление на молодого немецкого офицера, что он отдал гвардейцу свое пальто и бутылку водки. Тот ответил: «Спасибо, вы не дали мне умереть. Если представится возможность спасти вашу жизнь ценой моей, можете быть уверены, я не стану колебаться ни мгновения!»³ Наряду с упрочением наполеоновского мифа (в бытовых трудностях гвардеец обвиняет кого угодно, но не интендантские службы Великой армии и уж тем более не ее командующего), укрепляется и легенда о «несокрушимой старой гвардии». В другом месте тот же автор писал, что на подходе к Смоленску многие полки существовали уже только на бумаге: «Но мы – императорская гвардия – шли через город, шли с трудом, ибо были крайне изнурены, а нужно было еще взбираться

Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 269.

² *Ibid.* P. 269.

³ *Bourgogne A. J. B. Mémoires.* P. 89.

на обрывистый берег Борисфена к противоположным воротам; подъем этот был покрыт льдом, и каждое мгновение кто-то более слабый падал, ему помогали подняться, а тех, кто не мог идти дальше, несли на руках»¹.

Сочетание варваризации французов и героизации всего похода закрепляло негативный образ страны, завоевание которой потребовало таких усилий, что даже просвещенные французы на какое-то время превратились в варваров. Символом подобного сочетания служит уже упомянутый выше рассказ о выжившем на Бородинском поле раненом, который в течение полутора месяцев питался мясом мертвой лошади и пил воду из канавы. Этот рассказ должен был символизировать судьбу всей Великой армии, тяжело раненой при Бородино, прошедшей затем через нечеловеческие испытания, но все же сумевшей вырваться из объятий смерти.

Бытовые трудности, непривычное питание, тяжелый климат, мародерство, воровство у товарищей по оружию и общее падение дисциплины стали неотъемлемой частью воспоминаний о российском походе 1812 г., а также сложившейся в мемуарах участников похода мифологии кампании, связанной с преодолением огромных трудностей и страданиями. В отличие, например, от Итальянского похода Бонапарта 1796–1797 гг., в ходе которого армия будущего императора также очень активно занималась грабежом местного населения, а предметы искусства, вывезенные с территории Италии, измерялись повозками. Однако Итальянский поход в исторической памяти французов в первую очередь связан с героическими событиями на полях сражения, тогда как кампания 1812 г., тоже заметно романтизированная, в первую очередь связана с преодолением трудностей и стойкостью французских солдат по отношению к страданиям, перенесенным в России. И эти страдания часто связываются с особенностями страны, ее дикостью и варварством, где и представители цивилизованных наций становятся немного варварами.

Только в варварской стране могли возникнуть подобные трудности с едой, только в «нецивилизованной стране» могли существовать такие дома, где царит темнота, теснота и вонь, и лошади здесь отличаются от французских настолько, что их можно именовать только пренебрежительно – *konia*. Описание подробностей походного быта можно найти почти в каждом письме, так как они волновали участ-

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 86.

ников похода едва ли не больше всего. Пребывание в подобных условиях обращало и самих завоевателей в варварское состояние. А. Бейль, описав положение в Москве перед пожаром, заключил: «Мы привезли на смену этим любезным господам (высшей знати Москвы. – *Н. П.*) самое страшное варварство. Вы не узнали бы, сударыня, самых приятных своих знакомых»¹.

В мемуарах и письмах участников похода много внимания уделялось бытовой стороне жизни армии. Во многом именно трудности с питанием, фуражом, ночлегом и необычные костюмы, в которые французы вынуждены были облачаться из-за недостатка теплых вещей, и стали одними из самых специфичных переживаний участников похода, которыми они хотели поделиться с читателем. И в других походах французская армия, случалось, испытывала недостаток продовольствия, но в России ситуация усугублялась большими потерями конского состава, из-за чего имевшийся провиант становилось все сложнее перевозить, и холодами, что в совокупности сделало положение армии катастрофическим. При этом, как и в период самой кампании в письмах, мемуаристы избегали говорить о слабой работе служб снабжения, а предпочитали просто описывать свалившиеся на них трудности, иногда подчеркивая, что это был самый тяжелый поход в истории Наполеоновских войн. В результате для читателя переживаемые армией лишения становились частью образа России, что только дополняло представление о ее цивилизационной отсталости. Рассказы о специфичном русском хлебе, твердом как камень и полном соломы, о необходимости питаться мясом лошадей, иногда в сыром или полуготовом виде, одеваться в звериные шкуры и «все одежды мира» обеспечивали дополнительный интерес повествованию и придавали всему происходящему ирреальный, карнавальский характер. Попытки некоторых мемуаристов, например Коленкура, реабилитировать страну и возложить вину за большое число жертв среди солдат Великой армии на неорганизованность самих французов, не нашли отклика в большей части сочинений о русском походе 1812 г. и не разрушили выстроенную легенду о героическом преодолении лучшими солдатами Наполеона всех препятствий в тяжелейших условиях российской действительности.

Lettres interceptées par les Russes. P. 161.

Глава 3. Русская армия и ее тактика в представлениях участников похода в Россию

§ 1. Письма участников кампании 1812 г. о ходе боевых действий

К началу 1812 г. во французском обществе уже накопилась усталость от постоянных войн, дальних походов и связанных с ними напряжением сил и ресурсов страны. Подобные настроения отмечал и сам император Наполеон, когда говорил о своих маршалах, что они хотят жить в роскоши собственных дворцов, а не на бивуаках. Популярность военной службы постепенно падала, росло дезертирство среди призывников. Пик числа дезертиров за всю наполеоновскую эпоху пришелся на 1811 г.: к 15 февраля таковыми числилось более 86 тысяч человек. В следующем году благодаря ряду административных мер и активной деятельности военной полиции число дезертиров удалось снизить до 26 тысяч на 1 января, но к 1 февраля их количество опять выросло почти до 38 тысяч¹.

Безусловно, немало было и таких, кто горел желанием служить, добиваться чинов и отличий, да и в конце концов просто посмотреть мир в военных походах. И когда стали распространяться слухи о том, что готовится поход против России, который, возможно, перерастет в поход против Индии, число дезертиров стало падать, но по-прежнему оставалось весьма значительным. О напряженной ситуации в призывном деле свидетельствовало, например, письмо Н. Старета к своему сыну, солдату 37-го линейного полка, где он настоятельно рекомендовал ему слушаться офицеров и не думать о дезертирстве. Там же сообщалось, что сын неких Пуарелей недавно дезертировал вместе с другими и теперь его ищет жандармерия; если же найдет, то наказанием станет около 1000 франков штрафа и по крайней мере 4 года в кандалах². Некто Клод Прюдом также советовал своему сыну быть послушным и четко исполнять все приказы офицеров и особенно капитана³.

Наряду с теми, кто рассматривал этот поход как приключение и возможность увидеть мир, много было и тех, кто уже с самого начала кампании относился к ней скептически и желал, чтобы их родственники как можно скорее вернулись домой, независимо от полученных чинов, званий или наград. Мадам Уллиак 29 июля писала своему му-

Histoire militaire de la France. T. 2. de 1715 à 1871 / sous dir. de Jean Delmas. P., 1992. P. 312–313.

² Lettres interceptées par les Russes. P. 5.

Ibid. P. 1.

жу полковнику штаба 8-го корпуса: «Хоть бы эти несчастные русские, теснимые нашими храбрецами, попросили наконец мира! Мира! Который дал бы порядочным людям отдых и славу!»¹ Уже упоминавшийся Н. Старет сообщал сыну, что война началась, несмотря на то, что вся Европа желала мира².

На протяжении всей кампании в переписке нередко можно найти отголоски сильного желания авторов поскорее закончить войну. Сражение при Бородино французы считали выигранным, однако они были измождены и обескровлены им. В первые дни после Бородинской битвы во многих полках в наличии было лишь несколько десятков человек, тогда как остальные выжившие разбрелись по окрестностям, чтобы найти отдых и пропитание³. После вступления в Москву в письмах военных самых разных чинов все чаще сквозит усталость от войны и высказывается желание скорейшего установления мира. Многим участникам кампании казалось очевидным, что заключение мира станет логичным результатом сдачи русскими своей исторической столицы, поражения в генеральном сражении и утраты обширной территории. Артиллерист голландской гвардии Ф. Ш. Лист выражал надежду, что после поражения в битве на Москве-реке и фактического уничтожения русской армии император Александр I должен скоро запросить мира⁴. Выдавая желаемое за действительное, французы готовы были видеть едва ли не в любом известии из лагеря неприятеля подтверждение того, что и сами русские хотят прекращения войны. Так, в письме А. де Ноайля от 15 октября упоминается о беседе одного из польских офицеров авангарда И. Мюрата с казацким офицером, выразившим надежду на скорое заключение мира. Император Наполеон, узнав об этом разговоре, тоже высказался за скорейшее примирение двух враждующих сторон⁵.

О мирных переговорах между российским и французским командованием как свершившемся факте Жорж писал своей жене 6 октября⁶. Артиллерийский офицер К. Ришар в письме знакомому, командовавшему артиллерией в Лилле, делился мечтой о скором мире⁷

Ibid. P. 5.

² Ibid. P. 5.

³ *Земцов В. Н.* Армия Наполеона 8 сентября 1812 года (К вопросу о результатах и последствиях Бородинского сражения) // *Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации.* Ч. 2. Вологда, 2000. С. 152–153.

⁴ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 26.

Ibid. P. 118.

⁶ Ibid. P. 64.

⁷ Ibid. P. 334.

Этот документ тем более важен, что свидетельствует о широком распространении пацифистских настроений, ведь Ришар служил в корпусе Удино под Полоцком. Своеобразный итог подобным настроениям подвел генерал Э. Груши в письме жене от 16 октября: «Вся армия желает мира, поскольку очень в нем нуждается»¹. А барон де Бомон даже высказал предположение, что скоро будет объявлено перемирие на шесть месяцев и армия разместится на зимних квартирах². Безусловно, такой вариант был бы очень желателен для французов, поскольку позволил бы им сохранить *status quo* на театре военных действий до открытия следующей кампании, подтянуть резервы и в новом году добиться мира на выгодных для себя условиях. При этом авторы указанных писем даже не пытались рассматривать ситуацию с точки зрения неприятеля (России), насколько ему в данной ситуации нужен был этот мир.

В сентябре участники похода еще были преисполнены оптимизма относительно возможного исхода кампании, полагая, что даже если мир не будет заключен, Великая армия сумеет нанести неприятелю еще одно поражение. Так, солдат Маршал утверждал, что русские, похоже, не хотят заключать мир, но им скоро придется узнать, что такое воевать против французов. Он же писал, что целью кампании следующего года станет Санкт-Петербург³. Дивизионный генерал барон Р. Ж. Эксельманс также предполагал, что если русские не попросят мира до следующего года, они в этом горько раскаются⁴.

После того как Великая армия оставила древнюю российскую столицу, стало окончательно ясно, что мир едва ли будет заключен в ближайшем времени и война с Россией продолжится. Однако участники похода еще сохраняли надежду получить возможность для отдыха на всю зиму в пределах Российской империи. До прихода в Смоленск основных сил Великой армии многие надеялись, что армия встанет на зимние квартиры в Вильно, ибо этот город считался дружественным и располагался заметно ближе к Франции, чем Смоленск, Витебск или Минск. «Если даже у нас не будет мира, мы получим небольшой отдых», – писал 7 ноября граф Межан своей супруге⁵. Генерал Барагэ д'Ильер в письме к жене от 31 октября утверждал, что все солдаты надеются на мир, а офицеры хотят его даже

Lettres interceptées par les Russes. P. 339.

² Ibid. P. 101.

³ Ibid. P. 34.

⁴ Ibid. P. 110.

Ibid. P. 211.

еще больше¹. В расчете на долгую российскую зиму Плейоль де Бриа даже надеялся успеть съездить повидаться с женой. Он полагал, что ему удастся получить отпуск на то время, пока армия будет стоять на зимних квартирах². Во время пребывания в Смоленске некоторые участники похода еще надеялись, что кампания практически закончена. Полковник 93-го полка П. Ф. Бодуэн считал, что после организации королевства Польского Смоленск станет важным опорным пунктом на Борисфене (Днепре) и их полк разместится на зимние квартиры в окрестностях этого города³. Никто пока не предполагал возможности скорой гибели армии Наполеона в России и того, что многие из участников похода проведут эту зиму в российском плену.

На отношение отдельных участников похода ко всей кампании большое влияние оказывали их личные успехи и продвижение по службе либо, напротив, персональные неудачи. Инспектор смотров Делекур писал жене, что маршал Даву, кажется, попросил для него титул барона. И добавлял: «Если мне его пожалуют вместе с дотацией, тогда, разумеется, можно будет считать, что я провел великолепную кампанию, поскольку моя судьба будет обеспечена хорошим состоянием»⁴. Э. Рибо писал, что рад начать службу «с трудной и утомительной кампании»⁵. Для молодого человека двадцати двух лет он уже сделал неплохую карьеру. Благодаря родственным связям с графом Дарю Рибо получил хотя и небольшой, но безопасный и сулящий удачную карьеру пост в интендантском ведомстве. Успехи в карьере очень сильно зависели в ту эпоху от наличия влиятельных покровителей. Об этом свидетельствует большое количество просьб от различных родственников и знакомых об устройстве их сыновей, обращенные, например, к генералу М. Дюма⁶.

Однако не все были настроены столь оптимистично. Явную усталость от войны высказывал чиновник Государственного секретариата Рейон. В письме матери он признавался, что его очень пугает необходимость в следующем году вернуться в Россию с Великой армией, и выражал надежду на то, что супруга позволит ему отказаться от дальних служебных поездок и остаться во Франции⁷. В письме к жене он еще подробнее рассказывал о своем желании перестать ездить в

Ibid. P. 343.

² Ibid. P. 209.

³ Ibid. P. 213.

⁴ Ibid. P. 187.

Ibid. P. 195.

⁶ Ibid. P. 202–203.

⁷ Ibid. P. 190.

далекие служебные командировки, даже если сие будет связано с заметным сокращением их доходов. Он просил ее использовать свои связи и попытаться добиться для него другой должности в Государственном секретариате¹. Схожие настроения высказывал и Бейль. Еще 24 августа он писал своему другу Феликсу Фору в Гренобль, что не очень-то счастлив, попав на эту войну, и что никакая «самая завидная лента через плечо не могла бы, кажется, вознаграждать меня за ту грязь, в которой я увяз»². В конце ноября он уже прямо высказывался в письме к сестре Полине, что хотел бы вернуться в свою любимую Италию и больше не появляться в армии³. И это при том, что Бейль занимал видный пост в интендантской службе и мог считать свою карьеру вполне успешной, которой способствовала его близость все к тому же графу Дарю.

Были люди и совершенно недовольные своим положением в армии. Генерал Барагэ д'Ильер, получив под командование сводную дивизию, сформированную из резервных батальонов, написал жене: «Те должности, на которые меня тут назначают, не имеют ничего общего ни с милостью, ни со справедливостью»⁴. Столь резкое высказывание связано с тем, что генерал служил под командованием Бонапарта еще во время Египетского похода и за последующие годы продвинулся по карьерной лестнице не столь далеко, как его прежние сослуживцы. Видимо, это и заставляло Барагэ д'Ильера считать себя обойденным.

О ходе конкретных боевых действий в корреспонденции из Великой армии содержится лишь фрагментарная информация. В описаниях боевых действий авторы писем, как правило, ограничивались лишь общими словами о том, что пришлось штурмовать укрепления или городские стены, а также могли сказать несколько слов о потерях армий вообще или какой-либо отдельной части (как правило, полка). Так, су-лейтенант 12-го линейного полка Л. Ф. Куантен в послании к матери от 20 сентября упомянул сразу о трех крупных сражениях, в которых его полк принимал участие: штурм Смоленска, бой у Валутиной горы и Бородинская битва. По его словам, 12-й линейный полк только под Смоленском потерял около 500 человек

Lettres interceptées par les Russes. P. 191.

² *Стендаль*. Собрание сочинений. Т. 15. С. 107–108.

³ Там же. С. 133.

⁴ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 343.

убитыми и ранеными¹. Однако в разных частях ситуация с потерями могла заметно различаться. Например, су-лейтенант 8-го полка конных егерей, входившего в кавалерийский корпус генерала Э. Груши, Ж. Комб с некоторым сожалением сообщал 15 октября матери, что с того момента, как их полк перешел Днепр, они не потеряли ни одного офицера, хотя и находились постоянно в авангарде и вступали в бой практически каждый день². Сожаление его было вызвано тем, что производство в чинах тогда в первую очередь зависело от наличия вакантных должностей в полку. Поэтому, пока все лейтенантские посты были заняты, Комб не мог рассчитывать на повышение иначе как по чьей-либо протекции, о чем он и написал матери.

В использованных для настоящего исследования материалах из крупных сражений более или менее детально описывается только вторая битва за Полоцк 18–20 октября. Капитан Альфонс де Верженн, адъютант генерала Думерка, в послании к отцу рассказывал, что в ходе этого трехдневного сражения войска генерала П. Х. Витгенштейна оттеснили корпус маршала Гувьона Сен-Сира, создав угрозу окружения Великой армии³. Интересно отметить, что автор с довольно высокой точностью указал численность войск обеих сторон, что не очень характерно для той эпохи. Он утверждал, что во французской армии было около 20 тысяч человек (современные исследователи оценивают ее численность в 16–18 тысяч), а в русской – 52 тысячи (по современным оценкам, вместе с отрядом генерала Ф. Ф. Штейнгеля, подошедшим уже в ходе боев, у Витгенштейна было примерно 49 тысяч солдат). Однако потери противника в этом сражении де Верженн заметно преувеличил, оценив их в 18–20 тысяч вместо 8 тысяч⁴. Такое преувеличение было вполне в традициях того времени, кроме того, подобную неточность можно объяснить тем, что поле боя в тот раз осталось за русскими, и французы едва ли могли точно оценить потери противника.

Часто авторы писем пытались сравнивать потери своей и вражеской армии в том или ином сражении. И если судить по этой корреспонденции, число убитых и раненых в Великой армии обычно оказывалось намного ниже, чем в русской. Информация, которую можно найти в частной переписке, о численности убитых и раненых по армии в целом часто совпадает с информацией из бюллетеней. Для

Ibid. P. 18.

² Ibid. P. 154.

³ Ibid. P. 196.

⁴ Современные данные по числу солдат и потерь с каждой стороны даны по: Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 575–577.

примера можно сравнить, что писали участники похода Наполеона о потерях сторон в ходе Бородинского сражения. В 18-м бюллетене Великой армии, датированном 10 сентября, довольно пространно описывался ход битвы и в заключение утверждалось: «Потери врага огромны. 12–13 тысяч человек и 6 тысяч лошадей насчитали на поле сражения; 60 пушек и 5 тысяч пленных оказались захвачены нами. Наши потери составили 2500 убитых и в три раза больше раненых. Наши общие потери можно оценить в 10 000, у врага – от 40 000 до 50 000 тысяч»¹. В переписке встречаются схожие цифры. Так, генерал Ж. Л. Шарьер в своем письме утверждал: «Сражение 7 сентября стоило русской армии как минимум 50 000 человек. И это несмотря на укрепления и очень хорошую позицию»², а шеф батальона 17-го полка Ж. П.М. Барье писал, что русские потеряли в битве 40 000³ Музыкант 35-го полка Ж. Эйхнер утверждал: «Русские более не в состоянии вести кампанию против нас, так как им никогда не найти позиции, как под Смоленском и Можайском»⁴. Преувеличение потерь противника и его положительные характеристики должны были также повысить значение победы и доблесть армии-победительницы. Упомянутый Ж. П.М. Барье так характеризовал неприятеля: «Русские солдаты неисчислимы, храбры. Вся эта сила нависала над Европой и грозила ее однажды разрушить. Вся эта огромная сила, которая на протяжении 12–15 лет угрожала вторжением в наши провинции. Ни плохие дороги, ни неблагоприятное время года, которое здесь наступает раньше, чем в остальной Европе, – ничто не смогло помешать нашему походу»⁵. Упоминание неблагоприятного времени года в данном контексте является стереотипным высказыванием о климате в России, которое автор использовал для придания большей эмоциональности повествованию.

Во многих сочинениях о России, вышедших в Европе XVIII – начала XIX в., русская армия описывалась как сильный, умелый и опасный противник. Такие характеристики основывались на успехах русского оружия в войнах против Швеции, Османской империи и Пруссии, одержанных на протяжении XVIII в. Именно мощная ар-

Moniteur Universel. 1812. №. 271. По подсчетам современных ученых, русская армия в Бородинском сражении потеряла от 45 до 50 тысяч человек, а французская – около 35 тысяч. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 91.

² Lettres interceptées par les Russes. P. 37.

³ Ibid. P. 32.

⁴ Ibid. P. 36.

Ibid. P. 32.

мия считалась основной составляющей так называемой русской угрозы для Европы. Накануне похода против России в 1812 г. наполеоновская пропаганда пыталась использовать ряд старых клише, чтобы сплотить европейцев в борьбе с армией Александра I. Однако в письмах из армии в 1812 г. похвалы в адрес противника встречаются крайне редко.

Преувеличение потерь противника и, наоборот, преуменьшение собственных – обычная практика командующих во все времена. В частной переписке авторы вольно или невольно следовали за официальными сведениями, поскольку иных источников информации у них не могло быть, подтверждая большее число погибших в русской армии в том или ином сражении. В некоторых письмах можно найти лишь личное впечатление автора о соотношении потерь двух сторон. В этом случае превосходство французов оказывалось еще более ощутимым. Так, капитан старой гвардии К. Ван Бекон, хотя и признавал, что французы понесли большие потери в Бородинском сражении, утверждал, что по его подсчетам, которые он произвел непосредственно на поле битвы, русские потеряли в шесть раз больше. Впрочем, конкретных цифр он не приводил¹. Су-лейтенант Л. Ф. Куантен насчитал 8 погибших русских на одного француза². Его полк участвовал в штурме Курганной батареи, и, возможно, на опыте именно этого боя было основано его впечатление о сражении в целом. При этом он упоминал, что их полк тоже сильно пострадал. В оценке соотношения потерь двух армий всех превзошел лейтенант интендантского ведомства 25-го полка П. Л. Паради, который в двух письмах – мадемуазель Женевьеве Боннеграс от 20 сентября и отцу от 25 сентября – утверждал, что лично насчитал 20 погибших русских на одного француза³.

Бородинское сражение оказалось столь важным событием для кампании 1812 г., что упоминания о нем встречались в письмах и несколько месяцев спустя. Так, чиновник интендантского ведомства Э. Рибо в письме от 3 ноября сообщал отцу, что лично не участвовал в Бородинском сражении, а только проезжал через поле битвы восемь или десять дней спустя. В описании увиденного он ограничился лишь общими словами о героизме французов и русских⁴. Подобная краткость вызвана, вероятно, нежеланием автора описывать ту страшную картину, которую он должен был увидеть на месте сраже-

Ibid. P. 50.

² Ibid. P. 18.

³ Ibid. P. 20, 23.

⁴ Ibid. P. 194.

ния. Подробный рассказ мог лишь напугать домашних или стать поводом для цензоров не пропустить письмо.

Аналогичным образом описывалось соотношение потерь во всех сражениях. Так, маршал А. Бертье в письме от 26 октября генералу Жюно утверждал, что в бою за Малоярославец русские потеряли 7–8 тысяч убитыми, в том числе 2 генералов, тогда как французы – около 2 тысяч убитыми и ранеными¹. Служащий казначейства Г. Пейрюс в послании 11 ноября также исчислял потери противника в 8 тысяч, но уже не только убитых, но и раненых. Про потери наполеоновских войск он не сказал ничего². Официальный 27-й бюллетень от 27 октября оценил потери французов в 1500 убитых и раненых, а русских – в 6–7 тысяч, из которых 1700 убитых было обнаружено на поле битвы. Также утверждалось, что противник потерял 3 генералов убитыми, тогда как у французов только один был легко ранен³. По оценкам современных исследователей, в сражении за Малоярославец обе армии потеряли около 7 тысяч человек убитыми⁴.

В письмах, направляемых на театр военных действий, авторы часто выражали беспокойство о судьбе своих родственников и друзей, ушедших в далекий поход. Графиня Ремюза в письме генералу Ш. Нансути так описывала ситуацию в Париже после получения первых известий о большом сражении в России: «После получения известий об этой ужасной битве (под Бородино. – *Н. П.*) здесь распространились различные слухи. Уже стали преувеличивать наши потери, и каждый начал оплакивать кого-нибудь из родных. Наконец, частные письма и Бюллетень успокоили многих и надо сказать, что они пришли как раз вовремя»⁵. Вопрос о том, насколько доверяли во Франции официальной информации, опубликованной в бюллетенях, остается до сих пор дискуссионным.

С одной стороны, именно официальные сообщения из Великой армии породили известную поговорку «врет, как бюллетень» (*menteur comme un Bulletin*), да и в письмах участников похода 1812 г. можно найти свидетельства недоверия населения к газетам и бюллетеням. Так, выше упомянутый Паради в письме от 20 сентября заявлял: «Ты, без сомнения, читала рассказ о ней (Бородинской битве. –

Chuquet A. 1812. *La guerre de Russie*. P., 1912. Т. 1. P. 100.

² *Lettres interceptées par les Russes*. P. 294.

³ *Moniteur Universel*. 1812. № 322.

⁴ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 439.

Lettres interceptées par les Russes. P. 46.

Н. П.) в газетах, так вот они не преувеличивают»¹. Таким образом, тот факт, что газеты, печатавшие официальные бюллетени, на сей раз сообщили правду, требовал дополнительного подтверждения.

С другой стороны, можно согласиться с тезисом М. Губиной о том, что именно из бюллетеней многие французы черпали сведения о русском походе и России в целом: большинство французов в начале XIX в. не было знакомо с сочинениями по истории, культуре и географии России, а потому доверяло наиболее доступному и распространенному источнику информации². Тем более когда дело касалось жизни и здоровья близких, письма от которых шли медленно и с большими, иногда до нескольких месяцев, задержками, французы готовы были верить всему, что могло их обнадежить и успокоить.

Однако точной информации о потерях не было, видимо, не только у широких слоев населения в Париже, но и у официальных властей союзных с Францией государств. Так, король Вюртемберга Фредерик писал маршалу Бертье 18 октября, что со времени битвы под Смоленском не получал никаких известий о своих войсках и не знает, каковы были их потери в битве под Можайском (Бородино) и в дальнейшем. По этой причине он не знал, какие подкрепления высылать. Одновременно король просил облегчить ему связь с дивизионным генералом бароном И. Г. фон Шелером, чтобы монарх мог получать информацию о своем контингенте из первых рук³. Все данные о потерях Великой армии стекались непосредственно в Главную квартиру и, судя по всему, не покидали ее пределов. Даже ближайšie союзники не должны были знать точных цифр во избежание утечки информации, которая могла идти вразрез со сведениями бюллетеней Великой армии и повредить официальной версии хода кампании. В случае с вюртембергским контингентом дело осложнялось тем, что Наполеон, судя по всему, не доверял генералам из этого германского государства и на рубеже июля–августа отстранил фон Шелера от командования дивизией, заменив на француза Ж. Маршана. Этим и объясняется тот факт, что последние точные данные по своему контингенту король Фредерик получил после битвы за Смоленск 16–18 августа.

Ibid. P. 20.

² Goubina M. Les bulletins de l'armée napoléonienne (1805–1812) et le problème épistémologique de la constitution de l'image de la Russie // Colloque «Représentations de la Russie: dire et connaître», ENS LSH, Lyon, URL: <http://www.ens-lsh.fr/labo/CID/russe/lj-goubina.htm> (дата обращения: 27.09.2004).

³ Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. P., 1912. T. 1. P. 97.

Гораздо чаще в частной корреспонденции встречались упоминания о столкновениях с русскими войсками, в которых авторы участвовали лично, а также перечислялись потери и награды друзей и знакомых. Командиры давали в письмах характеристику своим воинским частям. Генерал Компан в начале ноября писал жене, что его дивизия, несмотря на постоянное участие в боях, еще «находится в порядке и полна храбрости». Особых похвал от «Покорителя редутов» заслужил 57-й пехотный полк и дивизионная артиллерия¹. Но не все командиры имели столь же высокое мнение о своих подчиненных. Генерал Барагэ д'Ильер был, в отличие от Компана, крайне недоволен той дивизией, которую возглавил 6 октября 1812 г. В тот момент она еще только начинала формироваться между Смоленском и Москвой из подкреплений, предназначенных для других полков². Описывая своих подчиненных, генерал в письме от 31 октября отмечал их усталость от быстрых и продолжительных переходов, недостаточный численный состав и неопытность, в результате чего они, по его мнению, могут испугаться казаков при первой же с ними встрече³. В следующем письме к жене от 4 ноября он вновь жаловался на то, что его часть «воюет неблестяще» и даже выразил надежду, что при соединении с основными силами Великой армии его дивизию расформируют⁴. В последнем предположении Барагэ д'Ильер не ошибся: его дивизия действительно была расформирована в Смоленске. Однако причиной такого решения стало то, что в бою под Ляхово 9 ноября целая бригада из ее состава во главе с генералом Ж. П. Ожеро, братом знаменитого маршала, сдалась в плен. Вина за это была возложена именно на Барагэ д'Ильера.

О русских войсках французы писали не столь часто, как этого можно было бы ожидать. При характеристике противника солдаты Великой армии, как правило, подчеркивали собственное превосходство, что вполне естественно для военного времени. Еще до начала боевых действий гренадер Дельво так оценивал перспективы будущей кампании: «Мы идем в Россию, где мы немного подеремся, чтобы получить право идти дальше»⁵. То есть армия императора Александра I не рассматривалась им в качестве серьезного противника. Иногда, чтобы подчеркнуть значимость своих успехов, французы писали о численном превосходстве побежденного противника.

Lettres interceptées par les Russes. P. 201.

² Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 48.

Lettres interceptées par les Russes. P. 343.

⁴ Ibid. P. 344.

Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. P., 1912. Т. 1. P. 6.

Так, Л. Куантен при описании битвы у Валутиной горы утверждал: «Хотя русские и превосходили нас вдвое, мы смогли прогнать их в штыковой атаке»¹. Подобные утверждения должны были убедить читателей во Франции в превосходстве Великой армии над своим противником.

Особое значение подобные утверждения французов о собственном превосходстве получили в период отступления Великой армии. Это вполне объяснимо, так как для наполеоновских солдат подобный маневр был вообще не очень привычен, а уж отступление столь значительных сил во главе с самим Наполеоном имело место впервые. В этот момент перед французской пропагандой встала задача обосновать такое движение, чтобы как можно меньше людей в Европе восприняло его как свидетельство поражения или слабости Империи. И письма из России оказывали определенную помощь официальной пропаганде в решении этой задачи. Авторы частных посланий и после начала отступления нередко продолжали писать о превосходстве французской армии, в том числе для того, чтобы успокоить родных и знакомых относительно собственной судьбы. А. де Верженн утверждал, что во время отступления от Полоцка их дивизия не раз доказала противнику, «что нас мало, но мы хорошие солдаты»². Французы утверждали, что выходят победителями из всех столкновений с русскими войсками: «Каждый раз, когда им приходит фантазия на нас напасть, как это случилось в день нашего выхода из Вязьмы, они получают новый урок, но я сомневаюсь, что они его усваивают»³, – писал А. Гено 11 ноября.

Упомянув о возможности второй кампании в следующем году, помощник военного хирурга Ф. Граналь выражал полную уверенность в грядущей победе. В письме к жене от 7 ноября он заявлял: «Если они (русские. – Н. П.) не образумятся, мы пойдем и сожжем Санкт-Петербург или заставим их самих сжечь его»⁴. Чиновник Государственного секретариата Жюбиналь, подчеркивая заслуги Великой армии, писал: «Никто не предполагал, что французы в этом году захватят древнюю российскую столицу (Москву. – Н. П.)»⁵.

Кадровая российская армия упоминалась в переписке заметно реже по сравнению с летучими отрядами, которые нападали на отдельные части, фуражиров, отставших солдат и курьеров, захватывали

Lettres interceptées par les Russes. P. 17.

² Ibid. P. 196.

³ Ibid. P. 283.

⁴ Ibid. P. 210.

⁵ Ibid. P. 189.

обозы. Традиционно французы все такие части называли казаками или крестьянами, далеко не всегда разбираясь, из кого те в действительности состояли. Причиной такого смешения мог стать в том числе и внешний вид воинов этих отрядов. В зимнее время года даже кадровые военные могли носить неформенную зимнюю одежду: весьма распространены были тулупы, которые большинством европейцев традиционно воспринимались как крестьянская одежда. На самом деле в такие отряды входили как иррегулярные войска (казаки, башкиры, калмыки), так и части регулярной армии (легкая кавалерия, драгуны, егеря и конная артиллерия).

Упомянутая преимущественно о казаках и обходя молчанием действия российской регулярной армии, авторы писем, возможно, старались тем самым успокоить родных и убедить их, что угроза со стороны неприятеля невелика. Например, Итасс в письме от 16 октября, касаясь ближайших военных планов, высказывал предположение, что Великая армия не задержится в окрестностях Москвы и вскоре направится в милую Францию¹. Медик Э. Ф. Бурбон утверждал в письме от 15 октября: «Действия вооруженных крестьян под командой их сеньоров, которые убивают и преследуют наших фуражиров, наши конвои и курьеров, наносят нам больше вреда, чем их (русская. – Н. П.) армия»². А. Бейль во время перехода от Москвы к Смоленску во второй половине октября также подвергся нападению четырех или пяти тысяч русских, частью регулярных войск, частью восставших крестьян. Он утверждал, что французы «скорее дали бы перебить себя до единого, чем сдались бы крестьянам, которые все равно не спеша закололи бы нас ножами или убили бы другим каким-либо приятным способом»³. М. Ж. Гийяр, служащий топографического бюро Великой армии, также упоминал о жестокости казаков. В письме от 10 ноября он утверждал, что в 20 лье от Москвы 200 казаков напали на их обоз, захватили все экипажи и убили всех, кто им встретился⁴. О том же случае написал и П. Л. Тевинот, адъютант генерала Н. А. Сансона, начальника топографической службы Генерального штаба, сообщив, что вместе с экипажами пропал и сам генерал Сансон⁵.

Тактика, которую применяли летучие отряды вместе с дружинами самообороны и кордонной стражей, часто приписывалась казакам как наиболее заметным и специфическим формированиям россий-

Lettres interceptées par les Russes. P. 109.

² Ibid. P. 338.

³ *Стендаль*. Собрание сочинений. Т. 15. С. 129.

⁴ РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 57.

Lettres interceptées par les Russes. P. 261.

ской армии. Так, генерал Ш. Лефевр-Денуэтт в донесении от 24 октября из села Кременское в окрестностях Медыни сообщал князю Понятовскому, в чьем подчинении находился, что на его авангард напали конные вооруженные крестьяне, которые служат как казаки¹. Из содержания письма ясно, что генерал различал кадровые части, которых, по его словам, в тот момент поблизости не было, казаков и вооруженных крестьян. Однако он был не совсем точен, так как 24 октября его соединение подверглось нападению действовавших совместно казачьего полка под руководством А. И. Быхалова 1-го и отрядов вооруженных крестьян под руководством местного исправника².

Упоминания о нападениях казаков на французских фуражиров можно найти во многих письмах. Еще 20 сентября генерал Шелер писал, что многие офицерские экипажи отстали от главных сил армии и часть из них попала в руки казаков³. Постепенно действия летучих отрядов становились все более активными. В письме от 13 октября генерал Жюно признавал, что казаки никому не дают прохода⁴. Генерал А. Гильемино в письме жене от 16 октября также утверждал, что казаки доставляют множество неприятностей в тылу Великой армии и мешают фуражировкам⁵. Многие авторы подчеркивали, что казаки не вступают в открытые столкновения с крупными силами французов, а предпочитают быстрые набеги на небольшие подразделения. Любопытно, что такую тактику летучих отрядов французы связывали с недостатком смелости и военного искусства нападавших. «Казаки продолжают нападать на наших фуражиров, что делает коммуникации затруднительными для небольших отрядов, но все не так плохо, как иногда говорят, у них недостаточно смелости, чтобы войти в город», – писал Клод Соала (Soalhat), капитан инженерных войск⁶. Итасс в письме брату от 16 октября также отмечал, что казаки постоянно держатся в стороне (от французских войск) и не подходят к крупным соединениям французов⁷. До выступления основных сил

Chuquet A. 1812. *La guerre de Russie.* P., 1912. Т. 2. P. 110.

² *Васильев А. А.* Бой под Медынью 25 октября 1812 г. по воспоминаниям Хенрика Дембинского // *Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000.* С. 32–33; *Попов А. И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 395.

³ *Chuquet A.* 1812. *La guerre de Russie.* P., 1912. Т. 3. P. 28.

⁴ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 86.

Ibid. P. 340.

⁶ *Ibid.* P. 337.

⁷ *Ibid.* P. 169.

Великой армии из Москвы летучие отряды действительно нападали, как правило, на небольшие подразделения французов, однако с конца октября соединения русской армии, состоявшие преимущественно из легкой кавалерии, стали вступать в бой и с крупными частями противника. Однако и после этого французы не признавали их за серьезных противников. Так, майор конной артиллерии императорской гвардии Ж. Ж. Десво де Сен-Морис, упоминая о нападении дивизии казаков на Главную квартиру, утверждал, что достаточно было сделать 250 выстрелов, чтобы «это маленькое дело закончилось к полудню»¹. Речь в письме шла о нападении утром 25 октября возле деревни Городня соединения из шести казачьих и одного егерского полков под командованием А. В. Иловайского (Иловайский 3-й) на парк гвардейской артиллерии и обоз Великой армии. При этом казаки захватили 11 орудий и едва не пленили самого императора, проводившего в том районе рекогносцировку². В действительности, трудно себе представить, чтобы во время рейда по тылам воинское соединение, состоящее преимущественно из легкой кавалерии, стало бы вступать в длительный бой.

В Европе в XVIII – начале XIX в. при описании казаков всегда подчеркивались восточные черты их облика и манеры ведения войны. Во время кампании 1812 г. французы часто сравнивали казаков с арабами, что объяснялось широкой известностью Египетской похода (1798–1801) во французском обществе. В составе консульской, а затем императорской гвардии с 1804 г. существовал эскадрон мамлюков, набранных в личную охрану Бонапарта еще в Египте. Поэтому в общественном мнении Первой империи арабы и мамлюки (которых не всегда различали), наряду с татарами, служили одним из символов восточной дикости и варварства. «Казаки воюют, как мамлюки, окружают и издают громкие крики», – писал Барагэ д'Ильер³. В свою очередь, маршал Бертье в послании к Нею⁴, да и сам император французов в 28-м бюллетене⁵ сравнивали казаков с арабами, возможно, для того, чтобы избежать ненужных ассоциаций, ведь в состав императорской гвардии входил эскадрон мамлюков.

Lettres interceptées par les Russes. P. 183.

² Подробнее об этом см.: *Васильев А. А.* «Ура», спасшее Наполеона. Схватка казаков с конвоем и свитой французского императора под Городней 13 (25) октября 1812 г. // *Наполеон. Легенда и реальность. Материалы научных конференций и наполеоновских чтений.* 1996–1998. М., 2003. С. 102–112.

³ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 343.

⁴ *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. T. 2. P. 208.
Moniteur Universel. 1812. № 334.

Не только казаков сравнивали с арабами, но и весь поход в Россию также часто сравнивали с Египетской экспедицией Наполеона Бонапарта. Египет, наряду с Индией, еще до открытия боевых действий упоминался в письмах как одна из возможных конечных целей всего похода. Путь в Египет через Россию был явно не самым коротким и удобным, поэтому можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с плодом воображения авторов, расценивавших поход в Россию как начало завоевания Востока. И соответственно, здесь следовало применять тактику, сходную с той, которую французы использовали в 1798–1801 гг.¹ Хирург Ларрей в письме жене в ноябре 1812 г. также сравнивал эти две кампании. Он утверждал, что еще никогда не страдал так, как в России. И в этом отношении его кампании в Египте и Испании не идут ни в какое сравнение с русским походом². Интересно отметить, что Ларрей не упомянул еще один трудный поход армии Наполеона – кампанию 1806/1807 г. И появление в этой цепи сравнений Испании показательно: эта страна также имела в общественном мнении Франции довольно четкие ассоциации с Востоком.

В частных письмах из Великой армии 1812 г. авторы при описании боевых операций и даже решающих сражений, как правило, ограничивались общими словами и оценками соотношения потерь двух сторон, не вдаваясь в подробное изложение событий. Такая лаконичность была связана с недостатком информации у многих участников похода, даже весьма высокопоставленных, с особенностями переписки как таковой: подробные описания трудно было разместить на небольших листках, которые чаще всего использовали для посланий. Свою роль играла и самоцензура авторов, которые не желали вступать в противоречие с официальными бюллетенями, ибо в этом случае письмо могло просто не дойти до адресата. Гораздо чаще в письмах встречаются упоминания о личных успехах или неудачах, потерях или приобретениях авторов.

При описании боевых действий авторы писем обычно принижали значение действий противника и возвеличивали собственные успехи, закрепляя таким образом в широких слоях общества определенные стереотипы восприятия русской армии. Тенденциозные оценки соотношения боевых потерь в письмах и определение тактики русских войск как «скифской» должны были свидетельствовать о невы-

Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. T. 2. P. 208.

² *Lettres interceptées par les Russes. P. 301.*

соких боевых качествах противника, который в регулярных сражениях всегда проигрывает и потому часто боится вступать в открытые столкновения, пытаясь нападать в темноте и только на небольшие отряды Великой армии. Причиной неэффективности действий русской армии, по мнению авторов писем, была цивилизационная отсталость русских, о которой свидетельствовало привлечение к боевым действиям крестьян и широкое использование казаков, которых французы пытались представить скорее надоедливymi, чем опасными. Даже те командиры, кто был недоволен своим положением и невысоко оценивал качество своих войск, считали главной опасностью для французов не регулярную русскую армию, а климат и плохое питание¹. Тем самым частная корреспонденция вольно или невольно подтверждала многие установки официальной пропаганды, способствуя укреплению в общественном мнении Франции и Европы в целом образа России как отсталой и нецивилизованной страны.

§ 2. Описания военных действий в мемуарах участников похода 1812 года и их влияние на формирование представлений о России

Воспоминания, в отличие от частных писем, дают огромный материал по истории боевых действий, поэтому именно мемуары становятся важнейшим источником для военных историков, хотя достоверность и точность данных, приводимых авторами подобных сочинений, нуждается в проверке. Особое внимание мемуаристы обычно уделяют тем сражениям, в которых сами принимали участие. Так, маршал Виктор большую часть своих заметок о России посвятил детальному описанию битвы на Березине, где войска под его командованием сыграли ключевую роль. В структуре повествования многое также зависело от цели написания мемуаров. Для того же Виктора сражение на Березине было единственным из крупных событий кампании, в котором он принял личное участие, а потому, уделяя ему максимум внимания, он старался подчеркнуть значение своих действий. Для родственников Э. Груши, составивших и опубликовавших мемуары последнего наполеоновского маршала, русская кампания не была центральным эпизодом его биографии, а потому единственная глава четырехтомных мемуаров, посвященная походу в Россию, представляет собой всего лишь беглое описание основных боевых действий, в которых принимал участие Э. Груши.

См. письмо Баракэ д'Ильера от 4 ноября: *Lettres interceptées par les Russes*. P. 345.

Ключевые события кампании 1812 г., такие как переход через Неман, захват Вильно и Витебска, Бородинское сражение, пожар Москвы, отступление к Смоленску и переправа через Березину, как правило, описывали все мемуаристы, что подталкивает историков активно использовать этот вид источников при воссоздании точной картины сражений.

Многие мемуаристы начинали описывать события кампании с ее предыстории, краткой или пространной. О причинах самой войны говорилось обычно, что она была вызвана неисполнением русскими условий Континентальной блокады и желанием императора французов через Россию нанести удар по своему главному врагу – Великобритании, лишив британскую корону союзника на континенте. Уже в начале повествования о событиях 1812 г. авторы часто подчеркивали отличия этой кампании от предыдущих – длительность войны, масштабы ее подготовки, включая активные дипломатические усилия, предпринятые императором перед началом военных действий. Столь серьезные приготовления к войне объяснялись значимостью России как крупнейшего государства Европы, обладающего неисчислимыми ресурсами. Масштаб приготовлений, а также знание последующей истории кампании подталкивали мемуаристов к тому, чтобы придавать особое, можно сказать, эпическое значение противостоянию двух держав. В ряде сочинений можно найти утверждения, что в столкновении с Александром Наполеон собирался поспорить за власть над всей Европой. Подобные утверждения мемуаристов шли вразрез с заявлениями Наполеона о том, что это обычная политическая война, превращая конфликт Франции и России в столкновение цивилизаций. Последующие события, казалось, подтвердили подобную точку зрения.

Перед началом похода, когда еще далеко не все знали доподлинно о целях войны, в армии и обществе активно циркулировали слухи о том, что собираемые на территории Германии и герцогства Варшавского войска предназначены для похода в Индию. Небывалый размах военных приготовлений только способствовал распространению подобных слухов. Майор Булар во время смотра гвардейской артиллерии, проводившегося императором в июне, с гордостью говорил, что при такой подготовке его часть может запросто идти в Индию¹. Сам император в разговорах с подчиненными упоминал эту страну как возможную цель похода. В Дрездене он говорил своему

Boulart J. F. Mémoires militaires. P., 1892. P. 241.

адъютанту Нарбонну: «Длинный путь – это тот же путь в Индию. И Александру (Македонскому. – Н. П.) предстояло пройти расстояние не меньшее, чем отсюда до Москвы, чтобы добраться до Ганга... Теперь же мне придется с окраины Европы взяться за Азию с другой стороны, чтобы ударить по Англии»¹. Ассоциации и сравнения с египетской эпопеей будут постоянно возникать не только у Наполеона, но и у многих других участников кампании 1812 г., даже у тех, кто сам в Египте не был². Идея индийского похода оказалась столь живой, что даже в период нахождения французских войск в Москве мысль о походе в Индию сохранялась, о чем писал Каstellан³.

Необычность кампании проявлялась и в том расстоянии, которое солдатам необходимо было пройти от места дислокации до театра военных действий. Майор Булар писал об этом пути: «Никогда у нас не было столь длинной дороги. Все утверждали, что мы идем воевать против России, и мы все время надеялись увидеть впереди русских»⁴. Из этого утверждения видно, что реальное положение дел накануне столкновения, а именно где сейчас находится армия противника и где будет основной театр военных действий, не было точно известно участникам похода.

Из событий, произошедших до открытия боевых действий, мемуаристы выделяли заключение Россией мира с Османской империей (28 мая) и союза со Швецией (5 апреля), которые, по общему признанию, стали важными дипломатическими успехами России. Газеты не писали об этом, но авторы воспоминаний не могли умолчать об этих событиях. Тем более что они хорошо укладывались в распространенную картину событий 1812 г., согласно которой злой рок начал преследовать Наполеона с момента подготовки войны против империи царей. При этом часто отмечалось, что заключение этих соглашений для Швеции и Турции стало ошибкой, поскольку обеим странам, дескать, было выгоднее оставаться в фарватере французской политики. Граф Лавалетта в описании этих событий был краток. Он полагал, что турки не понимали своих подлинных интересов: «К несчастью для Франции император Наполеон верил в то, что диван хорошо знает интересы собственной страны, чтобы заключать»

Цит. по: *Земцов В. Н.* Битва при Москве-реке. С. 13.

² Подробнее сравнение египетского и русского походов Наполеона см. в: *Промыслов Н. В., Прусская Е. А.* Восток в представлениях солдат Наполеона: от Египта до России // Французский ежегодник 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 127–143.

³ *Castellane, Boniface de.* Journal du marechal de Castellane: 1804–1862. T. I 1804–1823. P., 1895. P. 165.

⁴ *Boulart J. F.* Mémoires militaires. P. 239.

мир со своим смертельным врагом в тот момент, когда он вступает в тяжелую войну. Он думал, что диван, следуя своему старинному правилу, позволит христианам ослабить друг друга в битве и воспользуется их истощением, если не для нападения, то, по крайней мере, для небольшой передышки в войне»¹. Сегюр в своей работе дал довольно пространственный экскурс в историю франко-турецких отношений со времени Египетской экспедиции Бонапарта². Он признал, что Франция и сама, пойдя в 1807 г. на заключение Тильзитского мира, нарушила военные планы Порты и отказалась от ранее данных обещаний помочь туркам в их войне. По этой причине в 1812 г. турки не поддались на уговоры императора французов и не возобновили военные действия, после заключенного в мае Бухарестского мира. Однако, наряду с этим довольно глубоким анализом франко-турецких отношений, Сегюр тоже не преминул обвинить правителей Османской империи о непонимании интересов собственной страны и назвал этих несостоявшихся союзников варварами³.

Переход шведского наследного принца Карла Юхана (Ж. Б. Бернадот) накануне войны на сторону России вызвал сильное раздражение Наполеона. Ответственными за этот дипломатический провал он считал французских дипломатов и лично министра иностранных дел Маре⁴. Мемуаристы нередко связывали переход Бернадота на сторону России с его старым конфликтом с Бонапартом, который тянулся еще со времен Директории, когда будущий маршал сам претендовал на то, чтобы свергнуть правительство и встать во главе Франции. При этом утверждалось, что наследный принц не только оказался неблагодарным по отношению к собственной родине, но и пренебрег интересами Швеции⁵, которая в случае присоединения к Франции и победы той над Россией могла вернуть, по крайней мере, часть из потерянных в XVIII – начале XIX в. территорий. При этом практически никто из мемуаристов не пытался анализировать положение Карла Юхана перед началом большой русско-французской войны и уж тем более не старался разобраться в особенностях внутривосточной ситуации в Швеции того периода.

Lavallette A. M. Ch. comte de. Memoires et souvenirs. T. 2 (1800–1825). P., 1831. P. 56–57.

² *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. P., 1824. T. 1. P. 23–30.*

³ *Ibid. P. 28.*

⁴ *Рогинский В. В. Политика Наполеона на Севере Европы накануне войны 1812 года // Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 14.*

⁵ *Ibid. P. 31.*

Политики XVIII в. традиционно считали Россию и Швецию извечными врагами, и после войны 1808–1809 гг. отношения между двумя странами должны были бы только ухудшиться. Поэтому заключение мира и союза между Александром I и Карлом Юханом стало совершенно неожиданным, тем более что французского маршала и звали на шведский трон отчасти из реваншистских настроений. Однако оказалось, что именно француз смог лучше разобраться в интересах и перспективах шведского государства и пошел на заключение союза с заклятым врагом. В конфликте между Россией и Францией Карл Юхан выбрал сторону победителя и вместо Финляндии, война за которую могла обернуться поражением и крахом для новой династии Бернадотов, присоединил Норвегию¹.

Кампания против России не вызывала большого воодушевления у многих ее участников, что было связано с целым комплексом причин. В мемуарах многие из авторов прямо или косвенно признавали, что подобные настроения были распространены. Еще при описании подготовительного этапа и первых недель войны мемуаристы сообщали о преобладавшей надежде, что после первого решительного сражения, которое французы, без сомнения, должны выиграть, русские запросят мира. По мнению Сегюра, сам император французов был кровно заинтересован в том, чтобы как можно скорее разгромить русскую армию и заключить мир², так как среди его генералов не наблюдалось большого энтузиазма в отношении кампании против России. Сегюр утверждал, что уже под Вильно, когда 30 июня на аванпосты Великой армии приехал русский министр полиции Балашов, в войсках было заметно желание скорейшего мира³.

По мере развития военных действий желание быстрейшего примирения с противником только усиливалось. По воспоминаниям Булара, под Смоленском солдаты сражались весьма упорно, радуясь тому, что наконец удалось померяться силами с русскими, которые так долго уклонялись от боя и завели французов в столь удаленные районы. В то же время французские солдаты надеялись, что единственная битва, уверенно выигранная, приведет к миру⁴. Однако сам автор не был убежден, что вскоре будет заключен мир, а после

Подробнее о русско-шведских отношениях и внутривнутриполитической ситуации в Швеции в тот период см: *Рогинский В. В.* Швеция и Россия. Союз 1812 г. М., 1978; *Он же.* Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн (1805–1815). М., 2012.

² *Ségur Ph. P.* Histoire de Napoléon. Т. 1. P. 128.

Ibid. P. 129.

⁴ *Boulart J. F.* Mémoires militaires. P. 248.

Бородинского сражения осталась лишь слабая надежда на такой исход кампании¹.

На страницах многих мемуаров, посвященных походу Великой армии от Немана до Москвы, преобладают описания боевых действий, и не так много внимания уделяется стране, местному населению, климату и т. п. Это можно объяснить в том числе и тем, что все самое «необычное» в этой войне началось именно после занятия Москвы. Однако события, предшествовавшие этому и прежде всего Бородинское сражение, описываются в сочинениях участников похода весьма подробно. Например, Сегюр посвятил главной битве кампании сорок страниц своих воспоминаний², а Коленкур – пятнадцать³.

Чрезвычайная напряженность битвы на Москве-реке, большие потери Великой армии, а также знание исхода всей кампании наложили определенный отпечаток на отношение авторов к результатам сражения. Булар, по его собственным словам, не сделавший ни одного выстрела в ходе боя, был ошеломлен тем, в каком порядке отступила русская армия. Итоги сражения казались ему незначительными после столь продолжительной и кровавой битвы: «Что мы в результате выиграли? Только позицию и более ничего. Будущее начало представляется мне после этого в довольно мрачных тонах»⁴. Также и Коленкур называл итогом сражения захват некоторой территории, хотя еще одно сражение у стен Москвы, на которое, по его словам, очень надеялся император, могло бы приблизить заключение мира с Россией⁵. Сегюр также признавал, что огромные потери французской армии в ходе сражения были непропорциональны достигнутым выгодам, и заявлял, что любая битва с неопределенным итогом могла способствовать возникновению опасного брожения в Германии, где антинаполеоновские настроения были весьма распространены и нужен был только повод, чтобы они вылились в масштабное движение против Франции. «В окружении императора каждый оплакивал чью-нибудь смерть: друга, отца или брата»⁶. В другом месте Сегюр даже заявил, что огромные потери в Бородинском сражении были напрас-

Ibid. P. 255.

² *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. L. VII. Ch. V–XII. P. 262–302.*

³ *Caulaincourt A. Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Viceace, Grand écuyer de l'Empereur. T. 1. P., 1933. P. 420–435.*

⁴ *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 255.*

⁵ *Коленкур А. Указ. соч. С. 163.*

⁶ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 297.*

ны¹. Будущий маршал Бонифаций Кастеллан в своем дневнике не дал четкой оценки того, насколько успешной была битва, но из перечисления потерь французов, среди которых было много его знакомых, и захваченных «трофеев» у читателя также должно было сложиться впечатление о чрезмерно высокой цене подобной победы².

Во время пребывания Великой армии в Москве надежда на мир становилась все более призрачной. Мемуаристы, описывая этот период кампании, задавались вопросом, почему Наполеон продолжал рассчитывать на заключение мира, хотя многие факты уже свидетельствовали о том, что русские не сделают подобного шага. При этом, как мы видели из переписки, во время «московского сидения» в армии очень многие рассчитывали на скорое завершение кампании и уход армии на зимние квартиры, но в воспоминаниях, владея уже более подробными сведениями об общем ходе войны, мало кто признавался, что в тот момент рассчитывал на заключение мира в российской столице. Интересное объяснение столь долгому бездействию императора дал Сегюр: «Оценивая то влияние, которое было следствием его репутации человека, не знающего ошибок, он дрожал при одной мысли нанести этой репутации ущерб. И первый же его шаг в сторону отступления приведет к ужасным последствиям для всей войны»³. Эти слова Сегюра подтверждал Булар: «Движение из Москвы воспринималось как наступление, ибо было направлено против врага. Но доверие (к императору. – *Н. П.*) было подорвано»⁴. И это притом что отрезок пути Великой армии от Москвы до Малоярославца действительно можно рассматривать как продолжение погони за отступающей русской армией, хотя фактически это и было началом отхода к границам Российской империи.

Другая надежда Великой армии была связана с отдыхом на зимних квартирах где-то на границе «Старой Польши», с основными лагерями в Вильно, Смоленске, Витебске и Минске. Рассматривая постфактум возможность остановки армии в этих районах, Сегюр утверждал, что это было более чем возможно. При этом он ссылаясь на опыт корпуса Сен-Сира, который якобы в первой битве при Полоцке показал, что довольно легко можно было возвести укрепления, которые позволили бы всей Великой армии перезимовать на литовской границе⁵.

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 114.

² *Castellane, Boniface de. Journal... T. 1. P. 150–151.*

³ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 65.*

⁴ *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 264.*

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 154.

Авторы мемуарных произведений много внимания уделяли описанию военных операций и конкретных боевых действий. Зачастую они составляли основной материал подобных сочинений. Поскольку за давностью лет многие детали стирались из памяти, при написании фрагментов, посвященных тому или иному сражению, мемуаристы использовали наиболее доступные для них источники сведений о прошлом. В качестве таких источников информации выступали бюллетени Великой армии, сохранившиеся в виде отдельных листов, печатных сборников, а также газетных публикаций, которые очень широко распространялись и хорошо сохранились во Франции и других европейских странах. Кроме того, мемуаристы не гнушались переписывать информацию друг у друга с разными изменениями и дополнениями.

Перед началом кампании в армии было довольно широко распространено мнение о том, что поход имеет конечной целью Индию, и это придавало всему предприятию сходство с деяниями героев Древней Греции и Рима. В этом отношении эпоха Наполеона и ее герои продолжали традиции искусства классицизма, а также сказывалось увлечение античными политическими образами, присущими внутривойсковой жизни во время Революции. Эпический характер всего предприятия будет не раз вспоминаться на страницах мемуаров применительно к различным эпизодам кампании. Одновременно в мемуарах отмечалась усталость общества от постоянных войн и далеких походов. Герои повествования часто заявляют, что желают лишь скорейшего заключения мира между воюющими сторонами, хотя, как правило, авторы из числа солдат Великой армии при этом убеждены, что мир должен быть заключен к выгоде Франции. Своего апогея «мирные» настроения достигли во время московского сидения, хотя, в отличие от писем, в мемуарах они высказывались реже, так как авторы и читатели хорошо знали, что подобные желания остались лишь мечтами.

§ 3. Русская армия и ее тактика на поле боя

Очень яркие эмоциональные описания мемуаристы посвятили своему противнику – русской армии. Визуальные описания российских вооруженных сил, их тактика и другие особенности являются очень популярной темой в воспоминаниях о войне 1812 г. В отличие от частных писем, в мемуарах авторы заметно чаще писали о кадровой русской армии, хотя по-прежнему казакам отводилась очень важная роль в поражении Великой армии в России. И так же, как в

переписке, мемуаристы часто использовали термин «казаки» для всех русских летучих отрядов независимо от их реального состава.

Европейские публицисты и дипломаты на протяжении XVIII в. много писали о русской армии как о довольно сильном и опасном противнике¹. В пропагандистских материалах и частных письмах хвалебные характеристики в адрес российских военных встречаются реже, но на страницах мемуарных сочинений диапазон оценок оказался гораздо шире. Участники похода отмечали строгий порядок, в котором отступала русская армия, в результате чего французам нечасто удавалось захватывать в плен даже больных и отставших противников. Поэтому оставление лазаретов с большим числом раненых в Смоленске, Можайске и Москве отмечалось особо почти в каждом произведении. Подобные замечания контрастировали с постоянными упоминаниями слова «беспорядок» (*desordres*) при описании положения в наступающей Великой армии. Вот как описывал оставленный русский лагерь под Витебском Сегюр: «Все в этом лагере указывало на знание военного искусства: удачный выбор места, симметрия всех его частей, точное и исключительное понимание назначения каждой части и как результат – порядок и чистота. При том ничего не было забыто. Ни одно орудие, ни один предмет и вообще никакие следы не указывали, вне этого лагеря, какой путь избрали русские во время своего внезапного ночного выступления. В их поражении было как будто больше порядка, чем в нашей победе!»² Артиллерист Булар утверждал, что после Бородинской битвы французы были ошеломлены тем, в каком порядке русская армия отошла с поля сражения³. Французы также часто отдавали дань стойкости и личному мужеству российских солдат. Коленкур передавал слова императора, сказанные им на Бородинском поле: «...русские солдаты представляют собой цитадели, которые надо разрушать пушками»⁴. Такие описания лишь повышали значение побед Великой армии, т. к. чем сильнее противник, тем лучше выглядит победитель, а в мемуарах практически никогда не ставилась под сомнение победа французской армии в каждом сражении кампании.

При этом мемуаристы часто писали о превосходстве французской армии над русской. В большинстве сражений, если верить их сочине-

Митрофанов А. А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) // Французский ежегодник 2006. М., 2006. С. 132, 135.

² *Séguir Ph. P. Histoire de Napoléon. Т. 1. Р. 154.*

Boulart J. F. Mémoires militaires. Р. 255.

⁴ *Caulaincourt A. Mémoires. Т. 1. Р. 433.*

ниям, Великая армия потеряла заметно меньше солдат, по сравнению с войсками противника. Бургонь полагал, что в Бородинской битве русская армия потеряла как минимум 50 тысяч убитыми и ранеными, тогда как у французов эта цифра не превышала 17 тысяч¹. Булар утверждал, что французы в тот день потеряли 20–22 тысячи солдат убитыми и ранеными, тогда как потери русских он оценивал в 45–50 тысяч². Правда, буквально через несколько страниц тот же Булар уже писал о 30 тысячах французов, оставшихся на Бородинском поле³. Подобную разницу в потерях двух армий будущий генерал объяснял тем, что русские постоянно вынуждены были отбивать свои позиции, и в этих атаках они теряли заметное число своих солдат. Каstellан, не имея точных данных о численности погибших и раненых в русской армии, заявил только, что потери противника были намного больше французских. В Великой армии, по его словам, выбыли из строя 30 тысяч человек учетом отставших. При посещении 8 сентября поля сражения он оценил соотношение погибших в обеих армиях как шесть русских на одного француза⁴. Аналогичные соотношения можно найти во многих сочинениях о других сражениях кампании.

В тех случаях, когда потери русской армии оказывались недостаточно велики, мемуаристы признавали такую победу неполной. Так, по мнению Сегюра, под Малоярославцем потери французов составили 7 генералов и 4 тысячи убитых и раненых солдат. «Потери русских не утешали. Они были едва ли вдвое больше наших и их раненые спаслись. Говорили, что Петр I в подобной ситуации, пожертвовав 10 русских на одного шведа, не только полагал потери равными, но даже и считал, что выиграл в таком деле»⁵. Подобные заявления должны были напомнить читателям о еще одном стереотипе относительно русских вообще и особенно их правителях – жестокости по отношению к собственному народу.

Самые, пожалуй, яркие примеры превосходства французского оружия можно найти не в описании крупных сражений, а в тех случаях, когда авторы рассказывали о небольших столкновениях, виденных ими собственными глазами, и при упоминании актов индивидуального героизма солдат Наполеона. Примеров таких подвигов можно привести множество. Еще в бюллетенях Великой армии был

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 8.

² *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 255–256.*

³ *Ibid. P. 266.*

⁴ *Castellane, Boniface de. Journal... T. 1. P. 151.*

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 88.

описан случай под Витебском, когда две роты стрелков из 9 корпуса отбили атаки превосходящей русской кавалерии, за что поголовно получили крест Почетного легиона¹. Это столкновение упоминалось во многих мемуарах. Коленкур, правда, утверждал, что потерял листок с названием части, откуда были эти храбрецы². Ц. Ложье, близко к тексту повторяя рассказ из бюллетеня, уточнял, что это были вольтижеры 9-го полка³. Не обошли своим вниманием подвиг стрелков Сегюр⁴ и Бургонь⁵.

В некоторых сочинениях рассказы о подобных победах солдат Великой армии над превосходящими силами противника можно найти в разных фрагментах повествования, иногда с дословными повторами, что дополнительно подтверждало превосходство французов над русскими. Сегюр, кроме уже упомянутого боя под Витебском, рассказывал о том, как под Можайском, уже после Бородинского сражения, 50 стрелков 33-го полка на виду у всей армии спаслись опять-таки от превосходящих сил русской кавалерии, убив командира нападавшего отряда⁶. По мнению Бургоня, описавшего это же столкновение, солдат 33-го полка было сто, и убили они старшего русского офицера в ответ на предложение сдаться⁷. Почти теми же словами, что и Бургонь, это событие описал Ц. Ложье⁸. Отказ от продолжения боя после гибели командира должен был свидетельствовать о невысоком уровне подготовки русских солдат, не знавших в отсутствии командира, что делать дальше.

В период отступления французы продолжили одерживать победы в подобных столкновениях небольших отрядов с превосходящими силами противника. После перехода через Березину раненый маршал Удино – как утверждал Бургонь – с 25 больными и также ранеными солдатами отбил от 2 тысяч казаков с двумя пушками⁹. В этом описании представление о стойкости и героизме французских солдат объединялось со складывающимся мифом о непобедимости французских маршалов, которые одним своим присутствием могли изменить ход боя и принести победу своим войскам.

Moniteur Universel. 1812. № 228.

² *Caulaincourt A. Mémoires. Т. 1. P. 367–368.*

³ *Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. С. 42.*

⁴ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. Т. 1. P. 152.*

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 38.

⁶ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. Т. 1. P. 305–306.*

⁷ *Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 9.*

⁸ *Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. С. 96.*

⁹ *Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 218.*

В период Первой империи во Франции складывался культ Наполеона, в рамках которого новый владыка имел множество сакральных черт. Целый ряд произведений искусства занимался обожествлением фигуры императора. И как любому божеству, ему нужны были последователи и ученики, на которых перешла бы часть его силы. Роль этих «божественных» помощников выполняли маршалы, и мемуары о Наполеоновских войнах сыграли важную роль в закреплении в исторической памяти французов их образа.

Важно отметить, что описанные в мемуарной литературе подвиги маршалов связаны в большей степени с их личным героизмом, хотя первейшая задача командиров такого уровня – руководство крупными соединениями войск, а не личное участие в перестрелках и схватках с противником. В этом также отразилась специфика исторической памяти о наполеоновском походе в Россию в 1812 г. как о кампании, потребовавшей от каждого участника большого личного мужества. В описаниях кампании 1812 г. чаще всего некие сверхчеловеческие возможности придавали И. Мюрату и М. Нею. Например, Сегюр вспоминал, как Мюрат 4 сентября под Гжатском, не желая разворачивать свою кавалерию перед незначительными силами казаков, перегородившими дорогу авангарду Великой армии, выехал вперед, положив руку на шпагу, повелительными жестами и строгим видом заставил «этих варваров» отступить¹. Здесь надо отметить, что автор использовал также и традиционное представление о том, что дикарей необходимо воспитывать строгостью, что Неаполитанский король с успехом и осуществил.

Героизм Мюрата в этом походе признавали даже враги. Особенно восторгались им, если верить мемуарам, казаки. При вступлении в Москву, когда русские и французские отряды ненадолго смешались, казаки выразили Неаполитанскому королю свое восхищение его героизмом и даже назвали его своим гетманом². Правда, это восхищение не помешало русским воспользоваться доверчивостью Мюрата. Постоянно рассказывая ему о скором заключении мира, русские офицеры смогли притупить внимание маршала на то время, когда армия Кутузова выполняла Тарутинский марш-маневр³, что позволило русским безопасно отойти и занять стратегически выгодную позицию, поставив под угрозу коммуникационную линию Великой армии.

Séguir Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 263.

² *Ibid. P. 27.*

³ *Caulaincourt A. Mémoires. T. 2. P. 33.*

Но более всего подвигов выпало, пожалуй, в эту кампанию на долю маршала М. Нея. Надо признать, что маршал действительно воевал очень храбро, лично участвуя в атаках на русские укрепления под Смоленском, Валутиной горой и на Бородинском поле. В период отступления Великой армии он неоднократно оказывался командующим арьергардом, где проявлял чудеса героизма. Когда его корпус оказался отрезан в районе Красного от остальных сил, Ней заявил, что «все казаки и русские в мире не помешают мне соединиться с армией»¹. В результате он сумел с большими потерями вырваться из окружения, перейти Днепр по только установившемуся льду и, отразив множество атак, присоединился к Наполеону около Орши. В то время, когда основные силы Великой армии ничего не знали о судьбе герцога Эльхингенского и его корпуса, ходили даже разговоры, что маршал скорее повернет на Киев, чем капитулирует².

Правда, успешность этой операции выражалась в первую очередь в том, что спасся лично сам маршал, тогда как его войска были фактически уничтожены: из 6–8 тысяч солдат, которые были под его началом в Смоленске, в Оршу пришли по разным оценкам от 800 до 1500 человек³. На страницах мемуаров Ней становится символом величия и героизма французов в период отступления от Москвы до границ герцогства Варшавского. В Ковно он собирает солдат по одному из разных корпусов, чтобы прикрыть отступление Великой армии, и когда те пытаются бежать, побросав оружие, подбирает их ружья и начинает стрелять как простой солдат, выступив один против тысяч русских. Видя такое хладнокровие, солдаты возвращаются к нему, и он уже во главе тридцати человек продержался до ночи около ворот, ведущих в сторону Вильно. «Тогда он прошел через Ковно и Неман, продолжая сражаться, отступая, но не убегая, идя позади всех, до последнего момента поддерживая славу нашего оружия, и в сотый раз за сорок дней и сорок ночей жертвуя своей жизнью и свободой, чтобы спасти еще несколько французов! Он, наконец, последним из Великой армии вышел из роковой России, показав миру ничтожество счастья перед великой отвагой, доказав, что для героя все оборачивается к славе, даже самые великие поражения!»⁴ Кастеллан

Caulaincourt A. Mémoires. P. 152.

² *Ibid. P. 162.*

³ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 709. Д. Ливен утверждал, что Ней вывел из Смоленска 15 тысяч человек, из которых только половина была готова сражаться. На соединение с основными силами маршал привел всего 800 человек. *Lieven Dominic. Russia against Napoleon. P. 268.*

⁴ *Séguir Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 302–303.*

рассказывает эту историю более кратко, утверждая лишь, что Ней задержался, по сравнению с Главной квартирой, на один день в Ковно, чтобы защищать город, был в нем фактически окружен, но через лес сумел выбраться к основным силам с 50 солдатами¹.

В представлениях французов одни только имена маршалов могли иметь магическую силу. Описывая капитуляцию бригады генерала Ж. П. Ожеро 11 ноября под Ляховым, Коленкур заявил, что генерал капитулировал перед русским авангардом, из которого более половины сдались бы сами, если бы он назвал им свое имя². Но генерал этого не сделал и потому, видимо, сам оказался в плену. Насколько в действительности было известно имя маршала Ожеро российским солдатам, участвовавшим в этой операции, выяснить сложно.

Французские мемуаристы не раз упрекали своих противников за то, что те ведут войну «не по правилам», что выражалось в бегстве мирного населения вместе с армией и уничтожении всех возможных припасов, а также сожжении городов и деревень. Эвакуация населения началась еще в так называемых польских провинциях Российской империи. Коленкур утверждал, что уже при занятии Витебска французы не нашли ни одного человека в городе, ни одного отставшего солдата, ни одного шпиона³. Вопрос о том, какое количество населения в действительности покидало города и деревни при приближении наполеоновской армии, какое оставалось на месте и кто из них возвращался после прохождения основной массы войск, остается дискуссионным, но в любом случае ясно, что число беженцев, вернувшихся к своим домам только после изгнания французов, значительно. Подобная тактика оказалась довольно эффективной. Несмотря на постоянные находки военных и частных складов, Великая армия постоянно испытывала недостаток в продовольствии и фураже, а пополнять запасы у мирного населения оказалось затруднительно.

Мемуаристы попытались дискредитировать русское военное командование, утверждая, что те обманом вынуждали население бежать при приближении французской армии, и, таким образом, бегство мирных жителей не было глубоко осознанным действием с их стороны. Сегюр рассказывал, что в Смоленске император французов беседовал с попом, который сперва был настроен очень враждебно, но после разговора с Наполеоном смягчился⁴. Таким образом, цивили-

Castellane, Boniface de. Journal... Т. 1. Р. 213.

² *Caulaincourt A.* Mémoires. Т. 2. Р. 133.

³ Ibid. Т. 1. Р. 370.

⁴ *Ségur Ph. P.* Histoire de Napoléon. Т. 1. Р. 225.

лизационная миссия французов опять удалась. Также обманом Кутузов воодушевлял русские войска накануне Бородинской битвы¹.

Еще одним примером несоблюдения русским командованием правил цивилизованной войны должны были стать призывы к солдатам Великой армии изменить присяге и повернуть оружие против Наполеона². Коленкур писал: «Печатные листки за подписью Барклея, подобранные на наши аванпосты, доказывали, что он не очень щепетильно разбирался в применяемых средствах, так как в этих листовках французов и немцев призывали покинуть свои знамена, обещая устроить их в России». В отличие от русских генералов, Наполеон ведет войну честно и не объявляет об освобождении крестьян, хотя и мог бы это сделать³. При этом герцог Виченский забыл, что пункт 6 Акта об установлении Конфедерации Польши и Литвы прямо призывал российских подданных переходить на сторону французов⁴, хотя в этом случае перебежчики нарушали бы данную ими присягу российскому императору. Пример образцового поведения показал Р. Вьейо, который на предложение от фельдмаршала М. И. Кутузова перейти на русскую службу ответил твердым отказом, хотя оно было сделано ему, когда он – лейтенант 24-го полка легкой пехоты, пережив множество злоключений, оказался в плену⁵.

В мемуарных сочинениях не раз задавался вопрос, почему Наполеон в 1812 г. не объявил об освобождении крестьян, что, по мнению ряда авторов, могло коренным образом изменить ситуацию на театре боевых действий. Еще накануне начала войны в описаниях Российской империи, подготовленных французской разведкой, делались намеки на то, что крепостные в России ждут своего освобождения⁶. Генерал М. Сокольницкий утверждал, что крестьяне бывших польских земель охотно поддержат восстание, которое должна была, по его плану, поднять шляхта в помощь Великой армии⁷. Однако Наполеон в 1812 г. так и не решился на то, чтобы освободить кре-

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 277–278.

² Подробнее об этой войне прокламаций см. настоящее издание: Ч. I. Гл. 3.

³ *Caulaincourt A. Mémoires. T. 1. P. 364–365.*

⁴ *Moniteur Universel. 1812. № 199.*

Vieillot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie. P. 165.

⁶ Service historique de la Défense à Vincennes (далее – SHD DAT). 1M. 1488. *Statistique de Gouvernement d'Esthonie. P. 29.*

⁷ См.: *Сокольницкий М.* «Исполнено по высочайшему повелению...». Портрет, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольницким, с рекомендациями «о способах избавления»

постных в России. На территории бывшей Речи Посполитой Великая армия рассчитывала на поддержку со стороны местного дворянства. Поэтому император французов не стал освобождать здесь крестьян, т. к. это нанесло бы значительный удар по благосостоянию шляхты. Возможность объявить об освобождении крепостных на других территориях рассматривалась французским командованием несколько раз на протяжении кампании¹. Будучи уже в Москве, в октябре 1812 г., император отдал приказ предоставить ему сведения об истории пугачевского восстания, рассматривая освобождение крестьян и неизбежно вспыхнувшие бы, как ему казалось, в связи с этим волнения как возможный способ борьбы с российским государством². Таким образом, особое внимание к крестьянскому вопросу со стороны французских авторов основывалось на двух группах причин. С одной стороны, необходимость дать свободу крестьянам в России служило одним из идеологических обоснований войны, восходящих к пропагандистским документам периода проведения кампании, как, например, ответ французских гренадер, которые утверждали, что воюют за свободу жителей России. С другой – возможное провозглашение Наполеоном отмены крепостного права воспринималось как довольно сильное оружие в борьбе с Александром I, использование которого могло заметно повлиять на исход всей войны.

В действительности провозглашение освобождения крестьян скорее всего или не было бы услышано большинством крепостных, которые благодаря успешной антинаполеоновской пропаганде воспринимало французов как врагов-нехристей³. И даже если бы такой акт был бы услышан теми, кому он был адресован в первую очередь, это, скорее всего, привело бы к масштабному бунту в разных уголках

Европы от влияния России...». Минск: Белорусский государственный университет. 2003. С. 66.

¹ Подробнее об отношении Наполеона к крепостному праву и имевших место проектах использования тяжести положения крестьян в войне против России см.: *Ададуров В. В.* Между шляхтой и крестьянством: Отношение французских государственных и военных деятелей к крестьянскому вопросу в западных губерниях Российской империи во время войны 1812 года // *Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография.* М., 2010. Вып. 9. С. 118–139; *Попов А. И.* Социальная политика Наполеона в России 1812 года // *Французский ежегодник 2012.* М.: ИВИ РАН, 2012. С. 118–142.

² *Тарле Е. В.* Наполеон. Гл. 13. Нашествие Наполеона на Россию 1812 г.

³ Подробнее см.: *Чудинов А. В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // *Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года.* М., 2012. С. 336–365.

Российской империи, что не позволило бы Наполеону заключить мир на нужных ему условиях, а потому выступать с подобным заявлением ему не имело смысла¹. В польско-литовских губерниях крестьяне также не получили освобождения, т. к. такое действие снизило бы и без того невысокую поддержку действиям французов со стороны шляхты, которая не была готова расстаться со своей крещеной собственностью.

Мемуаристы видели в отказе от освобождения крестьян, или ошибку императора, или проявление благородства (как и при отказе от сожжения уцелевших подмосковных деревень), или же ошибку, порожденную благородством, т. к. Наполеон якобы не мог себе позволить действовать столь жестоко по отношению к мирному населению. При любой мотивации такой поступок должен был демонстрировать всему миру отличие французского императора от российских властей, которые целенаправленно уничтожали собственные города и деревни.

Самое большое впечатление на захватчиков произвел московский пожар. Именно в связи с сожжением древней столицы России авторы писем чаще всего применяли к русским эпитет «варвары». Для самого Наполеона это событие стало неожиданным и не вполне понятным². В дальнейшем этот пожар и его последствия для России и французов нашли более или менее детальное отражение в четырех бюллетенях Великой армии. Ни одно событие войны не было освещено в этих пропагандистских документах столь же подробно.

По поводу того, кто был виновником московского пожара, в письмах можно найти разные точки зрения. Так, солдат 21-го полка Пулашо писал жене: «Мы сжигали все на своем пути, после прихода в Москву мы сожгли и эту древнюю столицу»³. В некоторых письмах можно найти обвинения императора Александра I в том, что город был сожжен по его приказу. А солдат Маршал полагал, что Москва была сожжена английскими агентами⁴. Большинство авторов писем, вслед за бюллетенями, утверждали, что Москва была сожжена русскими по приказу Ростопчина⁵, который выпустил каторжников и

Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. С. 195.

² Первую реакцию императора см.: *Земцов В. Н.* 1812 год. Пожар Москвы. С. 75.

³ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 51.

⁴ *Ibid.* P. 34.

Подробнее о том, кого французы считали главным виновником пожара²¹: см.: *Земцов В. Н.* Наполеон в Москве (Наполеон, его солдаты и Россия) С. 207–209; *Он же.* 1812 год. Пожар Москвы.

поручил им сжечь город. «Этот Ростопчин, наверное, или негодяй, или древний римлянин; посмотрим, как его будут судить за такие дела», – писал А. Бейль¹.

Мемуаристы, в свою очередь, признавали сожжение городов частью продуманной тактики русских. «Пожар Смоленска уже не был в глазах Наполеона роковой и непредвиденной случайностью войны, ни даже актом отчаяния, а результатом холодного обдуманного решения. Русские проявили в деле разрушения порядок, заботливость и целесообразность, которые обыкновенно применяют, желая что-то сохранить»². На страницах воспоминаний французы гораздо реже признавали свою долю ответственности за московский пожар, оставляя его практически полностью на совести губернатора Ростопчина, который лично задумал и организовал эту акцию. Александра I также, как правило, не считали виновным в сожжении древней российской столицы. На самом деле сожжение городов не было абсолютно уникальным явлением русской кампании 1812 г.: так, в 1809 г. во время войны против Австрии в результате тяжелых боев за город от огня очень сильно пострадал Ратисбон (ныне Регенсбург), этот факт был также отмечен французами в мемуарах³. И не всегда российские города и села страдали только от рук россиян. Кастеллан, например, утверждал, что Молодечно было сожжено французами⁴. Однако столь широкое, если не сказать, повсеместное использование такой тактики стало характерной особенностью именно кампании 1812 г.

Стратегическое отступление русской армии, сопровождавшееся сожжением городов, способствовало формированию негативного образа как собственно армии, так и страны в целом, потому что подобная тактика не сочеталась у европейцев с представлениями о цивилизованном народе. Несмотря на то что отход вглубь страны можно было предсказать, и император Александр I в беседе с Коленкурком обещал действовать именно таким образом, Великая армия оказалась не готова к такому способу ведения войны. Уже в ходе кампании многие участники похода с некоторым удивлением писали о сожжении русскими своих городов. Правда, затем к этому быстро привыкли и уже предполагали подобные действия со стороны русских. Хирург Граналь, как уже отмечалось, предполагал, что в следу-

Стендаль. Собрание сочинений. Т. 15. С. 115.

² *Séguir Ph. P. Histoire de Napoléon. Т. 1. P. 224.*

³ *Petiteau N. Guerriers du Premier Empire. P. 61.*

⁴ *Castellane, Boniface de. Journal... Т. 1. P. 200.*

ющем году русские могут и сами сжечь Санкт-Петербург, если французы туда дойдут¹.

Участники похода в письмах во Францию неоднократно утверждали, что подобная тактика не очень эффективна и французы все равно побеждают. «Русские все сжигают, предполагая, что мы умрем с голоду. Но великий человек, который ведет нас, смеется над этим (предположением. – *Н. П.*), и французская армия еще не постытась, то есть мы находим муку, из которой варим кашу с небольшим количеством воды и соли, поскольку, надо сказать, что раздач еще не делали. Кроме того, мы едим капусту и картофель», – писал су-лейтенант Л. Ф. Куантен 20 сентября, то есть сразу после большого московского пожара². Схожие настроения можно найти и в письме Ж. Эйхнера отцу от 25 сентября: «Вопреки их ожиданиям, нам удалось найти много припасов, чтобы не страдать от голода»³.

Однако после долгого сидения в Москве, когда стало ясно, что конца войне не видно, отношение к этой тактике стало меняться. Интендантский служащий Ш. Лами писал 19 октября, что русские сожгли все от Смоленска до Москвы, в результате чего все лошади во французской армии, скорее всего, умрут с голоду, что очень плохо для армии в целом. И такой план, как он полагал, был принят русскими давно⁴. Ближе к концу кампании в письмах можно найти сетования на то, что армия слишком долго пробыла в Москве, питая иллюзии скорого мира. «Если бы мы покинули Москву на две недели раньше, можно было бы предотвратить ту катастрофу, которая случилась. Но противник сумел успокоить нас надеждами на мир и осуществить свой хорошо продуманный план»⁵, – писал полковник Берольдинген, военный атташе Вюртемберга.

Применение русской армией столь жестокой по отношению к собственному населению тактики сожжения максимально возможного числа населенных пунктов стало частью специфики этой кампании. При этом мемуаристы, отмечая нецивилизованный характер таких действий, одновременно пытались подчеркивать и невысокую их эффективность, во многом повторяя, только с большим числом подробностей, точку зрения, высказанную еще в личной переписке и бюллетенях. Так, Булар утверждал, что во время марша Великой армии от Смоленска к Москве сожжение городов Дорогобуж, Вязьма и

Lettres interceptées par les Russes. P. 210.

² Ibid. P. 18.

Ibid. P. 36.

Ibid. P. 168.

Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. T. 3. P. 146.

Гжатск совершенно не задержали продвижение французов¹. Несмотря на подробные описания московского пожара, который сравнивается мемуаристами с самыми известными пожарами из истории Древнего мира, во многих сочинениях можно найти указания на то, что и после того, как огонь был в основном потушен, французы находили в Москве немало припасов: продовольствия, теплой одежды и даже оружия. Правда, в городе осталось немного фуражных запасов, но тем не менее завоеватели не остались здесь без средств к существованию. Кроме того, инициатива в ведении боевых операций также оставалась за Великой армией. И даже марш от Москвы в направлении Калуги воспринимался в армии как продолжение наступления², хотя, по сути, был скорее движением назад.

В мемуарах участники похода утверждали, что после нескольких первых случаев последующие сожжения русскими своих населенных пунктов уже не были для них чем-то неожиданным и только сожжение столицы стало некоторым сюрпризом, т. к. жертва казалась чрезвычайно большой и явным образом разбивала надежды французов на заключение скорого мира. Подобное отношение к собственной территории одновременно вызывало озлобление у французов. Именно этим фактом мемуаристы объясняли попытку французов взорвать Кремль перед уходом из Москвы, а также заявлявшееся некоторыми командирами Великой армии желание уничтожить уцелевшие подмосковные города и села, чтобы, так сказать, закончить начатое самими русскими. Мысль о походе на Петербург, чтобы захватить и административную столицу России, которая, если судить по письмам, была довольно популярна в армии во время пребывания в Москве, в мемуарах отражается преимущественно как желание Наполеона, которое его окружение, скорее, осуждало³.

Сожжение собственных городов стало для многих участников похода важнейшим свидетельством русского варварства. В огне погибло не только имущество подданных российского императора, не только товары, стоимость которых измерялась многими тысячами рублей, но и оставленные в этих населенных пунктах русские раненые солдаты, что постоянно подчеркивалось в мемуарах, личной переписке и особенно в пропагандистских документах. В Можайске, после Бородинского сражения, скопилось довольно большое количество раненых, которых армия не могла увезти с собой. Именно из-за

Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 251.

² *Ibid.* P. 264.

³ См., например: *Séguir Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 55; Caulaincourt A. Mémoires. T. 2. P. 30.*

этого, по утверждению Сегюра, сперва русские не решались поджечь Можайск, однако вскоре начали стрелять гранатами по приближающимся французским частям, от чего деревянный город все равно загорелся и часть оставленных там несчастных раненых погибла в огне¹. Относительно числа раненых, оставленных в Можайске и Москве русской армией, большинство мемуаристов, вслед за бюллетенями, повторяли, что в огне пожара сгорело 20–30 тысяч раненых солдат². По данным современных российских историков, на момент вступления Великой армии в столице оставалось от 7 до 15 тысяч раненых, и далеко не все из них погибли во время пожара³.

Роль непосредственных исполнителей или поджигателей в разных ситуациях мемуаристы приписывали разным группам россиян. Смоленск, по мнению французов, был сожжен русской кадровой армией, и это действие нередко списывали на эксцессы войны и попытку, пусть и неудачно, задержать с помощью пожара преследование со стороны армии Наполеона, в связи с чем непосредственные исполнители часто не назывались. Ситуация с сожжением Москвы заметно отличалась. Сам масштаб пожара и количество уничтоженного движимого и недвижимого имущества впечатлял французских авторов. Особое место в описаниях пожара обычно отводилось мемуаристами подготовке этого варварского акта со стороны московских властей. Поджигателями обычно называли освобожденных по приказу Ростопчина заключенных вместе со специальными командами из числа полицейских, а также задержавшихся в городе российских мародеров. Роль солдат Великой армии в московском пожаре либо совершенно отрицалась, либо считалась незначительной по сравнению с вкладом подданных императора Александра. Небольшие города и деревни, как утверждалось в воспоминаниях, чаще всего сжигали казаки, что дополнительно формировало представление о них как о варварах. Нередко мемуаристы вкладывали в уста российских подданных, оставшихся на оккупированной территории, слова о том, что казаков в этой войне они боятся больше, чем французских солдат. Об этом, например, рассказывал Р. Вьейо один русский помещик⁴. Получалось, что российское население страдало от собственной армии и в первую очередь от казаков с их варварской тактикой даже больше, чем от действий противника. Подобное поведение казаков

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 305.

² См., например: *Peyrusse G. J. Mémorial et archives. 1809–1815. Carcassonne. 1869. P. 98.*

³ *Земцов В. Н. Битва при Москве-реке. С. 37.*

Viellot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie. P. 102.

вписывалось в ряд распространенных рассказов о них, как особом народе, который живет преимущественно войной и грабежом, и при этом для них не имеет значения, кого именно грабить: своих или чужих.

Действия русских летучих отрядов наносили большой урон Великой армии. Такие подразделения получали типовые инструкции, согласно которым их задачей было «предупреждать повсюду неприятеля, истреблять магазины, разорять переправы, постоянно тревожить неприятеля, более всего ночью, захватывать отдельные группы солдат противника»¹. Именование всех подобных отрядов казаками принижало роль русской кадровой армии в победе над Наполеоном. У читателей могло сложиться впечатление, что в эту кампанию наполеоновским солдатам противостояли только казаки, тогда как кадровые части только шли следом за Великой армией. В подтверждение большой роли казачьих войск в войне 1812 г. Коленкур приводил слова пленного, захваченного незадолго до Бородинского сражения: «Если все русские генералы и солдаты будут походить на казаков, – говорил он императору, – вы со своими французами не выйдете из России. Если у Наполеона будут казаки, он через некоторое время станет императором Китая. В то время, когда русские спят, казаки – бодрствуют. Русские генералы очень любят удобства и слишком любят спать. Если бы не казаки, французы были бы уже в Москве, Петербурге и даже Казани. Только казаки останавливают их каждый день»². Но если со стороны русского пленного подобное высказывание, если оно вообще имело место, было, скорее, бравадой и попыткой показать собственную значимость, то читатели мемуаров, зная об исходе кампании, воспринимали его уже как часть общего образа казаков как главных действующих лиц войны 1812 г.

Традицию изображения казаков как наиболее характерного варварского рода войск русской армии заложили различные сочинения просветителей XVIII в. При этом многие авторы считали казаков отдельным народом и возводили их происхождение к кочевым народам древней истории, в первую очередь – скифам. Лицом к лицу французские войска столкнулись с крупными отрядами казаков только в ходе войны 1806–1807 гг., когда в Европу было направлено значительное число казачьих полков, которые впервые начали использоваться в качестве самостоятельно действующих сил: в январе 1807 г.

Цит. по: *Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом.* С. 266.

² *Caulaincourt A. Mémoires.* Т. 1. Р. 417–418.

был сформирован отдельный казачий корпус под командованием М. И. Платова. Новшеством в военном искусстве того времени стали атаки казаков на пехотные колонны. А успешные действия казаков в качестве сил разведки и охранения оказались для французов совершенной неожиданностью. Зимой 1806–1807 гг. казачьи полки заметно затруднили передачу депеш между разбросанными французскими корпусами. Умелые действия казачьих отрядов в качестве разведчиков не позволяли Наполеону скрытно перегруппировывать войска, создавая на том или ином направлении численное превосходство перед русскими войсками¹. Уже в ходе той кампании наполеоновская пропаганда вынуждена была реагировать на подобные тактические новшества и успокаивать французов, объясняя им всю ничтожность угрозы со стороны этих варварских соединений. Также в период кампании в Восточной Пруссии французы стали часто называть казаками все легкие кавалерийские части русской армии, независимо от их фактического состава. В 60-м бюллетене Великой армии от 17 февраля 1807 г. сообщалось, что около Вилемберга тысяча казаков освободила три тысячи русских пленных². В то время как в действительности в состав отряда, освободившего русских солдат, наряду с одним казачьим полком пятисотенного состава, входили два эскадрона кирасир³.

Сокольниковский в своем проекте кампании 1812 г. уделил особое внимание казакам. По итогам войны генерал предлагал создать в южном Поднепровье и Новороссии казачье государство – Наполеонида, в состав которого должны были войти запорожские казаки и крымские татары⁴. Император французов, скорее всего, не придал большого значения этому авантюрному проекту. Ссылки на высказывания самого Наполеона о русских иррегулярных войсках использовались мемуаристами в качестве подтверждения общей концепции их влияния на исход кампании. Коленкур утверждал, что император после вступления в Москву часто интересовался настроениями казаков, которые якобы были недовольны сложившимся положением. Эта имевшая место неудовлетворенность казаков своим положением давала императору французов дополнительную надеж-

Сапожников А. И. Казачество в наполеоновских войнах // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. VI. М., 2007. С. 20–21.

² *Moniteur Universel*. 1807. № 63. 4 mars.

Сапожников А. И. Казачество в наполеоновских войнах. С. 22.

⁴ *Сокольниковский М.* «Исполнено по высочайшему повелению...». С. 81–82.

ду на скорое заключение мира¹. В другом месте своего сочинения герцог Виченский даже утверждал, также со ссылкой на разговор с Наполеоном, что казаки были готовы покинуть расположение русских войск². Если император французов в действительности вел подобные беседы, то их можно расценивать в качестве актов индивидуальной пропаганды с целью оправдания Наполеоном собственных действий в России. В то же время мемуаристы постоянно называли казаков потомками скифов, отмечали их дикость, жадность и жестокость, правда, все эти качества нередко дополнялись трусостью. Бургонь рассказывал, что в какой-то момент казаки стали преследовать его и Пикара, как волки, идущие по следам своей добычи, однако когда французы скрылись за деревьями, те побоялись их преследовать³.

Мемуаристы нередко выводили на страницах своих произведений настоящие этнографические зарисовки об этом отдельном народе. Во внешности казаков французы находили признаки их дикости: «Этот человек был безобразен: плечи как у Геркулеса, косые глаза, глубоко сидящие под нависшим лбом. Его волосы и борода, рыжие и густые, как конская грива, придавали его физиономии дикий вид»⁴. В этой заметке можно найти сразу несколько свидетельств дикости этого случайного попутчика французского сержанта, с которым они вынуждены были греться у одного костра. Тут и несомненная физическая сила, дополненная уродливым внешним видом с монголоидными чертами, нависший лоб должен был свидетельствовать о невысоком уровне интеллекта. Сравнение его волос и бороды с конской гривой делали его похожим на животное. Вьейо рассказывал, как один казак просто ради того, чтобы показать собственную удаль, подскочил к французам галопом, вытянул руку с пистолетом в их сторону и выстрелом убил жену одного из его товарищей. После чего скрылся в толпе других казаков. Вьейо утверждал, что это национальное занятие казаков под названием джигитовка (*djidhitevka*), которым любит заниматься казацкая молодежь⁵.

Открытых столкновений с солдатами Наполеона боялись – как утверждали французы – не только казаки, но и кадровая армия. Так, под Красным 25 тысяч русских перекрыли дорогу, но как только гвардия сформировала колонны и двинулась на них, они предпочли

Caulaincourt A. Mémoires. T. 2. P. 7.

² *Ibid. P. 30.*

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 168.

⁴ *Ibid. P. 149.*

Viellot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie. P. 132.

отойти, заняв при этом позиции на высотах над городом¹. В дальнейшем описании сержант утверждал, что в сражении под Красным французы столкнулись с 90 тысячами русских и сумели прорваться дальше, хотя и понесли ощутимые потери. То есть, даже имея преимущество в численности и позиции, русские не смогли одержать победы над Великой армией. По утверждению Коленкура, император полагал, что под Красным нескольких батальонов молодой гвардии должно было хватить, чтобы удержать корпус Милорадовича, даже если он представляет собой значительную силу². Подобные замечания конструировали легенду о непобедимой императорской гвардии.

Французские мемуаристы не преминули упомянуть о том, что тактика русских, принятая ими во время отступления французов до границы Российской империи, наносила значительный урон самой русской армии, которая ощутимо страдала от морозов, недостатка продовольствия и теплой одежды. «Зима, эта ужасная союзница московитов, дорого потребовала за свою помощь. Беспорядок у них был сравним с нашим. Мы видели пленников, которые несколько раз вырывались из их рук и скрывались с их обледенелых глаз. Они сначала шли среди тащившейся колонны врагов, и их не замечали. Тогда, улучив удобный момент, они осмеливались напасть на некоторых отдельно шедших русских солдат, отнимали у них провизию, мундиры, даже оружие и переряжались во все это. Потом они смешивались со своими победителями – такова была дезорганизация, глупая беспечность и отупление, в которое впала русская армия, что эти пленники шли целый месяц посреди нее и их не узнали»³. То есть и в этом тяжелом испытании французы превзошли русских, так как всегда отличали врагов от союзников, и подобные случаи отсутствовали в Великой армии. В том, что касается потерь русской армии за время наступления, то Сегюр писал, что у Кутузова из 120 тысяч осталось 35 тысяч, у Витгенштейна – из 50 тысяч – едва 15 тысяч⁴, правда он не указал, какие именно моменты кампании он сравнивает, а в случае с корпусом Витгенштейна точки сравнения не столь очевидны. Из такого описания получалось, будто это весьма значительное сокращение числа солдат в русских армиях произошло от морозов, в то время как боевые потери за этот период совершенно не были упомянуты.

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 108.

² *Caulaincourt A. Mémoires. T. 2. P. 150.*

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 298–299.

⁴ *Ibid. P. 299.*

Самый сильный аргумент, который должен был продемонстрировать развал и плохую организацию русских войск, мемуарист вложил в уста их союзника. Ссылаясь на Вильсона, Сегюр писал, что от вышедшего из центральной России отряда в 10 тысяч человек, «со всеми предосторожностями, которые только умеют там (в России. – Н. П.) принимать против зимы, в Вильно пришли только тысяча семьсот человек»¹. Что это был за отряд, мемуарист не указал.

По оценкам современных исследователей, потери русской армии за период отступления действительно были весьма значительными. В целом потери русской армии на втором этапе кампании составили около 200–250 тысяч погибших. В эту цифру входят как боевые потери, так и жертвы зимы и отсутствия продовольствия. Совокупное число погибших в Великой армии за этот период было примерно таким же, хотя сюда входили и пленные, многие из которых умерли в первые недели нахождения в плену². В этом отношении французские мемуаристы оказались правы, зима не щадила ни ту, ни другую армию, что стало для французов дополнительным доказательством их превосходства.

Не забыли в мемуарах привести примеры жестокости русских, которая соответствовала стереотипным представлениям европейцев о варварах. Вот как Сегюр описывал захват Вереи крестьянами: «Один из местных священников вооружил жителей, выпросил несколько отрядов у Кутузова, затем 10 октября, до рассвета, с одной стороны, дал ложный сигнал к атаке, а сам в это время проник, с другой стороны, устремился на наши палисады. Он их разрушил, проник в город и перерезал (*égorger*) весь гарнизон»³. В этом случае мы имеем дело не только со смешением родов войск, участвовавших в штурме города, но и прямым подлогом результатов этого штурма. На самом деле Верею атаковали регулярные части под командованием генерала И. С. Дорохова. В результате внезапного нападения им удалось захватить город, после чего генерал вооружил местных крестьян и приказал им скрыть построенные французами укрепления. Большая часть отряда вестфальцев, оборонявших город, попала в плен и отнюдь не была уничтожена, как о том писал мемуарист⁴. Другой пример дикого поведения русских воинов приводит Бургонь: русские – по его словам – часто прикидывались мертвыми или тяжело ранеными, ложились в снег, а при приближении неприятеля вскакивали

Ibid. P. 299.

² Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. С. 309.
Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 62.

⁴ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 117.

и открывали огонь. Но во время боя под Красным эта хитрость – как и следовало ожидать – обернулась против них самих. «К несчастью для них (русских. – *Н. П.*), позади подоспел еще один батальон, который шел в арьергарде и которого они не заметили. Тогда они попали между двух огней: в каких-нибудь пять минут их не осталось ни одного в живых»¹.

Французские мемуаристы не причисляли лично императора Александра I к варварам, что вполне соответствовало духу пропаганды периода войны. Русский царь предстает на страницах мемуаров упорным политиком, который, как оказалось в итоге, уверенно проводил принятую им стратегию военных действий. Свой план ведения войны российский император озвучил не один раз, и рассказы мемуаристов о нем практически совпадают. Незадолго до отъезда Коленкура из России Александр I предупредил французского посла, что будет отступать столько, сколько потребуется, пока морозы и пространства не поглотят французскую армию, какой бы многочисленной она ни была². Сходные предсказания о характере войны можно найти у Кастеллана в том месте, где он передает разговор российского императора с Нарбонном в Вильно, и уточняет, что Александр I обещал не заключать мира до тех пор, пока французы не покинут территорию его страны³. Сегюр, сравнивая двух императоров, явно отдавал предпочтение Наполеону, что не удивительно, поскольку Александр, по мнению мемуариста, почти не руководил армией и вообще был невоенным человеком. Его приказы были лишены смысла и противоречили ходу кампании, и возможно, поэтому российский император покинул армию в первые недели боев⁴. Правление Александра в целом все же называют деспотическим⁵, хотя мемуаристы и не заостряют внимание читателя на этом вопросе. Подобные характеристики явно должны были подтверждать превосходство Наполеона, который всегда сам руководил военными операциями. Такие оценки легко объяснимы тем, что большинство авторов мемуаров были людьми военными и оценивали поведение российского монарха со своей колокольни.

Еще одним излюбленным объектом для сравнения с французским командующим был М. И. Кутузов, ставший в мемуарах подлинным воплощением всего русского. Одним из главных качеств русского ге-

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 112.

² *Caulaincourt A. Mémoires.* Т. 1. P. 292–293.

Castellane, Boniface de. Journal... Т. 1. P. 96.

⁴ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon.* Т. 2. P. 3–4.

Ibid. P. 14.

нерала мемуаристы обычно называли любовь к обману. Умело используя религиозный фанатизм русских, т. е. фактически с помощью лжи, он воодушевлял своих солдат на борьбу с французами накануне Бородинского сражения. Обманывал он также московского губернатора Ростопчина. Накануне оставления Москвы Кутузов якобы клялся своими седидами, что не отдаст города без второго сражения, и скорее даст себя убить под его стенами¹. Российский главнокомандующий уверял петербургский двор, общество и москвичей, что победил под Бородином, и фактически обманывал даже Бога, ведь это по его указанию и опираясь на его донесения, русские возносили благодарственную молитву за победу в том же сражении², хотя французы были совершенно уверены, что русские в этой битве были разбиты. Правда, в этом отношении Кутузов продолжил традиции, начатые предыдущими командующими русской армии. Благодарственные молитвы были вознесены ранее за победы русских под Витебском и Смоленском³.

Развернутый портрет российского главнокомандующего выглядел так: «Это был старик, чья известность началась со странной раны, а затем уже он сумел искусно воспользоваться обстоятельствами. Храбрость Кутузова была бесспорна, но он всегда соразмерял ее с личными интересами, потому что всегда и все рассчитывал. Он обладал мстительным и малоподвижным характером, а в особенности хитростью, – это был характер татарина... Был более искусным царедворцем, чем генералом. Он был опасен своей популярностью и своим искусством увеличивать ее и заставлять других содействовать этому... В его внешности, разговоре и даже одежде, в его суеверных привычках и в возрасте было что-то напоминающее Суворова, отпечаток древнего Московита и национальных черт, делавших его особо желанным всем русским сердцам. В Москве после получения известия о его назначении люди обнимались на улице, считая себя спасенными»⁴. В контексте таких описаний характера М. И. Кутузова его сравнение с Суворовым выглядит несколько странно, так как в традиционных для Европы описаниях этот генерал был по многим качествам противоположен Кутузову, описанному у Сегюра: Суворов был быстр, решителен и никогда не назывался более царедворцем, чем генералом, а наоборот, не умел правильно вести себя при дворе. Такое сравнение, скорее, выдает желание автора доказать, что

Ibid. P. 21.

² *Caulaincourt A. Mémoires. T. 2. P. 9–11.*

³ *Ségur Ph.P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 256.*

⁴ Ibid. P. 262–263.

все самые известные и самые успешные российские генералы несколько странны и являются порождением варварского российского общества. Важно отметить, что, с одной стороны, характер Кутузова делает его похожим на татарина, а с другой – является отпечатком древней московской Руси. Таким образом, и вся Россия связывалась с татарами, то есть варварами. Полководческий дар Кутузова Сегюру оказалось почти что нечем проиллюстрировать, кроме поражения под Аустерлицем, «которое Кутузов предвидел», что содействовало его репутации, и последних походов против турок, которые еще более увеличили его славу¹. То есть все величие Кутузова как полководца оказывалось основано на том ореоле, который он сумел создать вокруг собственной фигуры, то есть опять-таки на лжи или как минимум преувеличении.

Московский губернатор Ф. В. Ростопчин также предстал в мемуарах подлинным варваром, в первую очередь из-за приписанного исключительно ему плана сожжения Москвы. Данная версия родилась еще в бюллетенях Великой армии и в дальнейшем была активно развита в воспоминаниях участников похода². «Москва должна была превратиться в огромную адскую машину, ночной и внезапный взрыв, которой должен был поглотить императора (Наполеона. – Н. П.) и его армию. Если бы даже враг избежал этой опасности, то все же у него не осталось бы ни крова, ни ресурсов, а весь ужас этого страшного бедствия лег бы на него, так как его обвинили бы в нем, как это уже сделали в Смоленске, Дорогобуже, Вязьме и Гжатске, и тогда взрыв негодования заставил бы подняться всю Россию. Таков был страшный план этого благородного (noble) потомка, одного из самых великих завоевателей Азии»³. Кого именно из завоевателей Азии имел в виду Сегюр, мы не знаем, однако можно предположить, что имелся в виду Чингиз-хан, поскольку мемуарист неоднократно в своем сочинении сравнивал русских с татарами. Но в отличие от Кутузова в образе московского губернатора подчеркивалось его благородство и жертвенность. «Он был образован, и общество его доставляло удовольствие. Но, как и у многих его соотечественников, в нем соединялась современная культура и древняя отвага»⁴, – продолжал Сегюр. Характер Ростопчина подтверждался – по мнению мемуариста – и уничтожением им собственного имени Вороново.

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 262.

² *Земцов В. Н. Битва при Москве-реке. С. 3.*

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 11.

⁴ *Ibid. P. 11.*

которое губернатор сжег собственноручно¹. Многие сведения и характеристики Ростопчина взяты Сегюром из бюллетеней Великой армии, из которых Европа впервые узнала о роли московского губернатора в уничтожении Москвы.

Описания хода боевых действий в 1812 г., русской армии и ее тактики занимают очень большое место в изученном комплексе документов. Именно эти описания должны были содержать основную специфику похода в Россию. Однако в частных письмах из Великой армии 1812 г. редко можно было найти подробные сведения о боевых операциях либо о ходе того или иного сражения. Как правило, авторы ограничивались общими словами и оценками соотношения потерь двух сторон. Такая лаконичность связана как с недостатком информации у многих участников похода, даже весьма высокопоставленных, так и с нежеланием вступать в противоречие с официальными бюллетенями, ибо в этом случае письмо могло просто не пройти цензуру и не дойти до адресата. Гораздо чаще в письмах встречаются упоминания о личных успехах или неудачах, потерях или приобретениях авторов.

Авторы писем обычно принижали значение действий противника и возвеличивали собственные успехи, закрепляя таким образом в широких слоях общества определенные стереотипы восприятия русской армии. В этом отношении французы вполне следовали европейской эпистолярной традиции.

В мемуарной литературе описания боевых действий стали более подробными благодаря доступности для их авторов различных источников информации: пропагандистских документов, армейской документации, устных и письменных воспоминаний других участников похода, а также личной корреспонденции. При этом мемуаристы старались перешеголять друг друга в литературной привлекательности своего сочинения, дать необычные оценки уже известным событиям, привести ранее неизвестные данные даже в ущерб достоверности.

Описания российских вооруженных сил носят в мемуарах специфический характер и развивают мифологию похода. Из всех воинских формирований, как и в переписке, здесь чаще всего упоминались казаки, хотя этим термином иногда назывались самые разные воинские соединения. Если верить мемуаристам, то казаки сыграли

Ibid. P. 52.

ключевую роль в победе над Великой армией в России, что еще раз свидетельствовало о роли стихийных и цивилизационных факторов в этой кампании, поскольку казаки традиционно были одним из символов варварства.

Наглядной демонстрацией представлений французских мемуаристов о характере кампании в России можно считать сцену встречи Бургоня со своим старым боевым товарищем – Пикаром: «Зарядный ящик разверзается, как могила, и из глубины его подымается фигура необычайной вышины, белая как снег с головы до ног, точно фигура командора в “Каменном госте”; одной рукой она поддерживала крышку ящика, а в другой держала обнаженную саблю. При появлении такого страшилища я отступаю на несколько шагов и обнажаю саблю. Ни слова не говоря, я гляжу на него, ожидая, чтобы он заговорил первый, но вижу, что мой призрак в затруднительном положении, старается выпутаться из большого капюшона, опущенного на лицо. Этот капюшон был прикреплен к длинному белому плащу и мешал ему видеть все окружающее... Наконец, нарушив молчание, я спросил его нетвердым голосом: “Вы француз?” – “Ну да, конечно, француз, хорош вопрос! А вы торчите тут передо мной и не можете помочь мне выйти из моего гроба. Эге, товарищ, вы трусили!”»¹ Подобно Пикару, вся французская армия вырывается с большим трудом из смертельного предприятия в России, сбрасывает саван и продолжает свой великий поход.

Глава 4. Русское общество глазами солдат Великой армии

§ 1. Социальная структура и национальный состав русского общества. Поиск союзников и противников

Наряду с климатом, географией и казаками еще одним специфическим переживанием французов, добавившим ярких красок образу России, стала встреча с гражданским населением империи царей. За время своего пребывания в России участники похода видели представителей разных народов, проживавших на оккупированных территориях. Это были и признанные союзниками поляки и литовцы, и евреи, которым, по предположению французского командования, надлежало сыграть важную роль в снабжении Великой армии, и русские крестьяне, помещики и горожане, проживавшие на захваченных

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 149–150.

территориях, а также иностранцы: французы, немцы, итальянцы и представители иных европейских народов, которых было довольно много в Москве и других городах.

В переписке периода кампании солдаты Великой армии нечасто упоминали о прямых контактах с мирным населением страны. Тому было несколько причин. Во-первых, весьма значительная часть населения при приближении обеих армий покидала свои дома. Пожалуй, только в западных, некогда польских, губерниях Российской империи большая часть жителей осталась на месте. По свидетельству лейтенанта 5-го прусского гусарского полка Калкройта, когда их полк проходил через Витебск 28 июля, там присутствовали почти все жители¹. Но в Смоленской, Московской и Калужской губерниях часто вместе с русской армией уходило практически и все население деревень и городов. Во-вторых, авторы большинства из имеющихся в нашем распоряжении писем служили при Главной императорской квартире, на территории которой не имели права находиться посторонние лица. Одну редкую, но интересную заметку о населении захваченных территорий находим у Э. Мунье в уже цитированном письме от 22 августа. Сравнивая Россию и Польшу, он так описал увиденных им русских: «Это более приятная нация, и бороды, которые они носят, длиннее и придают им вид более мужественный и гордый, что им особенно идет»².

Поскольку весь поход против России был объявлен Наполеоном Второй польской кампанией, многие его участники воспринимали поляков и литовцев как союзников. В мемуарах, большинство из которых писалось уже после польских восстаний 1830 и 1863 гг., когда общественное мнение Франции активно сопереживало судьбе польского восстания и польской нации, можно найти немало теплых слов о поляках, проживавших на территории Российской империи. Так, Бургонь подробно описывал, как поляки помогали ему в окрестностях Березины и Вильно, делясь с ним продовольствием и предупреждая о находящихся неподалеку русских солдатах³.

Однако, если верить Коленкуру, литовцы прохладно отнеслись к попыткам французов создать новую администрацию и идее объединения с Великим герцогством Варшавским. Особенно недовольны они были рекрутскими наборами⁴. Набор в литовские вооруженные

Chuquet A. 1812. *La guerre de Russie*. Т. 2. P. 20.

² *Ibid.* P. 69.

³ *Bourgogne A. J. B.* *Mémoires*. P. 189.

⁴ *Caulaincourt A.* *Mémoires*. Т. 1. P. 352, 359.

силы, созданные по приказу императора французов 1 июля 1812 г., проходил трудно, многие рекруты дезертировали, а набранные отряды не были должным образом экипированы. В результате литовские войска не сыграли особой роли в ходе кампании, хотя и приняли участие в обороне Вильно и Ковно¹.

Согласно мемуарам, польские офицеры часто выполняли функцию разведчиков, отправляемых в тыл противника, или переводчиков, которые могут поговорить с местными жителями, чтобы найти дорогу. Предполагалось, что поляки, из-за близости их страны к театру военных действий, лучше знакомы с местными условиями жизни и климатом. В некоторых случаях они действительно полностью оправдывали подобные надежды. Например, Каstellана какой-то поляк учил спасать руки от обморожения².

Все население бывших западных губерний Российской империи французы считали своими потенциальными союзниками. Уже в период кампании 1806–1807 гг. появились первые проекты организации восстания на территории приграничных российских губерний, ранее входивших в состав Речи Посполитой. При этом «география» таких восстаний была весьма широкой. Авторы одного из проектов утверждали, что и под Киевом, и под Одессой французов ожидает широкая поддержка со стороны местного населения³. Вероятнее всего, заявления о возможности массового выступления на территории Российской империи в случае вторжения французов были исключительно плодом воображения некоторых поляков и имели своей целью дальнейшее вовлечение французов в войну за восстановление Польши.

Накануне нового столкновения с Россией в 1812 г. также появились различные сочинения, в которых упоминалось о готовности населения «русской Польши» выступить в поддержку Наполеона, как только его войска перейдут границу и будет объявлено о восстановлении самостоятельного польского государства. Наиболее известным подобным сочинением стали заметки дивизионного генерала М. Сокольниковского, находившегося в тот момент на службе короля Саксонии, которому принадлежало и Великое герцогство

Подробнее см.: *Dundulis B. Napoléon et la Lituanie en 1812.*

² *Castellane, Boniface de.* Journal... Т. 1. Р. 204.

³ *Захарчук О. Н.* Проекты польского генерала Михаила Сокольниковского и Отечественная война 1812 г. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2009. С. 192.

Варшавское. Для скорейшей победы Великой армии в войне против России Сокольникович предлагал поручить польским контингентам поднять восстания в тех российских губерниях, которые ранее входили в состав Речи Посполитой, что, по его мнению, будет сделать несложно¹. Восстание должно было вспыхнуть на очень широкой территории от Западной Двины до Смоленска, Киева и Каменец-Подольского.

Сочинение Сокольниковича создано в традиции проектов преобразования тех или иных территорий, написанных авантюристами XVIII в. Реалистичность плана по организации восстаний не ставилась автором под сомнение, возможное противостояние со стороны противника (русских войск) в расчет не принималось. Опираясь на распространенный стереотип о враждебности всех поляков по отношению к России и их готовности еще раз выступить против русской монархии при первой же возможности, автор утверждал, что поднять восстание на западе империи Александра I будет легко. Наряду с поляками, которые составляли меньшинство населения, в регионе будущего восстания проживало много других национальных групп, принадлежавших к тому же к разным конфессиям. Материалы о состоянии российских губерний, составленные накануне войны Биньоном, Лелорнь д'Идевилем и Даву, наглядно демонстрировали сложную этно-конфессиональную обстановку в регионе. Однако Сокольникович не стал концентрировать внимание императора, который должен был стать главным читателем его произведения, на этом факте. Такие подробности могли зародить излишние сомнения у Наполеона в реализуемости проекта восстания. Кроме того, император не раз выражал негативное отношение к любым стихийным, «диким», формам бунтов и высказал пожелание, чтобы такое восстание разворачивалось согласно принципам крупных шляхетских конфедераций XVIII в. – Барской и Тарговицкой². Поэтому обращать его внимание на дополнительные сложности в реализации плана было недальновидно.

Вопрос лояльности населения польских и литовских губерний императору Александру волновал и представителей российской элиты. Опыт бывших польских провинций Пруссии и Австрии, выступивших против своих монархов в поддержку Наполеона в 1806 и

Сокольникович М. «Исполнено по высочайшему повелению...». С. 59.

² *Ададунов В. В.* Польское дворянство юго-запада России в планах Наполеона во время военной кампании 1812 г. // История и историческая память. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6. Саратов, 2012. С. 166.

1809 г., наводил на подозрение, что и в России польское и литовское дворянство может выступить против царя, если между тильзитскими союзниками начнется война. Такие опасения поддерживались многочисленными фактами эмиграции поляков из России на территорию Великого герцогства Варшавского после его создания. Особенно массовый характер переходы приобрели во время и после войны Франции с Австрией в 1809 г., некоторые специалисты заявляют, что в тот период войска главнокомандующего герцогства Ю. Понятовского пополнились тысячами выходцев из России¹, среди выехавших в соседнее государство были представители разных слоев населения: дворяне, мещане и даже крестьяне. Точные данные по числу эмигрантов остаются дискуссионными, но в любом случае факт отъезда в великое герцогство волновал руководство страны. Правительство в 1809–1810 гг. даже предприняло ряд мер, направленных на сдерживание потока мигрантов. Среди прочего предполагалась конфискация имений тех лиц, которые нелегально покидали страну или содействовали оттоку жителей в соседнее государство². Меры эти оказались не очень действенны, т. к. часть уехавших были молодыми людьми и либо еще не вступили в права наследования, либо вообще не обладали имуществом, которое подлежало изъятию. Наиболее состоятельные магнаты, например Д. Радзивилл, после выхода таких постановлений возвращались в Россию, но только за тем, чтобы продать или заложить свои имения, и после этого опять покидали страну.

Результативность мер российского правительства оказалась неоднозначной. С одной стороны, продавшие свои владения магнаты все равно уезжали, к тому же прихватив с собой значительные наличные средства, на которые оснащали воинские соединения в герцогстве Варшавском. С другой стороны, страну покидали наиболее антироссийски настроенные лица, которые, избавившись от имущества, фактически разрывали многие связи с местным населением. К началу новой войны между Россией и Францией проданными по-

Лукашевич А. М. Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале Отечественной войны 1812 года в оценке российских служб контрразведки // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9–11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009. С. 58.

² Список конфискованных с 1809 по 1813 г. имений, который вело Министерство финансов, составил 400 страниц. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. С. 196.

местьями уже на протяжении одного-двух лет владели другие люди, которые устанавливали собственные порядки, что неизбежно снижало влияние прежних владельцев.

До начала войны 1812 г. между русскими генералами развернулась оживленная полемика о том, как поляки отзовутся на вторжение французов. Генерал Л. Л. Беннигсен, выступая с поддержкой плана превентивной войны против Франции, утверждал, что наступление русских в герцогстве Варшавском не позволило бы Наполеону заручиться поддержкой поляков, проживавших в западных пограничных районах России. Большинство генералов были согласны с тем, что в случае вторжения Наполеона в Россию и провозглашения им восстановления Польши большая часть образованных поляков в Литве и Белоруссии выступят в его поддержку – отчасти на волне националистического подъема, отчасти веря в то, что он одержит победу¹. Российские власти предприняли ряд мер по нейтрализации возможных сторонников Наполеона на территории западных губерний.

Вопреки ожиданиям французского командования и опасениям российских властей население западных и юго-западных губерний оказалось в целом вполне лояльно императору Александру. Широких выступлений против российской власти в губерниях, оккупированных Великой армией и находящихся рядом с театром военных действий, не случилось. Причин такого явления можно назвать несколько. Эмиграция наиболее профранцузски настроенных дворян, которые мечтали возродить польское государство, эффективные действия российской контрразведки по нейтрализации недовольных, в том числе аресты целого ряда французских шпионов, направленных в Российскую империю с территории Варшавского герцогства, а также активность местной полиции и чиновников министерства внутренних дел способствовали нейтрализации антироссийских настроений в землях бывшей Речи Посполитой². Вполне лояльное отношение российских властей к местным дворянам, которых охотно принимали на военную и гражданскую службу и не препятствовали их продвижению по карьерной лестнице, укрепляло желание поляков и литовцев продолжать строить свою карьеру в Российской империи. После начала боевых действий в 1812 г. не бы-

См. об этом подробнее: *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. С. 188 и далее.

² Подробнее см.: *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи. С. 195 и далее.

ло зафиксировано массового дезертирства из русской армии поляков, хотя французские прокламации их к этому и призывали¹.

Масштабные реквизиции, организованные французами на территории польских и литовских губерний, часто переходившие в открытый грабеж, также не способствовали формированию поддержки со стороны местного населения всех сословий. События на театре военных действий развивались довольно быстро, но в отличие от большинства предыдущих кампаний Наполеона успехи французов были не столь однозначны. С одной стороны, они заняли большую часть территории России, но с другой – так и не одержали решительной победы над русской армией и война явно затягивалась. При этом потери Великой армии были весьма значительны, что заставляло задуматься о возможности победы французов, и тем более сомнительным становилось отделение западных губерний от империи Александра I по итогам войны.

Великая армия состояла из контингентов разных государств, и некоторые из них имели свою историю взаимоотношений с польским государством. Так, Австрия на протяжении нескольких столетий была соперницей Речи Посполитой и одной из главных участниц ее разделов. Саксония, в свою очередь, частично входила в состав польского государства, а с 1807 г. именно саксонский король являлся формально верховным правителем Варшавского герцогства. Поэтому мародерство со стороны австрийских и саксонских войск, которые провели большую часть кампании на «польских» территориях, дополнительно подогревало недовольство местного населения по отношению ко всей Великой армии².

* * *

Кроме поляков и литовцев, французы на страницах сочинений о войне 1812 г. довольно часто писали о евреях, которые старались не покидать свои дома и легко вступали в контакт с завоевателями. Именно их французы часто пытались использовать в качестве проводников, а также поставщиков необходимых материалов. Так, А. Бейль, став главным интендантом трех округов на оккупированной территории, просил своего подчиненного Феске, интенданта Могилева, прислать в Смоленск несколько богатых евреев, чтобы договориться с ними о поставках³. Об участии евреев в снабжении ар-

Moniteur Universel. 1812. № 220. 7 août.

² Ададуров В. В. Польское дворянство юго-запада России в планах Наполеона. С. 178–179.

³ Стендаль. Собрание сочинений. Т. 15. С. 119.

мии писал и другой чиновник интендантского ведомства, чье имя осталось нам неизвестным¹. Отчасти обращение именно к еврейскому населению было вызвано тем, что по всей Европе традиционно именно представители этого народа часто выступали поставщиками всех армий.

На территории бывшей Речи Посполитой (как в России, так и в Великом герцогстве Варшавском) проживало довольно много евреев. В начальный период войны французам удавалось привлекать жителей местечек к снабжению армии и в качестве проводников: Каstellан в записях за июль–август неоднократно упоминал о том, что евреи помогали лично ему, указывая дорогу к необходимому пункту назначения, и что «только через них можно было что-то доставить в этой стране». Общение облегчалось тем, что, по словам Каstellана, «все евреи говорят по-немецки»². Действительно, французам было намного сложнее найти общий язык с литовскими, польскими или русскими крестьянами, чем с теми, кто говорил на немецком языке или на идише, имеющем много общего с немецким.

Однако если в начале кампании евреи довольно охотно шли на контакт с представителями Великой армии, то по мере того как в западных губерниях начала формироваться новая польско-литовская администрация, многие иудеи стали опасаться возврата к более дискриминационным, по сравнению с Российской империей, порядкам, существовавшим в Речи Посполитой до ее раздела. Поэтому постепенно еврейские общины стали все больше склоняться к сопротивлению французским оккупационным силам и открыто выражали поддержку русской армии и властям³.

При этом внимание французов к евреям как возможным поставщикам часто сочеталось с довольно пренебрежительным к ним отношением. Выше уже рассказывалось, как чиновник интендантского ведомства Ф. Л. Рео сообщал жене 10 ноября, что живет в грязной лачуге у «отвратительных евреев», единственных обитателей оставленных населением городов⁴.

Под Витебском Бургонь остановился в доме одного еврея, у которого было «две дочери с овальными фигурами»⁵. Не забыл сержант

Lettres interceptées par les Russes. P. 113.

² *Castellane, Boniface de. Journal...* Т. 1. P. 116.

³ *Фельдман Д. З.* О патриотизме российских евреев в Отечественной войне 1812 г. // *Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации.* Ч. 2. Вологда, 2000. С. 116–117 и далее.

⁴ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 254.

⁵ *Bourgogne A. J. B. Mémoires.* P. 5.

описать и жадность евреев. В Москве он встретил одного «раввина», который стоял и смотрел на то, как горит его синагога, где было спрятано все его добро вместе с имуществом других членов общины. И вот, вместо сожаления о потерях, этот раввин тут же захотел начать торговлю с гвардейцами. Те же принялись издеваться над несчастным погорельцем, силой заставив его есть ветчину, о чем Бургонь с радостью и написал¹, хотя затем этот раввин на протяжении нескольких дней служил им проводником по Москве.

В период отступления французы не раз останавливались в еврейских местечках на ночлег, поскольку другие жители часто отсутствовали, а здесь можно было найти теплый кров и какое-то пропитание. При этом авторы мемуаров не забывали продемонстрировать свое отношение к тем, кто оказывал им помощь. На подходе к Смоленску колонна гвардии остановилась на ночлег в одном еврейском хуторе. Здесь Бургонь обратил внимание на то, что живут евреи в больших домах, «похожих на гумно», только деревянных и с деревянной же крышей².

Традиционные, часто клишированные, описания евреев тоже нашли отражение в мемуарах. В специальном параграфе, посвященном этому народу, Бургонь рассказывал о том, как его вместе с его другом Пикаром евреи пытались обмануть при обмене банковских билетов на деньги, и только силой и угрозами французы заставили махинаторов выдать им обещанную сумму денег. После завершения денежных дел один из неудавшихся мошенников накормил обоих французов сытным обедом, а когда через некоторое время у Бургоня заболел живот, он обвинил этого еврея в отравлении³, хотя более вероятно, что боли стали следствием переедания после долгого голодного существования.

В начале XIX в. на территории Российской империи проживало много иностранцев, родившихся подданными других государств и приехавших в Россию для того, чтобы заработать. Среди них были колонисты, желавшие заняться сельским хозяйством, иностранные ремесленники, занимавшие в городах отдельные улицы или кварталы, кроме того, выходцы из других государств служили учителями, врачами, поварами. Во многих городах существовали театры, где играли преимущественно иностранные актеры. В русском обществе накануне кампании получили широкое распространение представления об опасности иностранцев, в первую очередь французов, кото-

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 25–26.

² Ibid. P. 74.

³ Ibid. P. 238.

рых считали потенциальными союзниками Наполеона и подозревали в шпионаже, тем более что тогда в России проживало немало французов. В Москве незадолго до вступления в нее Великой армии начались настоящие гонения на иностранцев. Губернатор Ростопчин вынужден был даже вывозить некоторых из них из первопрестольной под специальной охраной. Следствием этих событий стало то, что многие немцы, французы и представители других европейских национальностей посчитали для себя более выгодным остаться в городе в надежде найти защиту у наполеоновских войск, а не уезжать в неизвестном направлении, тем более что транспорта на всех явно не хватало.

В Великой армии также были распространены представления о том, что живущие в России выходцы из европейских государств должны стать в силу своей культурной и языковой близости союзниками Наполеона. Это мнение нашло отражение и на страницах мемуаров, но авторы отмечали также, что многие иностранцы очень опасались мести русских. Так, немец, служивший учителем в сельской школе, указал Вьейо и его товарищам направление на Смоленск, но сопроводить их отказался, боясь наказания со стороны русских войск за свою помощь¹. Описывали мемуаристы и те страхи, которые испытывали российские иностранцы перед русскими, тем самым еще раз напоминая о жестокости и варварстве русских. Так, Сегюр писал о француженке, которая вынуждена была прятаться в последние дни эвакуации Москвы, «рискуя быть убитой мужиками», и покинула свое убежище только 3 сентября, чтобы увидеть пустеющий город и исход из него «громadной толпы мужчин и женщин, охваченных отчаянием. Они несли свое имущество, свои иконы и тащили за собой детей. Впереди шли священники в полном облачении, несли священные хоругви и взывали к небесам в молитвах, выражавших скорбь»². Это описание придавало рассказу о московском пожаре дополнительную эпическую значимость и навевало воспоминание о бегстве Энея из Трои и других схожих событиях древней истории. Отечественная война 1812 г. действительно всколыхнула в русском обществе волну патриотизма, сопровождавшуюся проявлениями ксенофобии, в результате чего иностранцы, до тех пор довольно спокойно проживавшие на территории России, вынуждены были бояться за свою жизнь. Опасаясь таких настроений, многие из них покинули Москву вместе с Великой армией, но их дальнейшая судьба зачастую оказывалась печальна. На страницах мемуаров есть множество

Vieillot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie. P. 109–110.

² *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 15–16.*

упоминаний о тяжком пути мирных иностранцев к русской границе. По словам Кастеллана, «большинство этих несчастных умерло»¹.

Гендерный вопрос также имел в России некоторую специфику, которая добавляла ярких красок образу страны в целом. В письмах упоминания о русских женщинах довольно редки. Некоторые авторы писем специально подчеркивали отсутствие женского общества на протяжении всей кампании. Можно предположить, что мужчины, писавшие эти письма, просто умалчивали о имевших место встречах с противоположным полом, т. к. неразумно упоминать о возможных амурных приключениях в посланиях, которые будут прочитаны матерями, женами, возлюбленными. Так, А. Бейль в послании графине Дарю от 16 октября утверждал, что не видел женщин «после хозяек почтовых станций в Польше»². А интендантский служащий Ф. М. Пенгуиль Ларидон в те же дни жаловался жене, что в то время, как она в Париже наслаждается балами и иными развлечениями, он со времени вступления в Россию не видел даже сколько-нибудь милостивых женских лиц³.

На страницах произведений мемуарного характера можно чаще найти упоминания о встречах участников похода с противоположным полом, которые имели определенную специфику, связанную с образом страны в целом. Некоторые авторы подчеркивали, что подобные встречи происходили очень и очень редко, что наводило их на довольно странные мысли относительно русского общества. «Мне странным казалось находиться в женском обществе. Я давно встречал одних только мужчин и воображал, что нет женского пола между русскими дворянами», – писал де Ла Флиз⁴.

В Москве участники похода смогли убедиться, что женщины в России все же есть, хотя многие из представительниц прекрасного пола, с которыми они общались здесь, были иностранками, не уехавшими с основной частью населения. Но некоторые французы встречали и русских женщин. Бургонь утверждал, что в одном из оставленных домов они обнаружили двух простых русских баб, которым солдаты обустроили симпатичную каморку. Кроме того, они собрали для своих красавиц женскую одежду различных фасонов. Облачаясь в эти наряды, женщины становились в воображении французов

Castellane, Boniface de. Journal... Т. 1. Р. 191.

² *Стендаль.* Собрание сочинений. Т. 15. С. 124.

Lettres interceptées par les Russes. Р. 108.

⁴ *Ла Флиз де.* Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 2003. С. 102.

представительницами какого-либо из восточных народов: монголками, китайками или индианками. Однажды для них был устроен бал, во время которого их переодевали во французских дворянок и называли баронессами и маркизами, что, видимо, доставило большое удовольствие публике¹. Поскольку для этих новоиспеченных дворянок не смогли найти помады и пудры, пришлось использовать жир и муку, что только подчеркивало искусственность и карнавальнй характер всего происходящего. Правда, по утверждению мемуариста, основной ежедневной задачей этих «маркиз» была стирка и починка белья французских сержантов и унтер-офицеров. Когда гвардейцы покидали Москву, они оставили своих московитских красавиц, отдав им ту часть добычи, которую не могли увезти с собой. Это, по словам Бургоня, сделало их богаче, чем когда-либо ранее². На прощание французы также поклялись в верности своим «монголкам», «китайкам» и «индианкам»³. Эта «клятва верности» является единственным свидетельством того, что эти «дутьсиней» или «маркизы», как их именует Бургонь, выполняли в их роте обязанности не только прачек. История, рассказанная французским сержантом, является типичной для романтических походов европейца в России. Подобные приключения, в которых обязательно фигурировали переодевание женщин во француженок, обучение языку и манерам европейцев и улучшение их материального положения по сравнению с тем, что было до этой встречи, должны были лишнй раз подчеркнуть благотворность влияния европейской цивилизации на Россию в целом⁴.

Чтобы особо отметить тяжесть отступления, многие мемуаристы писали, что когда пришли тяжелые времена и каждый стал больше думать о себе, отношения с женщинами практически перестали их волновать. Кастеллан выразил, как он полагал, общее настроение следующим образом: «Она (некая модистка из Москвы. – *Н. П.*) умирала от голода. Я поделился с ней шоколадом, полученным накануне, и с моей стороны это не было ухаживанием. Мы были настолько уставшими, что каждый повторял без конца, что предпочтет бутылку плохого бордо самой прекрасной женщине на свете»⁵. Однако, несмотря

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 50.

² *Ibid.* P. 54.

Ibid. P. 55.

⁴ Подробно этот сюжет рассматривается в: *Вульф Л. Изобретая Восточную Европу.* Гл. II. Обладая Восточной Европой: Сексуальность, рабство и телесные наказания. С. 98–148.

⁵ *Castellane, Boniface de. Journal...* Т. 1. P. 192.

на тяжесть похода, некоторые авторы не забывали подчеркивать, что старались проявлять рыцарское отношение к дамам. Так, Р. Вьейо, обнаружив в поместье, где его часть остановилась на ночлег, прятавшихся девушек, обещал им не раскрывать их убежища, чтобы не подвергать опасности со стороны своих товарищей по оружию¹.

Согласно распространенному как минимум с XVIII столетия мнению общество в России представляло собой сочетание небывалой роскоши и богатства узкого слоя высшей аристократии с крайней бедностью большинства населения. В начале XIX в. во Франции и других европейских государствах разница в доходах богатейших фамилий и беднейших слоев общества также была очень значительна, и, трудно сказать, являлась ли российская ситуация уникальной. Однако участники похода 1812 г. обратили свое внимание на такое расслоение российского общества и посчитали его одним из проявлений специфики России.

В письме графине Дарю от 16 октября А. Бейль объяснял приверженность богатейших людей Москвы к роскоши тем, что при годовом доходе от 500 тыс. до полутора миллионов франков этим людям, кроме предметов роскоши, более не на что тратить такие деньги, ибо при дворе их богатствами легко может завладеть «какой-нибудь гвардейский сержант»². В письме, адресованном сестре Полине и графине Беньо, Бейль, повторив почти дословно многие пассажи из письма графине Дарю, уточнял, что у представителей этих богатейших фамилий (всего около 1000 человек, по его мнению) «здесь, при деспотическом правлении, остается только одно – наслаждение»³. Таким образом, будущий писатель повторял и еще один распространенный стереотип – деспотичность правления российских государей.

Мемуаристы также отмечали увиденное ими в России резкое социальное расслоение общества, которое отражается и в уровне цивилизованности разных сословий. Ф. П. де Сегюр утверждал, что российская аристократия по своим обычаям, культуре, знанию современных европейских языков и элегантности костюма была близка европейцам, в то время как купцы удивляли своей роскошью и азиатским внешним видом, а простой народ носил греческие костюмы и

Vieillot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie pendant les années, 1812 1813–1814. Luneray, 1996. P. 100.

² *Стендаль. Собрание сочинений. Т. 15. С. 124.*

³ Там же. С. 134.

длинные бороды¹. В чем проявлялся греческий характер костюмов русского простонародья, автор не уточнял.

Основное население России в начале XIX в. составляли крепостные крестьяне, и мемуаристы, в отличие от авторов писем, посвятили им немало строк в своих сочинениях. Описывая крестьян, авторы не забывали упомянуть об их рабском состоянии, что было важнейшей характеристикой русского общества. В то время, когда писалось большинство мемуаров (1820–1850-е гг.), крепостное право, как полагали авторы, представлялось явлением, давно пройденным всеми цивилизованными народами. Поэтому описание быта и внешнего вида русских крестьян должно было вызывать немалый интерес у читателей. Употребление по отношению к крестьянам транслитерации русского слова «мужик» (moujik, muzhik и др.) только подчеркивало отличие российских крестьян от французских, итальянских или немецких. Булар, начавший свою карьеру в начале 1790-х гг., в описании кампании 1798–1799 гг. отмечал, что в Италии крестьяне очень милы и имеют большое сходство с персонажами Вергилия². К русским крепостным подобных сравнений обычно не применяли.

«Мужики» являлись как бы отдельным народом, проживавшим на территории России и вызывавшим у мемуаристов большой этнографический интерес. Даже такой аккуратный в формулировках автор, как Коленкур, называл крестьян «суеверными варварами»³. Многие упоминали, что крестьяне носят длинные бороды и основным видом одежды для них служит тулуп. И то и другое в глазах европейцев было несомненным атрибутом дикости. Тот же Коленкур сообщал, что все отставшие солдаты Великой армии подвергались риску быть захваченными казаками или убитыми крестьянами⁴.

Во французской Россике XVIII – начала XIX в. было распространено представление о русских крестьянах как о наиболее невежественной, грубой и варварской части российского общества. Эта точка зрения неоднократно повторена и в мемуарах о походе 1812 г. Иногда для большей убедительности подобные характеристики вкладывались мемуаристами в уста самих русских. Например, брат предводителя дворянства города Мглин в разговоре с Ла Флизом назвал грубость и невежество русских крестьян важнейшей причиной их жестокости по отношению к французам⁵.

Séguir Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 6.

² *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 55.*

³ *Caulaincourt A. Mémoires. T. 2. P. 81, 109.*

⁴ *Ibid. T. 1. P. 387.*

Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. С. 95.

Бесчеловечность и своеволие помещиков по отношению к крепостным часто вызывали возмущение у авторов, ибо нельзя, считали они, относиться к людям, как к скоту. Однако, оказавшись в России, сами французы иной раз использовали русских пленников в качестве тягловой силы и совершенно не стеснялись этого. Бургонь рассказывал о том, что в Москве они впрягли двух русских в телегу с награбленными товарами, тогда как другую, более легкую, тянули четверо французов. При этом сержант выражал надежду, что вскоре найдется еще одна упряжка, подобная первой. А чтобы русские не сбежали, они проявили «разумную предосторожность» и привязали их к подводе¹. Мотив насилия как важнейшего средства обучения русских также нашел свое отражение в мемуарах. Тот же Бургонь писал, ссылаясь на слова русского офицера, который, правда, был французом по происхождению, что крестьян приходилось насильно сгонять в ополчение, а для более быстрого исполнения приказов крестьянами он часто использовал плетку². Как считали французы, в силу собственной дикости русские не очень уважительно относятся к законам, поэтому для обеспечения выполнения приказов необходимо применять физическую силу. Зная о неисполнении русскими собственных законов, пленные французы старались жаловаться на притеснения со стороны конвоя не непосредственным командирам этих отрядов, а либо кадровым офицерам, желательно в звании генерала, либо местной администрации из дворян. Так, по словам Ла Флиза, сделали французские офицеры, с которыми он оказался в одной партии, что улучшило отношение к ним конвоиров³. Правда, и такой способ не всегда помогал. Жалоба русским властям бывших пленных, возвращавшихся на родину (в составе этой партии был и Г. Роос), на действия офицеров конвоя, которые постоянно обманывали крестьян с оплатой за транспорт, никаких последствий не имела: «Все осталось по-старому, как всегда делается в России»⁴. В результате конвой в какой-то момент остался без лошадей.

Оказавшись в плену, многие солдаты Великой армии смогли близко познакомиться с бытовой жизнью низших слоев российского общества. Фон Иелин отмечал нечистоплотность крестьянских изб, так что пленные солдаты Великой армии часто уходили в хлев и но-

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 33.

² *Ibid.* P. 177.

³ *Ла Флиз де.* Поход Наполеона в Россию в 1812 г. С. 78.

⁴ *Роос Г. У.* С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. С. 203.

чевали со скотом, где по крайней мере не было тараканов¹. О грязи в одном из кабаков Тулы, куда пленных отвели, чтобы накормить, писал и Вьейо². При этом он отмечал, что мирное население в тех местах, где военных действий не было, относилось к французам скорее с интересом, чем враждебно, хотя и обзывали порой «свиньями и собаками»³. Гораздо большая угроза для пленных исходила от конвоя. Отношение охранников иногда наводило бывших солдат Великой армии на мысль, что главной задачей сопровождающих российских воинов было умиротворить пленных, а не довести до места назначения. Но и тут бывали исключения. Один из офицеров конвоя, по словам Вьейо, рыдал при виде их страданий и готов был поделиться собственным имуществом с пленными, но позже оказалось, что такие эмоции были вызваны скорее количеством выпитого: на утро офицер даже не вспомнил об этом разговоре⁴. Такое влияние алкоголя на русских офицеров и дворян, а Вьейо утверждал, что не раз сталкивался с подобным, лишней раз свидетельствовало о необузданности, невоздержанности, а следовательно, и о дикости русских.

Российские аристократы часто, по словам мемуаристов, отделяли себя от основной массы населения империи, и их представления о характере войны, причинах поражения французов и особенностях российского общества были весьма схожи с французскими. Нередко в их уста авторы вкладывали собственное мнение, чтобы придать ему больший вес. Дворяне, как правило, были более приветливыми, о чем свидетельствуют, например, многочисленные благодарности, высказанные в мемуарах Вьейо майору Меркулову и В. Д. Боборыкину за их помощь во время его нахождения в плену⁵. При этом авторы мемуаров все же не забывали указать на свое превосходство по отношению даже к представителям высших слоев российского общества. В описании российского общества мемуаристы использовали и другие распространенные стереотипы восприятия России. Фон Иелин, находясь в плену, утверждал, что русские легко и быстро учатся языкам. «Русские очень способны, особенно легко они усваивают иностранные языки, и большинство дворян говорят хорошо по-французски. Я знал девушек лет двенадцати – пятнадцати, кроме родного языка говоривших и довольно порядочно писавших по-польски, по-французски, по-немецки и немного по-

Иелин Х. Ф. фон. Записки офицера армии Наполеона. С. 192.

² *Vieillot R.* Souvenirs d'un prisonnier en Russie. P. 195.

³ *Ibid.* P. 196.

⁴ *Ibid.* P. 202.

Ibid. P. 197, 208 и др.

итальянски. Также способно простонародье, оно скоро научилось от нас многим словам и нас часто просили сказать, как называется та или другая вещь по-немецки»¹. Таким образом, русские в понимании французов представляли собой чистый лист, который легко можно заполнить знаниями, и европейцы (в данном случае в лице пленных) помогали усвоить им эти знания.

§ 2. Религия и церковь в России

Большое значение при характеристике русского общества как для писавших о нем ранее, так и для участников похода 1812 г. имел религиозный вопрос. Во французской армии, как уже говорилось, отношение к религии и вере было более чем прохладным. Поэтому религиозность русских вызвала у мемуаристов большой этнографический интерес. После многочисленной критики в адрес христианства и церкви в эпоху Просвещения и церковных гонений во время Революции во французском обществе снизилось число верующих. Особенно невелик их процент был в армии. Об этом свидетельствовал настоятель московской церкви Св. Людовика аббат А. Сюрюг. В своих письмах он утверждал, что за все время нахождения Великой армии в Москве к нему приходили только 4 или 5 офицеров из старых фамилий. Важнейшим показателем распространения атеизма среди французов было то, что только двух человек из всей армии аббату Сюрюгу довелось похоронить по христианскому обряду². Утверждение Сюрюга о массовом атеизме касается в первую очередь именно французов, так как, например, немцы и поляки имели в Москве собственные приходы, соответственно, солдаты польских или немецких контингентов, скорее всего, посещали собственные приходы. Только в письме интенданта Могилева А. Л. М. Феске от 3 ноября можно найти свидетельство того, что в этом городе были организованы специальные богослужения для военных по воскресеньям в монастыре кармелитов³. Однако, если принять во внимание, что письмо было адресовано матери, то, возможно, эта фраза была написана специально для нее.

По мнению мемуаристов, религиозность русских носила в большой степени внешний, обрядовый характер, что являлось следствием необразованности большинства населения. Сегюр даже называл русских идолопоклонниками, т. к. они «превратили религию духа,

Иелин Х. Ф. фон. Записки офицера армии Наполеона. С. 200.

² Подробнее см.: *Земцов В. Н.* 1812 год. Пожар Москвы. С. 116.
Lettres interceptées par les Russes. P. 188.

чисто интеллектуальную и нравственную, в физическую и материальную, чтобы сделать ее более доступной своему грубому восприятию»¹. Именно путем обращения к религиозным чувствам Кутузов пытался воодушевить русскую армию перед Бородинским сражением, «заговорив с ними о небе, этой единственной родине, остающейся рабству! Во имя религии равенства он старался побудить этих крепостных рабов защищать имущество и жизнь господ»². То есть Сегюр фактически утверждал, что русский полководец обманом побуждал солдат к подвигам в будущем сражении. Но далее он признавал, что этот обман удался, и каждый воин русской армии считал себя предназначенным самим Богом защищать небо и святую для него землю.

В отличие от Кутузова Наполеон накануне битвы не устраивал религиозных церемоний, а только выпустил воззвание. Солдаты Великой армии и без того были уверены, что «истинные силы находятся в человеческом сердце и что именно там скрывается небесная армия»³. Правда, идущее следом описание поклонения старой гвардии портрету Римского короля несколько напоминает почитание религиозной святыни, чего Сегюр предпочел не заметить.

Попытка русских властей придать текущему конфликту характер религиозной войны не осталась незамеченной мемуаристами. Сегюр передал разговор Наполеона с русским священником (in pöre) в Смоленске, в ходе которого «священнослужитель с твердостью упрекал императора в предполагаемом осквернении святынь», однако императору удалось быстро доказать, что это русский генерал отдал приказ «поджечь торговые склады и колокольни, а потом нас же обвинял в этих ужасах». В результате священник пошел успокаивать паству: «Это вовсе не религиозная война, а просто политическая ссора с нашим императором. Солдаты Наполеона сражаются только с нашими солдатами. Они вовсе не режут, как нам говорили, стариков, женщин и детей». Затем этот священник даже якобы отслужил благодарственный молебен⁴. Таким образом, русское командование, по мнению Сегюра, исключительно обманом побуждало русскую армию и русский народ к войне, пользуясь их невежеством и незнанием истинных причин конфликта.

Однако мемуаристы отмечали и некоторые положительные стороны сильной приверженности религии со стороны российского на-

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 277.

² Ibid. P. 277–278.

³ Ibid. P. 278.

⁴ Ibid. P. 224–225.

селения. Это выражалось, например, в более уважительном отношении к мертвым, свидетельством чему было то, что, отступая с Бородинского поля, русские похоронили всех своих павших, в отличие от французов¹. Но некоторые традиции, связанные с погребальным обрядом, были не вполне понятны французам и приписывались исключительно дикости русских. Бургонь описывал странный, с его точки зрения, обряд. Некая женщина обнаружила около поста гвардии тело своего то ли мужа, то ли отца, казненного как поджигателя: «Она сидела на земле, держа голову этого умершего на коленях, положив руку на его тело, иногда обнимая его и не проронив ни слезинки». Посочувствовав, Бургонь предложил этой женщине выпивку (*liqueur*), от которой она не отказалась и выпила три стакана, после чего объяснила французам, что останется здесь три дня до того момента, пока мертвый не воскреснет. Но после разговора, вероятно, под воздействием выпитого, она заснула². В этом рассказе присутствуют сразу несколько стереотипных представлений о русском обществе: любовь к внешним проявлениям веры (женщина собиралась сидеть три дня, но не плакала), примитивные представления о религии, любовь к алкоголю. При этом мемуарист еще раз фактически подтверждает, что для самих французов религия не имела большого значения.

Во многих мемуарах отмечалось особое внимание русских к внешним атрибутам религии. Фон Иелин вспоминал, что во время его путешествия вглубь страны в качестве пленного крестьяне не дали похоронить одного из умерших французов, т. к. на нем не было креста, а значит, он не христианин. В следующей деревне все пленники купили себе нательные кресты³. О внимании русских к нательным крестам говорит и рассказ Вьейо, которому российская дворянка подарила такой крестик со словами: «Если во время боя вы будете ранены или пленены, покажите его нашим солдатам или мужикам. Вместо того чтобы оскорблять вас, они вам помогут»⁴. О важной роли религиозных обрядов в жизни русских крестьян свидетельствовали и конфликты, которые, по словам де Ла Флиза, возникли у французов с крестьянами из-за того, что пленные не соблюдали Рождественский пост⁵.

Séгур Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 303.

² *Bourgogne A. J. V. Mémoires. P. 23–24.*

Иелин X. Ф. фон. Записки офицера армии Наполеона. С. 126.

Viellot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie. P. 105.

Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. С. 86.

Повышенное внимание к обрядам французы отмечали не только у русских, но и у представителей других народов Российской империи. Фон Иелин рассказывал, что когда партия пленных, к которой принадлежал и он, остановилась в татарской деревне в Пензенской губернии, хозяйка дома на основании того, что они не крестились, входя в дом и перед едой, отнеслась к ним очень доброжелательно и сытно накормила, т. к. сама была мусульманкой и не любила христиан¹.

Некоторые авторы полагали, что, хотя религиозность русских и была проявлением их варварства, это обстоятельство нужно было учесть при подготовке кампании, и тогда, возможно, ее исход был бы не столь плачевным. «Наполеон вступил в войну, не имея представления о нравах и характере русских. Он не обратил внимания на то, как дороги для русских церкви и сан священника. Едва ли он признавал их за христиан. Он не давал должных указаний войскам о сохранении церквей и охране духовенства и тем навлек ненависть народа на французов. В глазах русских они хуже мусульман, потому что обращают церкви в конюшни»². Здесь надо отметить, что во французской армии был введен запрет на использование палаток во время ночных стоянок. Солдатам и офицерам разрешалось останавливаться на постой только в домах или под открытым небом, из-за чего они довольно часто использовали церкви, как наиболее крупные строения, для постоя и в качестве конюшни³. Это происходило не только в России, но и в других странах, но именно здесь это вызвало наиболее сильный протест со стороны населения, подтвердив установки российской пропаганды, изображавшей французов врагами Христианства и Русской православной церкви.

В мемуарах, в отличие от писем, можно найти довольно много упоминаний о гражданском населении Российской империи. Воины Великой армии повстречались с представителями самых разных народов и слоев общества. В описании этих людей можно заметить сильное влияние стереотипов восприятия, которые сложились во французском общественном мнении к началу войны, а также тех предположений, которые делались участниками кампании относительно лояльности тех или иных народов по отношению к французской армии. Так, предполагалось, что поляки и литовцы будут хоро-

Иелин Х. Ф. фон. Записки офицера армии Наполеона. С. 197.

² *Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. С. 44.*

³ *Petiteau N. Guerriers du Premier Empire. P. 21.*

шо относиться к французской армии и всячески ей помогать. Также рассчитывали на помощь со стороны евреев, хотя при случае не забывали посмеяться и даже поиздеваться над ними. Наполеоновские войска полагались и на российских иностранцев, со стороны которых ожидали помощи, хотя многие из них, скорее, сами нуждались в покровительстве и защите. Этнически русское население мемуаристы четко разделяли на аристократию, которую полагали более похожей на себя, и простой народ, мужиков. Российские дворяне, если верить мемуарам, часто оценивали происходящие события так же, как и французы, подтверждая тем самым, что цивилизованные люди везде одинаковы, и следовательно, необычное поведение русских во время кампании является порождением варварства, которое еще очень сильно распространено в России. Носителями этого варварства становятся крестьяне или мужики, которые выступают на страницах воспоминаний практически как отдельный народ. Особая религиозность русских, имеющая внешний обрядовый характер, также дополнительно должна была свидетельствовать об их цивилизационной отсталости по отношению к французам.

В силу особого характера мемуарных источников, которые создавались спустя годы, а иногда десятилетия после описываемых событий, трудно сказать, насколько эти стереотипы были актуальны для авторов во время самой кампании. Вполне возможно, что рассказы о диких народах, населявших Российскую империю, явились плодом исключительно писательского воображения и родились за письменным столом. Необходимо, однако, отметить, что из-за того, что авторы мемуаров о войне 1812 г. являлись очевидцами описываемых событий, доверие к их произведениям было очень велико и их использовали как источник проверенных знаний о России на протяжении длительного времени.

В ходе кампании участникам похода Наполеона часто не хватало времени на анализ своих впечатлений, поэтому в письмах нередко представлена только сухая констатация фактов из жизни Великой армии. Интересно, что авторы писем лишь иногда задавались вопросом, почему они оказались в таком тяжелом положении? Ответ на этот вопрос был дан позже – в воспоминаниях участников похода, где с красочными подробностями рассказывалось об ужасах российского климата и об отступлении Великой армии в нечеловеческих условиях. При этом мало кто из участников похода задумывался о роли интендантских служб в неудовлетворительном снабжении продуктами, фуражом и теплыми вещами. Гораздо чаще тяжелые бытовые условия списывались на особенности страны. Такое объяснение было проще и, в конечном счете, не бросало тень на императо-

ра, культ которого, без сомнения, был очень силен в армии, не навело на мысль, что именно он виноват в катастрофическом исходе войны.

В связи с малым числом упоминаний в переписке мирного населения России стереотип о дикости и варварстве населения практически полностью оказался перенесен на русскую армию, а точнее казаков. Намеком на дикость страны, где в тот момент находилась Великая армия, служит, пожалуй, лишь фраза из письма интенданта Старой гвардии Ф. М. Пенгуиля Ларидона о том, что он с самого начала не хотел участвовать в кампании в стране волков¹. При этом завоеватели, оказавшись в глубине «варварской» страны, сами все больше начинали отождествлять себя с варварами. Правда это отождествление носило временный характер, и после выхода многочисленных сочинений о походе Наполеона в Россию в 1812 г. варварами остались уже только русские². На изображение в письмах русской армии и изложение роли казаков (при всей неопределенности этого термина для французов) в поражении Великой армии также заметно повлияли бюллетени.

Глава 5. География и климат России как важнейшие противники Великой армии

§ 1. Российские пространства в представлении французских солдат 1812 г.

Несмотря на довольно большое количество сочинений о России, вышедших в предыдущее столетие, Россия в начале XIX в. по-прежнему оставалась страной мало известной широким слоям общества Европы и рассматривалась ими как неевропейский или не вполне европейский мир.

Подготовка к кампании против России велась Наполеоном на протяжении весьма длительного периода – более года. За это время были мобилизованы большие массы солдат, собраны ресурсы многих европейских государств. Император французов понимал, что война против Александра I потребует очень больших усилий. Одновременно с подготовкой резервов, вооружения, провианта и фуража велся активный сбор информации о территории будущего театра военных действий. Была подготовлена и отпечатана на французском языке максимально подробная для того времени карта Российской

Lettres interceptées par les Russes. P. 106.

² Земцов В. Н. 1812 год. Пожар Москвы. С. 134.

империи, которая представляла собой доработанную версию российской столитовой карты¹.

Разведывательная деятельность Франции на территории России была неотъемлемой частью подготовки кампании 1812 года. В октябре 1810 г. Наполеон приказал своим службам систематически собирать и анализировать все сведения о России, которые могли бы оказаться полезными в случае войны. Единой разведывательной службы у Наполеона в тот момент не было, информация собиралась различными способами: из архива МИД, через агентов на территории России (куда в 1807–1812 гг. проникали многочисленные шпионы) и французские посольства в самой России и других европейских государствах. Агентурной работой занимались несколько разведцентров – в Варшаве им руководил будущий историк Л. П. Э. Биньон, в Данциге – генерал Ж. Рапп, в Северной Германии (Гамбург) – маршал Л. Н. Даву. В декабре 1811 г. бюро Биньона получило конкретные задания – военная разведка, перлюстрация и перевод перехваченных бумаг, допрос перебежчиков и т. п.² Кроме того, Биньон должен был организовать сбор информации не только о приграничных районах, но и обо всех территориях вдоль главных дорог от Вильно на Петербург и Москву. Все данные из посольств поступали в МИД, где был создан информационный отдел для систематизации и анализа сведений об иностранных армиях (Бюро внешней статистики), во главе которого стоял Л. Ф. Лелорнь д'Идевиль, имевший большой опыт разведывательной деятельности в Пруссии и России и который к тому же владел русским языком³. Он же осуществлял поиск нужной информации в архивах французского МИД.

Помимо сведений исключительно военного характера (размещение и численность войск, состояние крепостей и складов), собиралась также топографическая и статистическая информация о рос-

Подробнее о подготовке французской карты см.: *Ададуров В. В.* От ментальной картографии к военной топографии: представления французов о восточноевропейском пространстве накануне кампании 1812 г. (на примере юго-западных окраин Российской империи) // *Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы.* М., 2011. С. 21–42; *Безотосный В. М.* Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 г. // *Новая и новейшая история.* 2004. № 4. С. 190–202; *Попов А. И.* Инженеры-географы Великой армии в кампании 1812 г. // *Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография.* Вып. 10. М., 2010. С. 100–118

² *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 40–41.

³ Там же. С. 39.

сийских губерниях, на территории которых потенциально могли вестись боевые действия. При подготовке сводных материалов¹ их авторы активно использовали опубликованные географические описания Российской империи, выходящие в значительном количестве в Германии и России². При составлении сведений для Наполеона печатными источниками пользовались не только сотрудники французского МИД в Париже, но и находившийся в Варшаве Биньон, которому также не хватало проверенных агентурных сведений, собранных на территории будущего противника³. В этих материалах, наряду с топографической и статистической информацией, можно найти размышления авторов об истории России в целом и отдельных ее провинций, описания быта и нравов народов, проживающих на территории империи царей.

Несмотря на все собранные разведкой материалы и публикацию накануне открытия боевых действий нескольких атласов Российской империи, заметки о которых можно найти в *Moniteur Universel*, представления о географии России у большинства французов оставались

Один из наиболее полных комплексов материалов о России, подготовленных французской разведкой накануне войны отложился в архиве военного ведомства: SHD DAT. 1M. 1488–1489. Копии этих же материалов можно найти также и в других архивах Франции и России.

² Важными источниками сведений о российских губерниях стали: *Ehrmann T. F.* Neueste Länder und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände. III Band. Russland. Weimar, 1807; *Hassel J. G. H.* Statistische Uebersichts-Tabellen der sämtlichen Europäischen und einiger aussereuropäischen Staaten. Goettingen, 1809; *Petri J. Ch.* Neuestes Gemählde von Lief- und Ehistland, unter Katharina II und Alexander I in historischer, statistischer, politischer und merkantilischer Ansicht. Auch als ein Beytrag zur Kenntniss des Russischen Reichs. Leipzig, 1809; *Storch H.* Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen. Riga, 1795; *Storch H.* Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs. Riga, 1797–1803; *Rußland unter Alexander I.* St. Petersburg, 1803–1811; *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: В 4 т. СПб., 1799.

³ Подробнее см.: *Промыслов Н. В.* Сведения французской разведки о Московской губернии в 1812 году в материалах Военного архива сухопутных сил Франции // «Сей день пребудет вечным памятником...». Бородино 1812–2012 / Материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. Можайск, 2013. С. 195–210; *Михайлова Ю. Л., Промыслов Н. В.* Сведения французской разведки о прибалтийских губерниях Российской империи в 1812 году (по материалам Военного архива сухопутных сил Франции) // Россия и Балтия. Вып. 7. М., 2015. С. 64–80.

весьма приблизительными, впрочем, как и представления о географии других неевропейских стран.

Слухи о том, что поход против России лишь начало пути, и конечной целью может стать Индия или Египет, были распространены в 1812 г. в обществе и армии достаточно широко. Капитан О. М. Дюпен в письме от 3 декабря 1811 г. отцу пересказывал слух о том, что из России они могут отправиться в Китай¹. Гренадер Дельво писал родителям 9 июня, что армия идет в Индию или Египет – для него все равно куда, что он любит путешествовать и хочет посмотреть весь мир. Правда, его представления о географии были весьма приблизительными: так, в письме от 18 апреля он сообщал, что от Парижа до Индии 1300 лье². О том, что целью похода может стать Индия, писал и сержант Ж. Леба³.

Многие авторы воспоминаний также упоминали о циркулировавших слухах, что поход против России является началом более далекого путешествия. Бургонь утверждал, что не раз слышал от солдат, что армия будет вынуждена отправиться в Монголию и Китай, чтобы захватить местные владения Англии и усилить тем самым Континентальную блокаду⁴. Майор Булар, без сомнения, неплохо информированный человек, накануне Бородинского сражения с интересом обнаружил, что находится «в наиболее возвышенном регионе России, среди притоков и недалеко от истока Волги, этой великой реки, которая пересекает Европейскую Россию и уже в Азии впадает в Каспийское море, и что истоки Борисфена, впадающего в Черное море, и истоки Двины, впадающей в Ботнический залив, также находятся недалеко»⁵. Тут надо отметить, что истоки всех трех рек действительно находятся относительно недалеко друг от друга на Валдайской возвышенности. Удаленность по прямой Бородинского поля от истока Волги составляет менее 300 км, от истока Днепра около 150 км, а от истока Западной Двины также менее 300 км. По сравнению с удаленностью Бородинского поля от Франции, а такие сравнения вольно или невольно делали все участники похода, расстоя-

Du Niémen à la Bérézina. Lettres et témoignages de soldats français sur la campagne de Russie / Ed. par M. Roucaud et François Houdececk. P., 2012. P. 51.

² *Chuquet A.* 1812. *La Guerre de Russie...* T. 1. P. 6. Расстояние между Парижем и Дели даже по прямой несколько больше – 6600 км или 1650 лье, не говоря о том, что в действительности по суше такой путь был бы еще длиннее, особенно в случае похода французской армии через Москву.

³ *Chuquet A.* 1812. *La Guerre de Russie...* T. 1. P. 5.

⁴ *Bourgogne A. J. B.* *Mémoires.* P. 58.

Boulart J. F. *Mémoires militaires.* P. 253.

ния между тремя русскими реками уже казались незначительными. Кроме того, подобное описание должно было продемонстрировать, что Великая армия оказалась в самом центре Российского государства, подчеркивая успешность наполеоновских войск.

В своей книге Л. Вульф показал, как в эпоху Просвещения в Европе был сформулирован концепт Восточной Европы как нецивилизованного, отсталого региона. Не ставя задачи оспорить концепцию американского историка в целом, сделаем некоторое уточнение по части географических координат. В текстах XVIII в. указанный регион хотя и считался единым географическим пространством, связанным общими цивилизационными чертами, но чаще именовался «северным», чем «восточным». В мемуарах участников похода 1812 г. можно найти множество упоминаний о принадлежности покоряемых широт к северу. По мнению де Ла Флиза, Смоленск был близок к северному полюсу¹, а Бургонь утверждал, что во время его скитаний под Березиной ночью ему дорогу освещало северное сияние, которое часто можно видеть в здешних краях².

По территории Российской империи участники похода 1812 г. традиционно проводили и ментальную границу между Европой и Азией. Нередко такой границей называли Днепр, который многие авторы писем и мемуаров именовали, вслед за древними греками, Борисфеном³. Античные авторы входили в круг обязательного чтения образованного человека того времени, и такое наименование реки, протекающей через Смоленск, возможно, было более известным. Иногда, правда, приходилось подчеркивать, что в этом районе Днепр представляет собой небольшой поток⁴. Дополнительную значимость Днепру как географическому рубежу между варварством и цивилизацией придавал тот факт, что в XVII–XVIII вв. эта река являлась границей между Речью Посполитой и Россией. Поэтому понятна радость О. Боне, достигшего Смоленска после отступления из Москвы: «Мы очень рады оказаться на древних границах Европы. В нескольких лье отсюда – граница Польши. И очень приятно оставить позади эту дьявольскую (infernale) Россию. Воины самой глубокой древности не совершали никогда подобной кампании»⁵.

¹ *Ла Флиз де*. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. С. 24.

² *Bourgogne A. J. B. Mémoires*. P. 137.

³ См., например: *Chuquet A.* 1812. *La guerre de Russie*. Т. 2. P. 68, 268; *Lettres interceptées par les Russes*. P. 205, 213.

⁴ *Chuquet A.* 1812. *La guerre de Russie*. Т. 2. P. 68. *Lettres interceptées par les Russes*. P. 252.

Граница между Европой и Азией не была абсолютно четко зафиксирована на Днепре и нередко помещалась авторами в районе Москвы. Бургонь полагал, что, когда армия вышла из Москвы по направлению к Калуге, она сразу оказалась в Азии¹. Ц. Ложье, как только увидел Москву с одного из холмов, сразу вообразил себя на границе Азии². Сегюр полагал, что из Москвы в Азию вела Владимирская дорога³. Адьютант императора был гораздо более точен в своих представлениях. Действительно, именно по владимирскому тракту все путешественники выезжали из Москвы, чтобы попасть в азиатские провинции империи, однако, поскольку автор не указал расстояние до них, у читателей могло сложиться впечатление, что Владимир расположен близко к границе этого региона. Несколько далее в своем сочинении Сегюр упомянул, что азиатская часть России преобладает над европейской⁴. Если сравнивать только площадь азиатских и европейских губерний, то автор, безусловно, прав, но поскольку никаких критериев для сравнения указано не было, у читателя опять же оставалась возможность для любых фантазий и размышлений.

В изображении российских городов также можно найти множество характеристик, которые помещали их в контекст Востока и способствовали формированию образа страны. В переписке сведения о городах встречаются не очень часто. Исключение составляет Москва, которую описывали более подробно, что было связано со значимостью города, а также продолжительным (около месяца) нахождением в нем многочисленных сил Великой армии, тогда как пребывание основных сил в других городах часто ограничивалось буквально одним-двумя днями. За это время большинство участников похода не отдалялось от места дислокации своей части. Интендант Могилева А. Феске описывал город, где проходил службу, буквально в двух-трех предложениях, отмечая большое количество греческих церквей, среди них он выделяет одну «с прекрасными росписями, которая была построена Екатериной II в честь ее знаменитой встречи с Павлом I в столице ее губернии»⁵. Немногим более можно найти в письмах упоминаний о Смоленске, где основные силы Великой армии провели несколько дней во время отступления к границе. А. Бейль прибыл

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 56.

² *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 г. С. 101.

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 31.

⁴ *Ibid.* T. 1. P. 136.

Имеется в виду собор, построенный в 1780 г. Екатериной II в память о встрече в Могилеве с австрийским императором Иосифом II, которого автор письма перепутал с Павлом I. *Lettres interceptées par les Russes.* P. 189.

в город 2 ноября и нашел его очень живописным и даже «единственным в своем роде», хотя и немного испорченным снегом¹. Однако большую часть армии волновали по прибытии в Смоленск прежде всего материальные вопросы, и у них не было времени на то, чтобы оценивать красоту смоленских пейзажей, тем более, как писал генерал Ж. К. Дюрок, «Смоленск сохранился не лучше, чем Москва. Он сожжен в той же мере, что и столица»².

Мемуаристы уделили больше внимания другим, кроме Москвы, городам, описывая их яркие и заметные отличия. «В Гжатске, как и в Смоленске, и в Вязьме, отчасти случайно, отчасти по татарскому обычаю, базар (bazar) расположен в азиатской части города»³. Таким образом, в одном предложении Сегюр трижды напомнил читателю о восточных чертах страны, в которой он очутился, используя слово «базар», упомянув татарские обычаи, которые, по его мнению, сильны во всех русских городах, и разделив русский город на азиатскую и, видимо, европейскую части. По какому принципу происходило это деление, Сегюр не объяснил, что оставляло простор для фантазии читателя.

Лучшей иллюстрацией переплетения азиатских и европейских черт в российском обществе являлась Москва, поскольку в большой степени обладала и теми, и другими. Награбленные здесь богатства не только свидетельствовали о тесных связях с Востоком, но и придавали самому городу восточные черты. Кашемировые шали, прекрасные сибирские меха и другие товары, которые назывались индийскими, китайскими и т. п., напоминали читателю о близости восточных стран. В Москве имелся также китайский город (la ville chinoise), именно здесь, по словам Булара, можно было найти китайские товары⁴. Бургонь утверждал, что видел нескольких китайцев на улицах сгоревшей столицы⁵. Каким образом он определил национальную принадлежность этих людей, автор не уточнил.

Неизгладимое впечатление произвела на участников похода архитектура Москвы. В мемуарах можно найти множество описаний церквей и дворцов. Будущий маршал Каstellлан отмечал, что у каждой греческой церкви, которых много сохранилось после пожара, поскольку они построены из кирпича, было пять или шесть колоколен

Стендаль. Собрание сочинений. Т. 15. С. 126, 128.

² *Lettres interceptées par les Russes. P. 279.*

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. Т. 1. P. 258.

⁴ Судя по всему, так мемуарист перевел название Китай-город. *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 263.*

⁵ *Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 29.*

с золочеными или покрашенными в зеленый цвет куполами¹. Сегюр полагал, что в Москве 295 церквей, золоченые купола которых произвели огромное впечатление на путешественника, 1500 дворцов с садами, а также большой базар, где продавались товары четырех сторон света². Обилие дворцов в Москве отметил и Куанье, полагавший, что они занимают половину территории города³. Тысячи московских куполов и колоколен, отражавших лучи яркого солнца, позволяли де Ла Флизу вообразить себя в Азии⁴.

Не забыли авторы мемуаров упомянуть и Московский Кремль, служивший резиденцией французского императора во время его пребывания в Москве. Однако посещение этой «цитадели царей» вызвало у участников похода разную реакцию. Так, майор Булар, когда его часть приблизилась к одним из ворот Кремля, лишь немного осмотрел этот по внешнему виду «древний и мрачный въезд», а более поздний поход в один из дворцов Кремля запомнился ему не столько красотой архитектуры, сколько теми сувенирами, которые он там раздобыл⁵. Сегюр придавал гораздо большее значение приходу французов в Кремль. По его словам, и сам Наполеон, «увидев дворец Романовых и Рюриковичей, носящий одновременно готические и современные черты, трон, все еще воздвигнутый на своем месте, крест Ивана Великого, лучшую часть города, над которой Кремль доминирует и которую даже пламя, еще бушевавшее на базаре, пощадило», вновь начал надеяться на заключение мира⁶. Упоминание такого количества важных для России исторических имен и атрибутов царской власти должно было свидетельствовать о значимости победы французов.

Все эти специфические переживания, связанные с близостью Москвы к Востоку, необычностью ее архитектуры, а также московский пожар породили у участников похода особое отношение к городу. Многие мемуаристы уже побывали в составе наполеоновских войск в самых разных странах, но древняя столица России заняла среди всех покоренных городов совершенно особое место. «Многие столицы, которые я видел, такие как Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид, произвели на меня заурядное впечатление, – писал сержант Бургонь, – но здесь (в Москве. – *Н. П.*) все было иначе, здесь я,

Castellane, Boniface de. Journal... Т. 1. Р. 158.

² *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon.* Т. 2. Р. 5–6.
Les cahiers du capitaine Coignet. Р. 327.

⁴ *Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г.* С. 38.
Boulart J. F. Mémoires militaires. Р. 260, 262.

⁶ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon.* Т. 2. Р. 32.

как и все другие, ощущал что-то магическое». В ожидании вступления в Москву французы – по словам Бургоня – забыли об усталости, бедах и лишениях, и могли думать только о предстоящем удовольствии¹. Такой положительный настрой перед входением в российскую столицу был в первую очередь связан с ожиданием скорого мира, но поскольку мемуары писались много лет спустя после завершения кампании, это соображение авторы могли и опустить в своем сочинении. В результате читатель приходил к заключению, что забыть об усталости позволяло именно магическое впечатление, порожденное одним именем города.

Правда, через несколько страниц Бургонь сам ставит под сомнение богатство Москвы. Он утверждал, что в Кремле нашли совсем не так много сокровищ, как ожидали. В одном из храмов вместо богатств нашли только каменные могилы с серебряными табличками². Такие факты демонстрировали показной характер российского богатства и еще раз подтверждали приверженность русских к внешним атрибутам и подражательству, что в свою очередь должно было свидетельствовать о невысоком уровне развития российской цивилизации.

Московский пожар часто обсуждался в письмах участников похода. Некоторые из их описаний были очень живописными, хотя в дни пожара лишь небольшое количество французских войск находилось непосредственно в российской столице: большая часть армии располагалась тогда вокруг Москвы. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что в изображениях пожара в переписке весьма заметно влияние текстов бюллетеней Великой армии (особенно 19-го бюллетеня от 16 сентября). Так, во многих письмах можно найти строки о красоте и величии города, который, вслед за бюллетенями, активно сравнивали с Парижем. «Представь себе, – писал Ф. Ш. Лист, – Москва на 3 лье в окружности больше Парижа, то есть она составляет 10 лье. Однако в ней столько же жителей. Мне кажется, что она более прелестна и лучше украшена, чем Париж. Все улицы весьма широкие и удобные и даже очень чистые»³. В некоторых письмах указывался еще больший размер древней русской столицы – 14 лье в окружности⁴. Возможно, такие разночтения возникли потому, что в бюллетене про размеры

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 13.

² *Ibid.* P. 47.

³ *Lettres interceptées par les Russes. P. 27.*

⁴ *Ibid.* P. 22, 24.

Москвы говорилось лишь, что она столь же велика, как Париж¹. Некоторые авторы, чтобы продемонстрировать своим адресатам глубину собственных переживаний, пытались продолжить сравнение двух столиц: «Представь себе Париж или Лондон, на территории которых осталось лишь несколько домов разбросанных тут и там. Это самое ужасное, что я когда-либо видел или увижу в своей жизни. Мы отошли от города на одно лье и в нашем лагере можно было читать как ночью, так и днем. Эта древняя столица Московии, столь же огромная, как Париж, если не больше его, теперь лишь тень. Русские – ужасные варвары», – писал некто Борвот жене². Аналогичное описание находим и у Ф. Парге: «Представь себе Париж сожженным – все дома без крыши, без дверей и окон – и заполненным дымящимися развалинами, некоторые дома сохранились и кажутся вам уцелевшими, как Ситэ и остров Св. Людовика. Мне кажется, что дворцы и архитектура здесь даже лучше, чем о ней говорили, если судить по тому, что осталось»³.

В некоторых письмах можно найти описания тех районов, где удалось побывать автору послания. Хранитель складов продовольствия Проспер в письме отчиму кратко описывал весь город с делением его на районы. При этом он полагал, что Кремль был построен Петром I⁴. О значении Москвы для экономики Российской империи также часто упоминалось в переписке. «Этот город является центром торговли всей России», – констатировал генерал Грандо⁵. «Именно здесь, – вторил ему Ван Бекоп, – находились запасы всей торговли империи с Азией. Здесь было 15 000 лавок и складов только материи и фарфора»⁶. Упоминание Азии ставило саму Москву в соответствующий географический контекст, напоминая о том, что вся Россия является отчасти азиатской страной, что объясняет и поведение ее жителей. «Город построен в азиатской манере и включает огромное количество куполов церквей и мечетей», – писал Проспер своему отчиму⁷. К азиатским чертам российской столицы относили большое количество церквей и колоколен, которых уже упомянутый П. Паради насчитывал до 1600⁸. Цифра эта неслучайна и является

Moniteur Universel. 1812. № 277.

² Lettres interceptées par les Russes. P. 58.

³ Ibid. P. 61.

⁴ Ibid. P. 149.

Ibid. P. 38–39

⁶ Ibid. P. 50.

⁷ Ibid. P. 150.

⁸ Ibid. P. 22.

интерпретацией известной фразы «сорок сороков», именно столько было церковей в Москве, как утверждала российская поговорка. В воображении некоторых авторов пожар Москвы напоминал гибель Трои и Карфагена¹, что должно было свидетельствовать, с одной стороны, о величии события, а с другой стороны, еще раз подчеркнуть варварство тех, кто сжег город.

В рамках ментальной географии на территории России французами выделялось несколько регионов, имевших свою, в том числе цивилизационную, специфику. Так, западные губернии империи определялись как Русская Польша или Литва. Этот регион простирался от западных границ Российской империи до границ бывшей Речи Посполитой. Роосу Литва показалась лучше устроенной и организованной по сравнению с герцогством Варшавским: «Наше составленное заранее мнение о России и наше малодушие относительно великого предприятия отчасти рассеялись, как только мы заметили, что на другом берегу реки все было иначе и в лучшем состоянии, чем нам приходилось видеть до сих пор в Польше². В то время как Ла Флиз вспоминал, что песчаные дороги в окрестностях Вильно напоминали солдатам, видевшим пирамиды, египетские пустыни³. Большую разницу между старой Россией и Литвой отмечал фон Иелин, хотя в чем именно состояла эта разница, он не пояснил⁴. Особое внимание этому региону в рамках подготовки кампании 1812 г. уделяли офицеры польского происхождения, находившиеся на службе Наполеона. В 1811–1812 гг. император французов получил несколько записок, содержащих различные предложения по организации восстаний в польских губерниях Российской империи, а также о послевоенном устройстве этих территорий⁵. В сообщениях информаторов польские владения России оценивались как находящиеся «в состоянии детства», но имеющие огромный потенциал развития благодаря близости к Европе⁶. Сам Наполеон так и не зафиксировал ни в одном документе своего отношения к идее восстановления Польши «от Одера до Днестра» и, судя по всему, не имел

Ibid. P. 114.

² Роос Г. У. С Наполеоном в Россию. С. 20.

³ Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. С. 54.

⁴ Иелин Х. Ф. фон. Записки офицера армии Наполеона. С. 192.

Подробнее см.: Ададуров В. В. От ментальной картографии к военной топографии.

⁶ Ададуров В. В. От ментальной картографии к военной топографии. С. 24.

никаких определенных планов относительно западных и юго-западных губерний России¹.

Специфическим регионом Российской империи, являвшимся одновременно и полюсом холода, и полюсом страха как для российских жителей, так и для иностранцев, была Сибирь. Во многих сочинениях XVIII в. содержались сведения об этой малоизвестной и «страшной» территории. В ходе кампании 1812 г. не только французская армия не дошла до Сибири, но и пленные солдаты Великой армии не побывали там, однако многие участники похода знали о ее существовании. По крайней мере, сержант Бургонь во время своего недолгого плена высказывал опасения, что их могут отправить в Сибирь, и в первую же ночь он сбежал². Сибирь была не только символом холода, но еще и местом ссылки, и именно в таком качестве о ней вспоминал Коленкур. По его словам, после того как Великая армия вошла на территорию России, «страх кнута и Сибири», распространенный среди местных жителей, не позволял французам добывать сведения о русской армии³.

Авторы писем и мемуаров немало строк посвятили описаниям своих представлений о географии России, ее городах и регионах. В целом эти произведения отразили процессы перемещения основной угрозы варварства для Европы с севера на восток и формирования в представлениях европейцев нового макрорегиона – «Восточная Европа».

Перевод стрелки компаса в восприятии России с севера на восток происходил в первой половине XIX в., и литература о походе Наполеона сыграла в этом процессе значительную роль, т. к. авторы воспоминаний как очевидцы имели в этом отношении авторитет. Поэтому на страницах подобных произведений Россия представляла

Ададуров В. В. От ментальной картографии к военной топографии. С. 23. В современной украинской историографии распространено мнение о наличии у Наполеона каких-то специфических планов относительно Украины и ее возможной судьбы после победы над Александром I, однако основанные на архивных документах исследования показывают, что подобные заявления являются элементом национальной мифологии. Подробнее см.: *Ададуров В.* «Наполеонида» на Сході Європи: Уявлення, проекта та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX ст. Львів, 2007; *Захарчук О. Н.* Элементы мифологизации наполеоноведения в современной постсоветской науке // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М., 2011. С. 72–91.

² *Bourgogne A. J. B. Mémoires.* P. 300.

Caulaincourt A. Mémoires. Т. 1. P. 412.

страной не только северной, но и восточной, азиатской, объединяя в себе, таким образом, две традиции географической локации варварских стран, одна из которых восходила к эпохе Возрождения и Античности, помещая нецивилизованные территории на севере, другая формировалась в Новое время и помещала центр варварства на востоке, связывая само варварство с миром кочевников и народами, исповедовавшими ислам.

§ 2. Борьба Великой армии с российским климатом

Наполеон уже в последних бюллетенях, выпущенных в России, объявил российский климат одним из главных победителей Великой армии. Позднее, в сочинениях, продиктованных им в ссылке, он еще раз повторил и развернул данный тезис. Мемуаристы в большинстве своем не противоречили, а наоборот, только поддерживали эту легенду. До начала боевых действий у участников похода не было недостатка в источниках информации о климатических особенностях будущего театра военных действий. Многие авторы, писавшие о России в XVII–XVIII вв., указывали на то, что зимы здесь холоднее, чем в большинстве европейских стран. Немало внимания особенностям российской погоды уделяла и французская пресса, которая наряду с вполне реалистичными описаниями погоды в России (см. например, сюжет о замерзании Западной Двины, рассмотренный в первой части настоящей работы) иногда повторяла и ставшие практически мифологическими байки о том, что в этой стране так холодно, что птицы замерзают прямо на лету¹. Основываясь на всей этой информации, а также опыте кампании 1806–1807 гг., солдаты наполеоновских войск могли предположить, что в России они столкнутся с сильными холодами, которые к тому же, вероятно, начнутся раньше, чем в других странах, где им доводилось воевать. Поэтому во время пребывания в Москве участники похода искали или покупали теплые вещи, торговля которыми активно шла в городе. Однако эти знания не помогли французским солдатам, и во время похода 1812 г. они страдали от холода, а счет замерзших насмерть велся на тысячи. Позднее, основываясь в первую очередь на 29-м бюллетене Великой армии, получила распространение точка зрения, что именно морозы стали главной причиной поражения Наполеона в России.

В частной переписке участников похода тема погоды и климата являлась одной из центральных. Ее значение усиливалось тем, что,

Moniteur Universel. 1811. № 84.

как говорилось выше, многие солдаты и офицеры уже с июня–июля были вынуждены ночевать под открытым небом.

До вступления Великой армии в Москву упоминаний о погодных условиях, в которых оказались французы в России, встречаются в письмах не слишком часто. С конца же сентября эта тема становится одной из самых популярных. Лейтенант Ф. Ш. Лист писал 22 сентября, что уже несколько дней идут дожди и скоро должны начаться заморозки, а потому ему следует быть готовым к неудобствам здешнего сурового климата¹. Ж. П. М. Барье в те же дни отмечал, что зима в России наступает намного раньше, чем в остальной Европе, но, добавляя он, это не помешает французам и далее одерживать победы². Приближение холодного времени года ощущал и Ван Бэкоп, о чем он писал отцу 27 сентября³. Полковник Ф. Парге так описывал последний день сентября: «Дождь, ветер, снег, заморозки и низкая температура, вот какова сегодня московитская погода»⁴. В тот же день Жорж в письме жене утверждал, что ночью уже были заморозки и образовался довольно внушительный слой инея⁵.

Французская пропаганда накануне и во время кампании 1812 г. пыталась оспорить ряд распространенных стереотипов об ужасном российском климате. С этой целью в газетах печатались заметки, где утверждалось, что различия в погодных условиях между Францией и Россией не слишком велики. Император Наполеон активно способствовал распространению этой точки зрения среди своих подчиненных. О том, что это было целенаправленное действие, свидетельствует письмо Маре от 26 октября из Вильно Макдональду, в котором герцог Бассано пересказывал сведения, полученные им от самого императора: «Последнее письмо от Его Величества я получил еще из Москвы, оно датировано 18 числом... Против всех ожиданий, погода очень благоприятная»⁶. Жюно в письме к м-ль Каролин от 16 октября также писал о неожиданно хорошей погоде в это время года: «Мы все еще в Москве, и у нас по-прежнему отличная погода, что разбивает расчеты наших астрономов. Заморозки были еще 6 недель назад в Можайске (французская армия вошла в Можайск 9 сентября. – Н. П.), и за исключением небольшого снегопада, который случился позавчера, мы еще месяц наслаждались настоящей весной

Lettres interceptées par les Russes. P. 27.

² Ibid. P. 32.

³ Ibid. P. 49.

⁴ Ibid. P. 61.

Ibid. P. 63.

⁶ *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. T. 2. P. 117.

погодой»¹. Однако в ряде писем можно найти и несколько иные оценки. Так, Э. Мунье в письме от 30 июня из Вильно сообщал: «Погода холодная и облачная, как у нас в ноябре»². В конце августа он в другом письме отмечал довольно сильные перепады температур днем и ночью, добавив, что это обычно для России³, но, судя по всему, он не испытывал еще большого дискомфорта от таких природных условий.

В 28 и 29-м бюллетенях Великой армии император французов утверждал, что до 6 ноября погода была хорошей и только 7-го началась настоящая зима и земля покрылась снегом⁴. Однако в частной корреспонденции уже с середины октября участники похода постоянно сообщали о выпавшем снеге и холодах. Клод Соала утверждал в письме от 13 октября, что первый снег уже выпал⁵. Его сведения фактически подтверждал генерал Мутон, утверждавший в послании от 14 октября, что снег идет уже два дня⁶. Итасс в письме своему другу Колинкампу в тот же день даже писал, что на бивуаках по дороге в Калугу армия будет чувствовать себя не очень хорошо, находясь в снегу по горло. Правда, он тут же признавался, что несколько преувеличивает, хотя снегопад и был довольно сильным⁷. В послании кузине он иронично замечал, что снег доходит до колен, сковывая движения и мешая шутить⁸. Несмотря на то что Итасс в этих письмах явно преувеличил силу природных стихий, тем более он сам в тот момент еще находился в Москве, несомненно одно – холод уже начал давать о себе знать. Наступление холодов подтверждал и А. де Ноайль, который 15 октября писал, что когда прибыл в авангард Мюрата, то продрог от холода, ведь он был «покрыт льдом с головы до пят», хотя и не так сильно, как можно было бы ожидать⁹. Возможно, это уточнение было сделано специально, чтобы успокоить читателей письма.

В начале ноября холода явно усилились, авторы писем все чаще стали жаловаться на то, что страдают от такой погоды. Маршал Мюрат в письмах начала ноября из Смоленска жене, дочери и сыну упоминал о наступлении суровой зимы и говорил, что к такому холо-

Lettres interceptées par les Russes. P. 165.

² *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. T. 2. P. 65.

³ *Ibid.* P. 70.

⁴ *Moniteur Universel.* 1812. № 334, 352.

Lettres interceptées par les Russes. P. 336.

⁶ *Ibid.* P. 95.

Ibid. P. 103.

⁸ *Ibid.* P. 108–109.

⁹ *Ibid.* P. 118.

ду, как в этой стране, привыкнуть невозможно¹. Вопреки тому, что утверждали бюллетени, еще 4 ноября маршал Макдональд писал герцогу Маре о том, что погода ужасно испортилась, как и положено в это время года для подобного климата: уже замерзли некоторые реки². Безусловно, погодные условия в Курляндии, где стояли войска Макдональда, отличались от условий в окрестностях Смоленска, где в тот момент находилась Главная квартира Наполеона. Однако есть свидетельства того, что и в районе действий основных сил Великой армии погода была также весьма холодной. Генерал Барагэ д'Ильер 4 ноября писал, что все реки в районе действий его дивизии замерзли до такой степени, что могут выдержать человека³. Маршал Мортье в тот же день утверждал, что лично пересек по льду довольно большое и глубокое озеро⁴.

Авторы многих писем отзывались о наступивших холодах с юмором. Часто такое отношение было связано с личной уверенностью автора в своей дальнейшей судьбе. Э. Рибо, служивший при императорской квартире, пытался успокоить родителей относительно своего положения в таком климате и фактически подтверждал положения бюллетеней: «Счастливая звезда императора дала нам на протяжении всего пребывания в России наилучшую погоду. Уже десять дней заморозки и очень холодно, уксус замерз. Каждый день у нас ярко светит солнце, сейчас три часа после полудня, а я нахожусь под открытым небом и не испытываю никаких затруднений, и если мой почерк не очень твердый, то лишь потому, что пишу на коленях»⁵. Аналогичным образом пытался успокоить свою мать и Ж. Лоренсан, 9 ноября он сообщал из Смоленска: «По счастливому стечению обстоятельств, до сих пор погода была довольно мягкой, по крайней мере, как во Франции, и не было дождей. Первый снег выпал 29 октября, и мороз был обычным, как в прошлом году в первой половине сентября, повозки пересекали реки по льду. Что касается меня, то я смеюсь над морозом. У меня большая шинель из хорошего сукна, подбитая замечательной сибирской лисой... и хорошие башмаки, подбитые мехом»⁶. Правда из текста письма в целом становится ясно, что спокойное отношение автора к холодам было отчасти связано с

Lettres interceptées par les Russes. P. 317.

² *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. T. 1. P. 111.

³ Lettres interceptées par les Russes. P. 344.

⁴ Ibid. P. 238.

Ibid. P. 193.

⁶ РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 39 об.

тем, что лично ему удалось сделать довольно большие запасы продовольствия.

В период, когда основные силы Великой армии подходили к Смоленску, погода заметно ухудшилась. Майор Маршал писал 7 ноября, что снежный покров уже достиг фута и довольно холодно¹. И с этого времени в корреспонденции можно найти множество упоминаний об обморожениях. Ж. Пюни де Монфор пишет, что обморозился, и это доставляет ему много страданий². Неизвестный хирург рассказывал о большом числе насмерть замерзших французов, которых нашли на дороге³. Состояние фланговых корпусов было немногим лучше. Н. Удино докладывал 16 ноября Бертье, что его корпус не может вести маневренную войну, так как любой переход стоит ему больше людей и лошадей, чем большое сражение: солдаты умирают от холода и нехватки продовольствия⁴.

Просматривая эти письма, можно сделать интересное наблюдение: описывая свои страдания от холодов в России, авторы довольно редко связывали их с отсутствием продовольствия, фуража и теплой одежды. Проследить эту тенденцию можно и на уровне самых высокопоставленных чинов французской армии. Так, маршал Бертье в приказе Виктору отмечал, что «холод убил всех лошадей»⁵. При этом начальник Генерального штаба не упомянул, что массовая гибель конского состава произошла не столько от холодов, которые были вполне ожидаемы в ноябре, а из-за отсутствия фуража и специальных подков, которые позволили бы животным спокойно передвигаться по зимним дорогам.

Впрочем, некоторые авторы пытались подшучивать в письмах над российским климатом: «Я пишу тебе в самый лучший день, при самом лучшем морозе, сидя на самом лучшем коме земли, я продрог и особенно холодно кончикам пальцев, но я пишу, чтобы ты обо мне не беспокоилась»⁶, – сообщал майор пешей артиллерии старой гвардии Ж. Ф. Булар. А полковник Л. Сопранси обещал 8 ноября матери, что поедет из Смоленска на санях без остановки до самого бульвара Капуцинов⁷.

Там же. Л. 18.

² *Lettres interceptées par les Russes*. P. 219

³ *Ibid.* P. 250.

⁴ *Chuquet A.* 1812. *La guerre de Russie*. T. 2. P. 142.

Ibid. T. 2. P. 219.

⁶ *Lettres interceptées par les Russes*. P. 184.

⁷ *Ibid.* P. 214.

Безусловно, в основной массе участники похода редко сталкивались в своей прежней жизни с холодами, подобными российским, однако многие из них имели представление о том, чего ждать зимой в этих широтах, о чем свидетельствует описанный ранее ажиотаж по приобретению меховой одежды. Отголоски того, что традиционные представления о российской зиме были распространены весьма широко, можно найти в письме А. Бейля Ф. Фору от 9 ноября: «Мороз легкий, два или три градуса, но, так как мы в России, каждый убежден, что он замерзает. Все наши помыслы направлены на физическую сторону бытия: иметь или не иметь сапоги, шубу – вот основной вопрос»¹. Трудности, испытанные французами в 1812 г., еще больше укрепили сложившийся в прежние эпохи образ «холодной России», ибо в восприятии широких слоев населения факты плохого снабжения войск и недостатка теплых вещей ассоциировались с особенностями страны и ее климата, а не со слабой работой интендантской службы.

Если верить мемуарам, то, несмотря на все предыдущие знания о России, французы оказались совершенно не готовы к реалиям российского климата. При этом важно отметить, что некоторые авторы, развивая «климатическую» теорию поражения Великой армии, заявляли, что и лето в России оказалось для них очень тяжелым. Так, майор Булар утверждал, что никогда не страдал от жары так, как в России². И это при том, что его карьера началась еще во времена Революции и он не один раз сражался в Италии, в том числе летом, а также участвовал в испанской эпопее.

Очень активно идею о том, что климат стал главным победителем Великой армии в России, развивал в своем произведении адъютант императора Ф. де Сегюр. С помощью постоянных упоминаний о погоде и описаний российской природы он подводил читателя к мысли, что с самого начала похода французам приходилось больше бороться со стихиями, чем с людьми. При переходе через Неман завоевателям не пытались противостоять. На другом берегу был только лес и один казак, наблюдавший за саперами, наводившими мост, однако начавшаяся затем гроза символизировала те силы, с которыми французы будут бороться в России³. Рассказ о грозе подтверждал и Булар⁴, в то время как Бургонь утверждал, что никакой грозы не было и погода

Стендаль. Собрание сочинений. Т. 15. С. 126.

² *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 251.*

Séjour Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 109–110.

⁴ *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 242.*

стояла прекрасная¹. Такой спор вокруг, казалось бы, не самого значительного сюжета, с одной стороны, подтверждает влияние сочинения Ф. П. де Сегюра на всю последующую мемуаристику и историографию войны 1812 г. С другой стороны, «климатическая» теория поражения Великой армии была настолько популярна, что мемуаристы не могли обойти вниманием любое природное явление, имевшее место в России в 1812 г.

По мнению Сегюра, климат в России тяжел в любое время года: «Таков уж здесь климат! Он состоит из крайностей. Небо либо все иссушает, либо все сжигает или замораживает эту землю со всеми ее жителями, которых оно как будто должно защищать. Коварная жара ослабляла нас и делала более восприимчивыми к холоду, который должен был вскоре дать себя почувствовать»². От жары под Москвой 9 сентября страдал и офицер итальянской гвардии Цезарь де Ложье³.

Воздействием российского климата Сегюр объяснял и нездоровье императора Наполеона во время Бородинской битвы, ставшее причиной его пассивности и приведшее к тому, что сражение оказалось напрасным и не решило исход кампании. «Русская осень взяла над ним (Наполеоном. – Н. П.) верх. Преждевременная суровость погоды явилась удивительно кстати для русских. 6 сентября, накануне великой битвы, ураган возвестил о приближении осени. От этого урагана Наполеон леденел. Уже в ночь все заметили, что его снедает лихорадка, угнетая его дух, и она изматывала его во время битвы. Болезнь сковывала его движения и его гений на протяжении пяти следующих дней, что спасло Кутузова от полного разгрома»⁴. Но основные столкновения с климатом были еще впереди. С началом отступления и особенно после того, как армия вернулась на Старую Смоленскую дорогу, по мнению Сегюра, и начались главные испытания.

Как мы видели, в письмах сведения относительно погодных условий в конце октября – начале ноября весьма схожи между собой. Различия в отношении того, сколько и в какой день было градусов и когда пошел первый снег, были не столь существенны и иногда объясняются тем, что авторы писем находились в разных местностях. Наполеон в бюллетенях заявлял, что зима началась в ночь с 6 на 7 ноября. Сегюр в красках развил это утверждение, рассказав, что принц Евгений должен был 7 ноября отбиваться от атак Платова при двадцатиградусных морозах, а молодой полковник Фезансак, подчи-

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 2.

² *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 164.*

³ *Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. С. 97.*

⁴ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 305.*

ненный Богарнэ, сумел оживить своих застывших от холода солдат, которые в ярости бросились на неприятеля, на снежные сугробы, на ледяной северный ураган!¹ Таким образом, два из трех названных Богарне врагов являлись порождением стихии. Р. Вьейо утверждал, что русский помещик еще в октябре предупреждал его, что климат будет важным союзником русской армии в разгроме французов².

В отношении времени наступления холодов и их влияния на состояние армии большинство мемуаристов придерживались хронологии бюллетеней, хотя далеко не все из них пытались запугать читателя упоминаниями запредельных температур. Майор Булар подтверждал, что, когда армия подходила к Смоленску, погода сделалась холоднее, но не приводил на этот счет никаких подробностей. По-настоящему сильные морозы, по его мнению, настигли армию только в начале декабря между Молодечно и Сморгонью, когда температура опустилась до 26–28 градусов³.

Были и те, кто не старался обвинить во всех бедах Великой армии российский климат и утверждал даже, что при должной подготовке к холодам можно было избежать многих несчастий, тем более если бы император решил выйти из Москвы несколько раньше. Эти авторы, в отличие от Сегюра, Бургоня и других, возлагали определенную ответственность за произошедшую трагедию на окружение императора и косвенно на него самого. Например, Коленкур писал, что в сентябре–октябре погода была чрезвычайно теплой для данной территории, о чем говорили даже местные жители⁴. По его данным, холода наступали постепенно и дали себя почувствовать во второй половине октября. По утверждению Каstellана, еще третьего ноября «днем было по-летнему жарко, а ночью – холодно»⁵. Достаточно четко выразил главную причину большого числа жертв в Великой армии от морозов де Ла Флиз: «Природа всех жителей Европы одна и та же. Главная причина гибели Великой армии не морозы, а отсутствие теплой одежды и сытного питания, что в условиях холодов совершенно недопустимо»⁶.

Таким образом, никто из мемуаристов не опровергал первостепенного значения погоды в поражении Великой армии в России. Но одни авторы концентрировали внимание читателя на стихийных

Séjour Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 142–143.

² *Vieillot R. Souvenirs d'un prisonnier en Russie. P. 104.*

Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 277.

⁴ *Caulaincourt A. Mémoires. T. 2. P. 42, 54.*

Castellane, Boniface de. Journal... T. 1. P. 180.

⁶ *Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. С. 60.*

факторах, другие отмечали, что холодная зима не должна была стать сюрпризом для французов, и потому большие потери от обморожений являются скорее следствием недостаточной подготовки к суровому сезону. Таким образом, эти критики косвенно выдвигали обвинение в большом количестве жертв против самих французов.

С климатическими стереотипами о России были тесно связаны и представления о пустынности страны. «Мы находимся в пустыне... в холодной стране», – писал интендантский служащий Ф. Шартон¹. В письмах участники похода также неоднократно вспоминали об этой ее черте. Э. Мунье 19 июля писал жене: «Дорога от Вильно на Свенцяны – это ужасная пустыня. 20 или 24 лье через практически сплошной еловый лес»². Спустя месяц он снова писал о безлюдных территориях, по которым проходили французские войска: «Мы вышли из Витебска 13 августа и направились к Днепру. Местность здесь практически везде пустынна и практически повсюду покрыта березовым лесом»³. Впечатление о пустынности территорий, по которым проезжал Мунье, было вызвано обилием лесов и особенно таких, которые во Франции встречаются очень редко (еловые и березовые). При этом территория «истинной России» показалась ему более обустроенной по сравнению с Польшей: «Широкие обработанные поля. Леса здесь расположены на некотором расстоянии от дороги и не слишком протяженные. Это похоже на равнины Германии. Но здесь очень мало деревень, а те, что есть, довольно маленькие и нищие»⁴. Таким образом, в представлениях Мунье Россия неожиданно оказалась более европейской страной, чем Польша.

Иногда, правда, участники похода видели именно в текущей войне причину опустошения территорий, по которым они проходили. «Все деревни (между Юхновым и Вязьмой. – *Н. П.*) пустынны, разграблены и не могут предоставить никакого пропитания ни для людей, ни для лошадей», – докладывал 31 августа генерал М. В. Латур-Мобур маршалу Бертье⁵. Ему вторил О. Боне, утверждавший, что война превратила страну в пустыню⁶.

Холодный климат и пустынность России в представлениях французов были тесно связаны с бедностью населения и страны в целом. Бастие в послании от 17 октября следующим образом описывал

Lettres interceptées par les Russes. P. 49.

² *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. T. 2. P. 65.

³ *Ibid.* P. 68.

⁴ *Ibid.* P. 69.

Ibid. T. 1. P. 68.

⁶ *Lettres interceptées par les Russes.* P. 251.

окрестности Москвы: «Здесь такая бедность, какая только может быть в пустынной стране»¹. И даже весьма изысканные интерьеры домов высшей московской знати, которые успел еще до пожара посетить А. Бейль, не помогли будущему писателю освободиться от традиционных стереотипов восприятия: «Мы прошли через великолепную конюшню и сад, который был бы прекрасен, если бы на деревьях этой страны не лежал, на мой взгляд, неизгладимый отпечаток бедности»².

Описаниям климата уделено повышенное внимание в материалах французской разведки, собранных накануне войны. Обязательной частью тетрадей, посвященных отдельным губерниям или более крупным регионам, был раздел о климате. Правда, информация, представленная в этих разделах, весьма неравноценна. Так, для Эстляндии указаны температурные минимумы и максимумы за год – результаты многолетних наблюдений и отмечалось, что климат в целом «умеренный и здоровый»³. Про Курляндию было сказано: «Климат хороший, но суровый... может быстро переходить от жары к холоду и от холода к жаре. Часты дожди и туманы»⁴. Эта информация, хотя и давала общие представления о погодных условиях, но не могла ответить, например, на такой важный вопрос, в каком месяце может понадобиться французским солдатам зимняя форма. В объемной тетради по Лифляндской губернии уже довольно точно указано время прихода зимы: «Зима начинается с приближением ноября и продолжается до марта. Иногда холода бывают и в апреле... Снег начинает идти часто в октябре, а иногда даже в сентябре. Но он быстро тает и потому дороги, на которые уже выпал снег, нельзя использовать до конца ноября или даже начала декабря»⁵.

Очень подробные и точные данные о климате содержались также в тетради о Московской губернии. Авторы привели, со ссылкой Вихельхаузена⁶, число солнечных и дождливых дней в году, а также указали сколько дней в течение года в регионе дул ветер того или

Lettres interceptées par les Russes. P. 173.

² *Стендаль*. Собрание сочинений. Т. 15. С. 114.

³ SHD DAT. 1M. 1488. Statistique de Gouvernement d'Esthonie. P. 1–2.

⁴ Ibid. Statistique de Courlande. Tableau topographique. P. 1.

Ibid. Gouvernement de Righa ou de Livonie (2, 78 p.). P. 5–6.

⁶ Речь, судя по всему, шла о книге: *Wichelhausen E. Züge zu einem Gemähde von Moskwa in Ansicht auf Klima, Cultur, Sitten, Lebensart, Gebräuche, vorzüglich aber statistische, physische und medicinische Verhältnisse*, Berlin, 1803 (составлена на материалах конца XVIII в., в том числе после поездки автора в Москву в 1790–1791 гг.).

инного направления¹. Относительно невысокое количество солнечных дней, как полагали авторы, задерживало развитие цивилизации в регионе, что опять-таки соответствовало теориям, увязывавшим климат и уровень развития цивилизации.

Не забыли авторы указать и минимальные (-21 градус по шкале Реомюра) и максимальные (+24 градуса) температуры в году, хотя более подробных данных по месяцам не привели, упомянув о случаях экстремальной жары (до 27 градусов), которая сжигала поля, а также и чрезвычайных морозов (от 30 до 32 градусов), при которых начинала замерзать ртуть². При этом утверждалось, что холода в Москве слабее, чем в Петербурге, но сильнее, чем в западных странах, которые находятся на той же широте. Зима, по мнению авторов, длится в Московской губернии с 15 ноября по 15 апреля. И всего за год насчитывается до 160 дней с отрицательными температурами. «Зима дает себя почувствовать в конце октября длинными сумерками. Реки начинают замерзать в середине ноября. Ледяной покров достигает 24–33 дюймов и более плотный здесь, чем в других регионах, так что может выдержать пушки. Снег выпадает уже в октябре. Однако только в первые месяцы нового года зима становится необычайной для жителей южных стран. Потепление начинается в середине апреля, в редких случаях – в конце марта. Жара летом здесь вполне сравнима с погодой в самых южных странах Европы»³. В статистическом сборнике, опубликованном в 1812 г. на русском языке, была приведена очень похожая по содержанию информация о климате в древней столице и ее окрестностях⁴.

В 28 и 29-м бюллетенях Великой армии Наполеон создал картину неожиданно пришедшей зимы, которая нанесла сокрушительный удар по французам. «До 6 ноября погода была прекрасна и движение армии происходило с наилучшим успехом. Морозы начались 7 [ноября], с этого момента мы каждую ночь теряли сотни лошадей, которые падали на бивуаках. Подходя к Смоленску, мы также потеряли огромное множество лошадей в артиллерии и кавалерии»⁵. Многие мемуаристы тоже настаивали на том, что суровый сезон пришел внезапно. Однако сравнение сведений о текущей погоде, приведенных в письмах участников похода, с данными многолетних наблюдений,

SHD DAT. 1M. 1488. Gouvernement de Moskva. P. 6.

² Ibid. P. 9.

³ Ibid. P. 10–11.

⁴ Статистическое описание Московской губернии 1811 года. М., 1812. С. 24–27.

⁵ Moniteur Universel. 1812. № 352.

приведенных в материалах разведки и различных опубликованных сочинениях географов (преимущественно немецких), показывает, что зима 1812 г. не сильно отличалась от средних значений и уж во всяком случае не началась в одну ночь. Сообщения о первых снегопадах можно найти в письмах рядовых участников похода уже в октябре, а к концу того же месяца в некоторых письмах упоминается крепкий ледяной покров на реках и озерах, который выдерживает повозки и артиллерию. Однако при написании своих произведений подавляющее большинство мемуаристов четко следовали хронологии бюллетеней, подтверждая таким образом пропагандистские установки времен войны.

§ 3. Цивилизация России

Наполеон в своих письмах, приказах и устных беседах с приближенными постоянно повторял, что он ведет против России обычную политическую войну, которая ничем не отличается от множества других, которые он вел ранее. Распространять такую точку зрения императору французов было необходимо, чтобы в любой момент иметь возможность начать переговоры о мире. Наполеоновская пресса также не вела против России в 1811–1812 гг. широкомасштабной пропагандистской кампании, сравнимой с антироссийскими кампаниями эпохи Революции или начала 1814 г., когда газетные публикации пестрели негативными характеристиками страны, российских солдат, мирных жителей и уровня цивилизации. Однако весь комплекс необычных переживаний участников похода, которые имели место в России, свидетельствовал именно о чрезвычайном характере всей кампании. И как раз необычность войны служила главным оправданием поражения императора французов.

Наполеон часто пытался преувеличить значение собственных побед и придать им окраску античных подвигов. Так, Итальянскую кампанию 1796–1797 гг., по словам Ж. Тюлара, он смог преподнести как Илиаду благодаря парижской прессе и лубочным картинкам¹. На страницах сочинений мемуарного характера о войне 1812 г. этот конфликт носил эпический характер очередного столкновения между варварством и цивилизацией. Так, Сегюр в третьей главе своего сочинения писал, что в случае успеха русского похода, «если бы не нашлось нового Гомера для этого короля королей (Наполеона. – Н. П.), то все же голос девятнадцатого века, ставшего великим веком, заменил бы этого певца, и возглас изумления, проникнув в будущее, раз-

Тюлар Ж. Наполеон, или миф о Спасителе. С. 32.

несся бы из поколения в поколение, до самого отдаленного потомства»¹. То есть, по мысли Сегюра, в случае успеха, поход против России должен был затмить по своей славе Троянскую войну. Но и поражение императора французов отлично укладывалось в картину эпической борьбы добра и зла, цивилизации и варварства.

Названия географических объектов, которые использовали участники похода, также свидетельствовали о ментальной связи этой кампании с величайшими деяниями Древней истории. Так, Днепр в письмах и мемуарах называли Борисфеном, помещая все происходящее на его берегах в контекст античной истории. Такое название можно найти у Кастеллана², Бургоня³, Раппа⁴ и многих других⁵. Упоминание древнего названия реки отчасти было вызвано тем, что оно было более известно потенциальным читателям писем и мемуаров, чем современное, так как история и литература Древнего Рима и Древней Греции являлись обязательными составляющими образования во Франции в XVIII–XIX вв. Однако некоторые авторы, например Коленкур и Куанье, совершенно свободно оперировали современным названием, не опасаясь того, что читатели их не поймут. Французским военным гидроним «Днепр» был в целом хорошо известен, т. к. на картах, включенных в статистические материалы, подготовленные накануне войны, указано именно такое наименование реки⁶.

Сегюр в описании перехода Великой армии через Борисфен около Расасны привел те ассоциации, которые могли родиться у читателей при упоминании античного названия реки: «Удаленность этой реки от нашей родины, а также ее древнее (античное) название возбуждало наше любопытство. Впервые воды этой московитской реки видели нашу победоносную французскую армию. Римляне знали ее только по своим поражениям, по этим же волнам дикари севера, дети Одина и Рюрика, плыли, чтобы ограбить Константинополь. Мы с нетерпением ожидали ее увидеть, но встретили только узкую и сжатую

Séjour Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 22.

² *Castellane, Boniface de. Journal... T. 1. P. 183.*

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 86.

⁴ *Rapp. J. Mémoires du général Rapp, aide-de-camp de Napoléon, écrits par lui-même et publiés par sa famille. 1823. P. 212.*

Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. T. 2. P. 68, 268; Lettres interceptées par les Russes. P. 205, 213.

⁶ См., например: *Statistique des Gouvernemens de Vitebsk et de Mohilev. SHD DAT 1M. 1489.*

холмами реку с лесистыми берегами»¹. Таким образом, мемуарист сравнивал французскую армию с римской, одновременно подчеркивая превосходство современных «римлян» над древними, которые потерпели здесь поражение. Кроме того, он еще раз подтвердил тезис об извечной связи с варварским миром тех территорий, по которым проходили войска Наполеона.

Завоевание Москвы и последовавшие события только дополнили ряд сравнений и ассоциаций между Россией XIX в. и государствами древности. Так, уже упоминалось об использовании в переписке сравнений древней российской столицы с Карфагеном и Троей. Булар в своих мемуарах также сравнил московский пожар с сожжением Трои греками и Рима – Нероном². Сегюр в своем сочинении назвал ее еще и современными Фивами³. Сравнение со столицей Древнего Египта не случайно, так как судьба двух городов несколько схожа. Фивы долго были столицей Египта, и даже после того как административный центр переехал на север, они сохраняли свое значение как культурный и религиозный центр до тех пор, пока фараон Рамзес IX Сотер не разорил город. То есть египетская столица также была разгромлена собственным правителем.

Русскую кампанию Наполеона 1812 г. сравнивали не только с походами римлян и Александра Македонского, но и с деяниями крестоносцев. Например, Цезарь Ложье для описания первого впечатления о Москве воспользовался строками Т. Тассо, уподобив армию французов крестоносцам, а захваченную ими Москву – Иерусалиму⁴. Подобное сравнение находим у Сегюра, который, правда, вспоминал не о том походе, который привел европейских рыцарей в Святой город, а о тех, в которых участвовал французский король Людовик IX. «Экспедиция Наполеона в Россию имела печальное сходство с подобными экспедициями Святого Людовика в Египет и Африку. Все эти вторжения, из которых одни были предприняты в интересах неба, а другие – с земными целями, закончились похожим образом. И эти две катастрофы показали миру, что большие и глубокие политические расчеты просвещенного века могут иметь тот же результат, что и необузданный порыв религиозных чувств суеверной и невежественной эпохи»⁵.

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. Т. 1. P. 184.

² *Boulart J. F. Mémoires militaires. P. 259.*

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. Т. 2. P. 29.

⁴ *Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. С. 100.*

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. Т. 1. P. 58.

Правда, с крестовым походом сравнивали в этой кампании также и действия русских, и в таком случае уже солдаты Великой армии становились варварами. Коленкур писал, что православное духовенство развернуло против вторгшегося противника настоящий крестовый поход, чтобы представить французов «в глазах этого суеверного народа варварами, которые пришли, чтобы низвергнуть их алтари, захватить их добро, их женщин и детей и обратить их в рабство»¹.

Описания животного мира России также относили страну к миру варварства. Многие мемуаристы упоминали медведей, которые водились в стране в большом количестве. Бургонь писал, как во время отступления под Смоленском солдаты его части поймали и тут же съели белого медведя (*un ours blanc*)². В том же сочинении находим упоминание о стычке с волками, которые напали на барак, где отдыхал автор со своим другом Пикаром. Однако последний, взяв в одну руку саблю, а в другую – еловый факел, быстро прогнал зверей³, показав еще раз, что с дикостью нужно бороться с помощью храбрости и ума. Еще один пример, свидетельствующий о дикости и неизученности страны, в которой оказалась Великая армия, находим у фон Йелина, который утверждал, что во время своего пребывания в Дмитрове в качестве пленного видел козла с семью рогами⁴.

В эпическом походе и жертвы тоже должны быть соответствующими. По утверждению Сегюра только при переходе через Неман, в самом начале похода, Великая армия потеряла 10 тысяч лошадей, огромное количество повозок было брошено в песках, и многие люди умерли потом⁵. Коленкур также писал, что в первые дни армия потеряла 10 тысяч лошадей⁶. Эта цифра, повторенная в том числе в воспоминаниях капитана Куанье⁷, в принципе, может быть близка к реальности, так как границу переходило несколько сотен тысяч кавалерийских, артиллерийских и обозных лошадей. Соответственно, указанные цифры потерь составили бы несколько процентов от общего числа, что вполне возможно, если учитывать недостаток фуража, который давал о себе знать с первых же дней. Однако надо заметить, что Сегюр приводит статистику потерь в конском составе только при описании перехода через Неман. Также и Коленкур в

Caulaincourt A. Mémoires. T. 2. P. 81.

² *Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 66–67.*

³ *Ibid. P. 191.*

⁴ *Йелин Х. Ф. фон. Записки офицера армии Наполеона. С. 194.*

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 110.

⁶ *Caulaincourt A. Mémoires. T. 1. P. 349.*

⁷ *Les cahiers du capitaine Coignet. P. 296.*

дальнейшем не давал никаких данных о потерях лошадей до момента выхода Великой армии из Москвы. А вот данные Бургоня о потерях Великой армии от морозов уже кажутся менее реалистичными. Мемуарист утверждал, что в одну из ночей недалеко от Смоленска, когда температура достигла 27 градусов мороза, в разных корпусах армии замерзло насмерть более 10 тысяч солдат¹. Таким образом, получалось, что одна морозная ночь стоила французам больших потерь, чем многие сражения этой кампании (по утверждению Бургоня, французы потеряли в Бородинском сражении 17 тысяч убитыми и ранеными², а под Малоярославцем – 3 тысячи убитыми³). И это при том, что в Смоленске в Великой армии насчитывалось от 40 до 50 тысяч строевых солдат и еще не менее 20 тысяч некомбатантов, то есть если признать сведения Бургоня верными, то получается, что французы за одну ночь потеряли более 10 % всех солдат. Такие заявления, независимо от того, насколько они соответствовали действительности, подкрепляли точку зрения о том, что в России наполеоновским солдатам пришлось противостоять не столько армии противника, сколько стихиям.

Территория, на которую вторглись солдаты Наполеона, традиционно называлась многими европейскими авторами цивилизационно отсталой. Эта отсталость сказывалась, по мнению мемуаристов, на физическом и психологическом состоянии русских. Сегюр писал, что эта отсталость делала раненых российских солдат даже менее чувствительными к боли: «Они действительно страдали меньше, были менее чувствительны как в физическом, так и в духовном отношении, причиной чего был более низкий уровень цивилизации, а также организм, закаленный суровым климатом»⁴. Врач Роос утверждал, что во время отступления Наполеон издал приказ убивать русских пленных, которые больше не могли идти самостоятельно. После получения такого приказа баденские солдаты, эскортировавшие один из конвоев с пленными, стали подговаривать русских бежать и даже посылали их ночью в лес за водой, но те всегда возвращались, так как были слишком нерешительны и боязливы для побега⁵. То есть цивилизационная отсталость, с одной стороны, помогала переносить трудности похода, а с другой – лишала собственной воли.

Bourgogne A. J. B. Mémoires. P. 82.

² *Ibid.* P. 8.

³ *Ibid.* P. 59.

⁴ *Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 302.*

Роос Г. У. С Наполеоном в Россию. С. 89.

В своих воспоминаниях Сегюр представил всю войну 1812 г. как цивилизационный конфликт. В начале повествования, объясняя причины похода, он заявил, что после 1807 г. Александр I остался единственным врагом Наполеона на континенте. «На какую высоту ни вознес бы император Наполеон свой трон на западе и юге Европы, он все же видел перед собой северный трон Александра, всегда готовый властвовать над ним, благодаря своему вечно угрожающему положению. На этих обледенелых вершинах, откуда обрушивалось на Европу в былые времена столько варварских нашествий, Наполеон замечал образование признаков нового вторжения»¹. Важно отметить, что географически русское варварство связано скорее с севером, тогда как на востоке существовала другая варварская империя – Турция, которая буквально накануне начала кампании, вопреки собственным интересам, как их понимали французы, заключила с Россией мир, чем дополнительно усилила противника Франции. Таким образом, варварский мир объединился в своих усилиях для противостояния цивилизации, которую на этот раз олицетворял один человек – Наполеон.

При этом Сегюр признавал, что император французов сам ослабил защиту центра цивилизации, разгромив Австрию и Пруссию (так, видимо, мемуарист представлял себе новый вариант «восточного барьера») и заставив их против воли присоединиться к Великой армии. Но отличия между противниками в этой войне лежали не только в области культуры, религии и духовного развития. Сегюр не забыл добавить, что это также была борьба бедных против богатых².

В конце повествования Сегюр снова вернулся к теме борьбы севера и юга, придав, таким образом, некоторую цельность композиции своего произведения. «Итак, звезда севера одолела звезду Наполеона. Неужели это судьба юга быть побежденным севером?.. И ужасный результат нашего вторжения не является ли тому новым подтверждением?» Далее он упомянул римлян и Карла Великого, которые также не смогли завоевать север, но лишь остановили вторжение. Но когда в нынешнюю эпоху север овладел современными методами войны, русские войска сразу оказались на Эльбе и в Италии, и в скором времени, предсказывал Сегюр, они могут там закрепиться. «В предыдущем веке Европа то ли из человеколюбия, то ли из тщеславия старалась цивилизовать этих людей севера, которых Петр уже сделал грозными воинами. Надеюсь таким образом снизить угрозу Европе впасть в новое варварство, если падение во тьму средних ве-

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 1. P. 48.

² *Ibid.* P. 48.

ков действительно возможно»¹. В этих строках можно обнаружить влияние «Завещания Петра Великого», в котором русскому царю приписывали сходные планы относительно будущего населения Европы, что еще раз демонстрирует влияние и успешность наполеоновской пропаганды в деле формирования исторической памяти.

Несмотря на значительное количество материалов о России, ее географии, климате и общественном устройстве, она предстает на страницах мемуаров о походе 1812 г. страной во многом мифологизированной. Впервые в истории столь значительные массы европейцев получили шанс воочию увидеть далекую Россию и познакомиться с ее обществом. Однако в описаниях российского населения в письмах и сочинениях мемуарного характера преобладали стереотипные трактовки и литературные клише, выработанные в сочинениях прошлых эпох. Можно предположить, что, поскольку жанр письма предполагает краткость, а также из-за самоцензуры авторов корреспонденции, персональные впечатления о России и ее населении не нашли отражения в частной переписке. С другой стороны, сами встречи солдат Великой армии с местным населением происходили в 1812 г., видимо, реже, чем во время других кампаний Наполеона. К моменту, когда участники кампании сели писать воспоминания о походе, многие детали уже стерлись из памяти и вольно или невольно заместились распространенными трактовками, взятыми из более ранних сочинений или пропагандистских документов. В дополнение к тому, что часть сведений о той войне забылась, мемуаристы начали бороться за читателя, привлечь внимание которого можно было либо уникальностью материала, либо литературным талантом, либо масштабом описываемых событий. Авторы наиболее популярных произведений, как, например, Сегюр, пользовались всеми указанными способами.

Климат, пожары, порожденные варварством русских, а также казаки как главные противники Наполеона – все должно было свидетельствовать о том, что император французов, одержав верх над российским государством и его армией, сам оказался побежден стихией, противостоять которой человек не в силах. Подобное представление о характере войны стало проявляться у французских солдат еще в ходе кампании: «Русские, прежде чем вступать в переговоры с нами, хотят посмотреть, победим ли мы их суровый климат, как победили

Ségur Ph. P. Histoire de Napoléon. T. 2. P. 330–331.

их», – писал из Москвы военный комиссар гвардии Ж. Досон¹. Используя распространенные стереотипы о России, император французов попытался снять с себя ответственность за поражение.

Описания российских пространств и климата оказались одними из самых ярких у участников похода. Во многом благодаря именно таким впечатлениям, война против России становится на страницах мемуаров эпическим событием, которое по своему значению стоит сравнивать с Троянской войной, походами древних римлян и крестовых походов. «Цивилизованные» французы вынуждены сражаться здесь не только с людьми, но и с многочисленными стихиями (сначала жарой, потом морозами и снегом), дикими животными (медведями и волками), а также преодолевать огромные и пустынные пространства. Дикость и варварство русских также можно считать одной из стихий, с которыми необходимо бороться солдатам Великой армии.

Вершина эпического искусства – заставить читателя, знающего, чем все должно кончиться, почти поверить на какой-то момент в то, что все может быть иначе². В наполеоновской эпопее мы находим гораздо больше драматизма, в том числе потому, что у Вольтера все описание строится на шествии от победы к победе, тогда как в 1812 г. длинная череда побед Наполеона приводит в финале к поражению и полному разгрому его армии.

Lettres interceptées par les Russes. P. 155.

² Любжин А. И. Новоевропейский эпос в «Россиаде» Хераскова // Русская литература. Историко-литературный журнал. 2010. № 1. С. 11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К концу XVIII в., благодаря путешественникам и миссионерам, уже практически весь мир вошел в границы известного европейцам. Только Китай и Япония оставались мифологизированными странами¹. Россия же, как и Ближний Восток, были на передовом рубеже интеллектуального освоения мира. Эти регионы уже перестали быть мифическими, но информация о них была еще фрагментарной и наполненной различными стереотипами, иногда фантастическими.

Сформировавшиеся в эпоху Просвещения концепции прогресса и цивилизации дали новое обоснование западноевропейскому экспансионизму по отношению к другим народам². Теперь стало возможным оправдывать войны и захваты идеей распространения «цивилизованности», чем активно пользовался Наполеон для объяснения необходимости похода против России в 1812 г.

Накануне и во время этой войны наполеоновская пропаганда успешно сконструировала образ России как страны, представляющей угрозу, с которой необходимо воевать именно сейчас, в том числе во имя ее собственных интересов, чтобы вырвать ее из уз британского торгового рабства. При этом подчеркивалось, что в настоящий момент Российская империя не является опасным противником. Для формирования такого образа актуализировались ранее сложившиеся стереотипные представления о России, но использовались они дифференцированно. Так, Наполеону пришлось частично опровергать устоявшиеся представления о российском климате, чтобы общественное мнение Первой империи не было слишком напугано предстоящим противоборством. Однако в конце кампании император французов вернулся к ранее опровергаемым представлениям и вину за собственное поражение возложил в первую очередь на неожиданно наступившую суровую зиму³.

Woolf S. The construction of a European world-view in the Revolutionary-Napoleonic years // *Past and Present*. 1992. № 137. Nov. P. 77.

² *Ibid.* P. 80.

Forrest A. Russia, the Moscow Campaign and the Making of the Napoleonic Legend // *Russia's first total war: The Wars Against Napoleon in Historical and Cultural Perspective* / *Материалы международного коллоквиума*. Филадельфия, 20–21 апреля 2012 г. Доступны на сайте Департамента славянских язы-

Наполеоновская пропаганда также активно использовала идею русской угрозы, получившую широкое распространение во Франции еще в конце 1790-х гг. в связи с вступлением России во вторую антифранцузскую коалицию. Разработанный, но почти не использованный в то время документ «Завещание Петра Великого», представлявший собой якобы предложенный царем-реформатором план завоевания Европы, был взят из архива и получил довольно широкое распространение в 1812 г. Россию представляли в образе общеевропейского врага в сугубо утилитарных целях: императору французов необходимо было сплотить разнородные контингенты Великой армии вокруг общей идеи, и таким образом заставить Австрию, Пруссию и другие ранее покоренные Наполеоном государства смириться с французским владычеством. Создавая образ России как главного врага Европы, Наполеон пытался сохранить и укрепить собственные завоевания¹. Одновременно такие утверждения служили для подтверждения власти императора внутри Франции, т. к. должны были показать ее жителям, что вся Европа по приказу Наполеона поднялась против общего врага.

Согласно пропагандистским документам Наполеона Россия стала врагом Франции и всей Европы, так сказать, по ошибке, из-за непонимания собственных интересов. Подобная трактовка образа врага требовалась императору французов для того, чтобы иметь возможность в любой момент признать Александра I вернувшимся «на путь истинный» и заключить с ним мир. К слову сказать, российская антифранцузская пропаганда была организована совершенно иначе: в России Наполеон был представлен антихристом и врагом рода человеческого. Такая трактовка обладала гораздо большей мобилизующей силой, но, с другой стороны, подразумевала войну на уничтожение и требовала немалых жертв от всего населения.

Усилия французского императора по мобилизации общества оказались менее успешными не только из-за более мягких и в чем-то более сложных для понимания простыми французами оценок в отношении противника – России, но и по целому ряду иных причин. Свою роль сыграла усталость французского общества от постоянных

ков и литературы Пенсильванского университета. URL: http://ccat.sas.upenn.edu/slavic/events/slavic_symposium/1812_Symposium/papers/Alan_Forrest.pdf (дата обращения: 17.05.2012). Р. 7. Русская версия статьи: *Форрест А.* Московская кампания 1812 года и создание наполеоновской легенды // *Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память.* М., 2013. С. 229.

¹ *Летчфорд С. Е.* Французская революция конца XVIII в. и формирование образа России в общественном мнении Франции. С. 81.

войн. Меньшая религиозность французского общества делала применение пропагандистских схем, аналогичных российским, более сложным делом, хотя частое отождествление русских с татарами (воинами из Тартара – ада), а также описания возможных действий русской армии после предполагаемого завоевания Европы вводили эсхатологические коннотации и в представлениях французов о русских.

Влияние установок пропаганды на формирование исторической памяти о войне с Россией оказалось весьма значительно. На протяжении многих лет бюллетени были важнейшим источником информации о походе 1812 г., а также и эмоциональных оценок для мемуаристов и первых французских историографов кампании. Изучение коллективных представлений участников похода 1812 года, основанное на анализе частной переписки, современной событиям похода, показывает, что влияние пропагандистских документов о событиях войны на содержание писем велико, хотя по отдельным вопросам точки зрения, высказанные в переписке, могут сильно отличаться. Например, в силу важности во время похода бытовых вопросов в переписке больше внимания уделялось климату, погоде, питанию и ночлегу, и по этим вопросам официальные оценки и мнения авторов писем различаются весьма значительно. Однако влияние бюллетеней очень сильно в оценке итогов того или иного сражения, а также в том, как в письмах рассказывалось о московском пожаре и о значении древней столицы для Российской империи. Сожжение русскими собственных городов, в первую очередь Москвы, а также Смоленска и Можайска стало важнейшей иллюстрацией варварства русских. Поскольку с гражданским населением солдаты встречались нечасто, и эти встречи не способствовали познанию особенностей подданных императора Александра, стереотипное представление о варварстве русских в частной корреспонденции было перенесено на русскую армию, а точнее – на казаков. Однако, оказавшись в глубине «варварской» страны, завоеватели сами все больше начинали походить на варваров. Правда, это сходство носило временный характер и в конечном счете только подтверждало негативные характеристики России в целом, ибо именно здесь стало возможным, казалось бы, невозможное – просвещенные французские офицеры стали вести себя, по словам А. Бейля, как самые ужасные варвары¹.

В мемуарах участников похода перед читателем предстал уже вполне обдуманый и отрефлексированный, временами довольно сложный образ России, а не сиюминутное впечатление. Весь огромный комплекс мемуаров прямо или косвенно формировал мифоло-

Lettres interceptées par les Russes. P. 161.

гию похода, связанную со страданиями участников и преодолением огромных трудностей. И эти страдания связывались с особенностями страны, ее дикостью и варварством, где даже представители цивилизованных наций становились немного варварами. Питание, ночлег, отношения с противоположным полом стали в России для участников похода источником необычного опыта, который также демонстрировал глубокие цивилизационные отличия страны.

Одной из наиболее обсуждаемых тем во всех мемуарах является российский климат, который оказался более сильным противником, чем русская армия, и в конечном итоге был объявлен фактическим победителем императора французов. Основу легенды о победе морозов над Наполеоном заложил 29-й бюллетень Великой армии, направленный из России в начале декабря. По утверждению А. Г. Тартаковского, он произвел огромное впечатление на всю Европу самим фактом признания поражения Великой армии в России, и поэтому объяснение причин этого поражения было уже не столь важно. Под влиянием признания поражения версия Наполеона о его причинах была принята за истину, тем более что Наполеон во многих беседах неоднократно повторял ее¹. Эта версия легла на хорошо подготовленную почву. Наполеоновская пропаганда постоянно подводила читателей к мысли, что Великой армии в России противостоят в первую очередь стихии, с которыми до поры французы под управлением императора справлялись, но в конце концов природа все же победила человека. Сходные оценки событий можно найти и в частной переписке, которая была очень важным источником информации о войне для широких слоев общественного мнения во Франции и всей Европе. Такая трактовка событий российской кампании 1812 г. поддерживала миф о непобедимости Наполеона, ибо считалось, что все сражения за время войны он выиграл. Представление о русской зиме как главной причине гибели Великой армии в России надолго закрепилось в общественном мнении Франции и других стран Европы. В 1941 г., спустя более ста лет после похода Великой армии, образ замерзающего в снегах России солдата будоражил воображение немцев, из-за чего нацистская пропаганда предпринимала большие усилия, чтобы объяснить разницу между армиями Наполеона и Гитлера и таким образом успокоить солдат вермахта и их родственников в Германии².

Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967. С. 188.

² Подробнее об этом см.: *Дацишина М. В.* Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. № 6. 2011. С. 149–156.

Противостояние природе, варварству, голоду превращало поход против России в эпическое сражение со стихиями, в котором французы хотя и потерпели поражение, но покрыли себя неувядающей славой. Чтобы подчеркнуть значение кампании, мемуаристы пытались изобразить войну 1812 года как конфликт вселенского масштаба: цивилизованной Европы против варварского (северного, восточного или азиатского) мира. Таким образом, мемуаристы одновременно распространяли ответственность за поражение на все страны, приславшие свои контингенты в Великую армию, подразумевая, что на полях сражения в России проиграли не только французы, но и весь цивилизованный мир. Наряду с главным мифом о великом императоре на материалах российской кампании закреплялись и связанные с ним мифы о храбрых маршалах и непоколебимой старой гвардии. Для оправдания своего поражения Наполеон ссылался на то, что ему противостояли сверхъестественные, стихийные силы. Но из-за невысокого уровня религиозности во французском обществе начала XIX в. на страницах мемуаров, писем или пропагандистских материалов силы эти зачастую остаются неназванными. Интересно отметить, что в такой отсылке к высшим силам, даровавшим победу русским, сами победители оказались согласны с побежденными. В русской литературе первой половины XIX столетия можно найти немало упоминаний о том, что именно божественное провидение даровало победу русскому оружию¹.

Национальное строительство всегда ведется на базе каких-то общих ценностей, которые разделяются большинством будущей нации². Зарождавшийся в эпоху Реставрации и Июльской революции французский национализм нуждался в примерах, подтверждавших превосходство Франции над окружающими странами с помощью рациональных – культурных и политических – аргументов³. Наполеоновская эпоха, когда французские войска не раз громили своих противников на полях Европы, а император простым росчерком пера ликвидировал одни государства, а другим давал новое вну-

Подробнее см., например: *Парсамов В. С. Библейский нарратив войны 1812–1814 годов // История и повествование / под ред. Г. В. Обатнина и П. М. Песонена, 2006. С. 100–121.*

² *Каснэ С. И. Политическая теология и nation-building. С. 16–17.*

Национальная идея в Западной Европе в Новое время: очерки истории. М.: Вече, 2005. С. 181.

треннее устройство, послужила отличным примером для подтверждения превосходства французов. Популяризации эпохи способствовало большое количество устных и письменных воспоминаний участников тех событий. При этом возраст авторов, а многие из них взяли за перо уже в преклонных годах, накладывал определенный отпечаток на содержание мемуаров¹. Нередко им хотелось показать молодым людям пример для подражания, оправдать свои действия, а также продемонстрировать значение той эпохи, активными деятелями которой они себя считали. Прямо или косвенно выраженный дидактический характер мемуаров способствовал закреплению установок национального превосходства французов и мифологии наполеоновской эпохи.

В России в 1812 г. Великая армия потерпела поражение, и в этом отношении поход в Россию стал для национальной мифологии испытанием на прочность. Но поскольку главным победителем французов в этой кампании называли кого угодно (климат, пространство, плохую организацию тыловой службы), но не другую нацию (русских), события похода стали дополнительным и очень важным подтверждением величия французов. Наполеон в 1812 г. столкнулся не с людьми, которых он не раз побеждал как до этого, так и после, а в большей степени со стихийными факторами, к которым вполне можно отнести и варварство русских. Нецивилизованное поведение противника французов в этой кампании, выразившееся в уничтожении собственных городов и деревень, внезапных ночных нападениях, нежелании заключить мир, когда война по всем правилам уже может считаться проигранной, длительное отступление и боязнь открытых столкновений только подтверждали превосходство французов.

Поскольку Франция в XIX в. в культурном и литературном отношении оставалась очень влиятельной страной, то и все произведения литературы и искусства, созданные здесь, оказывали значительное влияние на общеевропейское общественное мнение. В трансляции французской точки зрения на этот поход и Россию как таковую помогали и другие факторы. Так, воспоминания участников похода из немецких и итальянских контингентов очень часто продолжали французскую традицию репрезентации России. Дополнительным стимулом для распространения такого, скорее негативного, образа страны было то, что на протяжении всего XIX в. во многих государствах Европы шли процессы активного строительства наций, также нуждавшихся в конструировании образа «другого», на роль которого

Petiteau N. Écrire la mémoire. Les mémorialistes de la Révolution et de l'Empire. P.: Les Indes Savantes, 2012. P. 27–29.

Россия очень удачно подходила благодаря своей относительной удаленности, замкнутости, принадлежности к иной, для большинства стран Европы, религиозной традиции, а также из-за военных и дипломатических конфликтов, в которых Россия часто оказывалась противником этих стран. Благодаря всем этим разновеликим факторам образ России, сформированный в широких кругах общества в XIX в. во многом на базе памяти о войне 1812 г., сохранялся еще долгие годы и не потерял своей актуальности до сих пор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Часть I. Французская пропаганда о России в 1811–1812 гг.	
Формирование образа врага	18
Глава 1. Системы пропаганды в Первой империи в 1811–1812 гг..	19
Глава 2. Наполеоновская пропаганда о России накануне войны 1812 г..	31
Глава 3. Французская пресса и публицистика о причинах и ходе войны с Россией.	45
Глава 4. Страна и общество в описании французской прессы и публицистики в период войны.	71
Часть II. Война 1812 г. в мемуарах и письмах солдат Великой армии. Формирование исторической памяти	92
Глава 1. Письма и мемуары солдат Великой армии как источники формирования образа России	93
Глава 2. Повседневная жизнь Великой армии в России как часть образа страны.	111
§ 1. Продовольствие и снабжение.	111
§ 2. Особенности ночлега Великой армии в России.	126
§ 3. Мародерство, костюмы и лошади.	130
Глава 3. Русская армия и ее тактика в представлениях участников похода в Россию	148
§ 1. Письма участников кампании 1812 г. о ходе боевых действий	148
§ 2. Описание военных действий в мемуарах участников похода 1812 года и их влияние на формирование представлений о России	164
§ 3. Русская армия и ее тактика на поле боя.	171
Глава 4. Русское общество глазами солдат Великой армии.	194
§ 1. Социальная структура и национальный состав русского общества. Поиск союзников и противников.	194
§ 2. Религия и церковь в России	210

Глава 5. География и климат России как важнейшие противники Великой армии215
§ 1. Российские пространства в представлении французских солдат 1812 г..215
§ 2. Борьба Великой армии с российским климатом227
§ 3. Цивилизация России238
Заключение.	246

Научное издание

Эпоха 1812 года

Промыслов Николай Владимирович

**Французское общественное мнение о России
накануне и во время войны 1812 года**

Ведущий редактор *Н. А. Вольничик*

Редактор *Е. А. Кочанова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 16.12.2016.

Формат 60x90/16. Усл.-печ. л. 16.

Тираж 1000 экз. Заказ 9219.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),

8 (499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Николай Владимирович Про-
мыслов – к. и. н., научный сотруд-
ник лаборатории «Мир в эпоху
Французской революции и На-
полеоновских войн» Института
всеобщей истории РАН. В 2002 г.
окончил исторический факультет
Государственного универси-
тета гуманитарных наук, в 2009 г.
поступил на работу в Институт
всеобщей истории, где в 2012 г.
защитил диссертацию на соис-
кание ученой степени кандидата
исторических наук. С 2016 г. про-
ректор Государственного акаде-
мического университета гумани-
тарных наук.

Сфера научных интересов:
история Наполеоновских войн,
взаимные представления наро-
дов друг о друге, история прес-
сы и управление общественным
мнением.

Э П О Х а